

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Учреждение Российской академии наук
Институт Дальнего Востока РАН

КИТАЙ В МИРОВОЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ

ИСТОРИЯ
И СОВРЕМЕННОСТЬ

Выпуск XV
Ежегодное издание

Москва
ИДВ РАН
2010

УДК [327+339.5](510)
ББК 66.5(5Кит)+66.59(5Кит)
К45

*Рекомендовано к публикации
Ученым советом ИДВ РАН*

Рецензенты:

д. и. н. *Н. Л. Мамаева*, к. и. н. *В. Н. Павлятенко*

Редколлегия:

к. э. н. *Е. И. Сафронова* (отв. редактор-составитель), *О. У. Муфаззалова*

*Светлой памяти
Александра Григорьевича Яковлева —
основателя, первого ответственного редактора,
а также многолетнего автора настоящего издания, —
посвящается этот юбилейный выпуск*

К45 Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XV: ежегодное издание / отв. редактор-составитель *Е. И. Сафронова*. — М.: ИДВ РАН, 2010. — 248 с.

ISBN 978-5-8381-0185-3

Юбилейный 15-й выпуск ежегодного издания включает работы сотрудников Центра стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС, Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений Института Дальнего Востока Российской академии наук, а также приглашенных специалистов. Сборник посвящен анализу ряда наиболее актуальных проблем внешней политики и внешнеэкономических связей Китая по различным их направлениям. Особенностью выпуска стало рассмотрение вопросов участия КНР в ряде международных кооперационных структур (БРИК, ШОС) и ее активности на международно-региональном уровне. Сборник также содержит статью на политико-историческую тему — о советско-китайских отношениях в связи с положением в приграничном Синьцзяне в 1930—1940-е годы.

Статьи отражают авторскую точку зрения, не обязательно совпадающую с мнением издателя.

УДК [327+339.5](510)
ББК 66.5(5Кит)+66.59(5Кит)

ISBN 978-5-8381-0185-3

© Сафронова Е. И., составление, 2010
© ИДВ РАН, 2010

Содержание

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ КНР

<i>Лузянин С. Г.</i> Некоторые аспекты китайской внешней политики в отношении стран «ближнего круга»	6
<i>Уянаев С. В.</i> Двусторонние отношения в формате РИК как одна из структурных основ трехстороннего взаимодействия	22
<i>Уянаев С. В.</i> Значение и основные направления внешнеполитического взаимодействия КНР и РФ	40
<i>Болятко А. В.</i> Приоритеты китайско-американских отношений в Восточной Азии	50
<i>Давыдов А. С.</i> К вопросу о взаимоотношениях ШОС и США	68
<i>Хамраев Ф. М.</i> Особенности стратегии Китая в Центральной Азии: трансформация и обновление	77
<i>Алимов Р. К.</i> Таджикско-китайские отношения: история, современность, перспективы	85
<i>Железняков А. С.</i> Монголия во взаимодействии с Китаем и Россией в рамках цивилизационной структуры ШОС	106

<i>Сафронова Е. И.</i> Современная политико-экономическая стратегия КНР в отношении стран «третьего мира» (на примере Африки и Латинской Америки)	116
<i>Мокрецкий А. Ч.</i> Современные китайско-африканские отношения: ускорение развития	140
<i>Трифонов В. И.</i> О развитии диалога между Пекином и Тайбэем и его влиянии на китайско-американские отношения	152
<i>Зародов И. А.</i> Миротворческая деятельность Китая в системе ООН	173

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КНР

<i>Портяков В. Я.</i> Российско-китайские торгово-экономические связи: современное состояние и перспективы	185
<i>Александрова М. В.</i> Программа сотрудничества смежных территорий России и Китая: история, факты, пути осуществления	198
<i>Балакин В. И.</i> Китайский взгляд на вопросы восточноазиатской региональной интеграции России	223
<i>Бесстремянная И. Е.</i> Инфраструктурное строительство в западных районах Китая — геополитический путь в Центральную Азию	231

ИСТОРИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ КИТАЯ

<i>Мировицкая Р. А.</i> Китайская провинция Синьцзян в советско-китайских отношениях (1930—1940-е годы)	237
---	-----

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ КНР

С. Г. Лузянин*

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ КИТАЙСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ СТРАН «БЛИЖНЕГО КРУГА»

Японское направление

Анализируя итоги визитов в Японию председателя КНР Ху Цзиньтао (в мае 2008 г.)¹ и заместителя председателя КНР Си Цзиньпина (в декабре 2009 г.), следует обратить внимание на некоторые новые нюансы политики Китая в отношении Японии.

Руководство КНР положительно оценило сигналы, поступившие от нового премьер-министра Японии Юкио Хатоямы (ушел в отставку 4 июня 2010 г. — С.Л.) о желании руководства Страны восходящего солнца проводить более удаленную от

США политику и снизить политическую зависимость Токио от Вашингтона. Не исключено, что китайские лидеры рассматривают это обстоятельство как дополнительный шанс для улучшения китайско-японских отношений как в региональном, так и в глобальном масштабе. Если такая «перезагрузка» китайско-японских отношений в ближайшие годы состоится, то она будет означать не столько ослабление японо-американского альянса, сколько переход китайско-японских отношений в новое качество. Блок этих отношений вполне может стать (и, отчасти, уже становится) тем стержнем, вокруг которого образуется новая интеграционно-экономическая система в регионе Северо-Восточной Азии.

Суммируя итоги различных дискуссий и высказывания китайских специалистов по Японии², следует обратить внимание на следующие моменты.

В 2010 г. приоритетной внешнеполитической целью двух стран становится достижение состояния взаимовыгодности стратегических интересов. В данной формулировке акцент делается уже не на позитивности взаимного восприятия, а на прагматичности и равной важности интересов обеих сторон. Очевидно, что эта формула является сегодня переходным лозунгом для обозначения текущего статуса сотрудничества КНР и Японии в тех условиях, когда стороны к «стратегическому партнерству» еще не готовы. 7 февраля 2010 г. в Пекине на 1-м заседании 5-го созыва Китайско-японского комитета дружбы в XXI веке председатель китайской части комитета, бывший член Госсовета КНР Тан Цзясюань внес три предложения по развитию двусторонних отношений: «во-первых, серьезно возвращать стратегическое взаимодоверие; во-вторых, всемерно стимулировать вывод на более высокий виток торгово-экономических связей; в-третьих, непрерывно расширять людские обмены, всемерно улучшать чувства между народами»³.

Китай хотел бы интенсифицировать процесс разрешения противоречий, сохраняющихся между двумя странами. Проблема демаркации границы в Восточно-Китайском море и территориальный спор вокруг островов Дяоюйдао, по мнению ки-

---

* Лузянин Сергей Геннадьевич, д. и. н., проф., зам. директора ИДВ РАН, руководитель Центра стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС ИДВ РАН.

тайских экспертов, должны быть решены в одном блоке и в ближайшее время. Возможно, что в случае положительного решения территориальных вопросов КНР будет готова на ряд небольших уступок по другим вопросам — поддержки Японии в структурах ООН⁴, предоставления ей экономических преференций и пр. Конфликты же, связанные с историей китайско-японских отношений, могут быть разрешены или сглажены в процессе культурно-гуманитарного сотрудничества⁵.

9 января 2010 г. в Токио состоялся 9-й раунд японо-китайского стратегического диалога, который, однако, не устранил существующие разногласия двух стран в отношении разработки месторождений газа в спорных зонах в Восточно-Китайском море. Тем не менее, стороны подтвердили обоюдную готовность «тесно сотрудничать в сфере экономики в период глобального финансового кризиса». Ими была достигнута договоренность об «углублении взаимодействия в области продовольственной безопасности»⁶.

КНР предлагает Японии усилить экономическую интеграцию в Восточной Азии, создав *Восточно-Азиатское сообщество*. В условиях мирового кризиса эта идея особенно актуальна для обеих сторон. Причем и Пекин, и Токио согласны с тем, что в обоюдных интересах плавно уменьшать свою зависимость от рынков США. Стороны готовы объединить усилия для заключения соглашения о свободной торговле и экономическом партнерстве по координации создания пространства свободной торговли Восточно-Азиатского сообщества. Объемы двусторонней торговли за последние годы, даже несмотря на кризис, стойко превышают показатель в 220 млрд долл., а японские капиталовложения в экономику Китая на конец 2008 г. составили 64,6 млрд долл.⁷

В вопросах региональной безопасности китайская сторона пытается убедить японских политиков в том, что усиление комплексной мощи КНР — объективный процесс, который является для Японии не угрозой, а скорее фактором, благоприятствующим развитию этой страны. Тем не менее, формат взаимодействия двух государств, относящегося к традиционной и нетрадиционной сферам безопасности, продолжает оставаться

ся в рамках формулы «не друзья и не противники». КНР, как известно, поддерживает идею создания коллективных структур региональной безопасности в СВА с участием Японии, Южной Кореи, РФ и США, подобных механизмам 6-сторонних переговоров по ядерной проблеме КНДР. Вместе с тем в Китае понимают, что создание этих структур не может происходить без учета американского фактора и самого наличия японо-американского военно-политического альянса. Поэтому в Пекине не исключают возможности формирования в будущем стратегического треугольника «КНР—США—Япония».

Китайско-корейские отношения в двустороннем и региональном форматах

Специфика *китайско-южнокорейских отношений* в 2010 г. и на последующие годы заключается в том, что кроме собственно двустороннего формата (торговля, инвестиции, культурные обмены) эти отношения находятся под углубляющимся влиянием целого ряда разнородных внешних факторов.

Первый из этих факторов — северокорейская ядерная проблема и очередной тупик процесса 6-стороннего урегулирования на Корейском полуострове. Причем китайская сторона в своих контактах с представителями Республики Корея (РК) всегда указывает на «гибкость и конструктивность позиции КНДР» по вопросу возобновления шестисторонних переговоров, выступая политическим адвокатом Пхеньяна⁸. Южнокорейское руководство, адекватно оценивая немалые формальные и неформальные возможности Китая по воздействию на КНДР, как правило, признает подобную роль Поднебесной.

Второй фактор — это состояние и перспективы развития трехстороннего интеграционного проекта «КНР—РК—Япония», т. е. создания китайско-японо-южнокорейской зоны свободной торговли. Отметим, что в рамках треугольника «КНР—Япония—Южная Корея» 10 октября 2009 г. в Пекине состоялась 2-я встреча руководителей трех государств, во время которой были приняты «Совместная декларация 10-й годовщины сотрудниче-

ства Китая, Японии и РК» и «Совместная декларация Китая, Японии и Южной Кореи по устойчивому развитию», а также достигнуто соглашение по 10 инициативам в области сотрудничества, подведены итоги трехстороннего взаимодействия за последние десять лет⁹. Принимая во внимание экономические и технологические ресурсы и возможности этих трех стран, становится очевидным, что данная конструкция со временем может стать серьезным конкурентом зоны свободной торговли (ЗСТ) «КНР—АСЕАН».

Третий фактор — это авторитетность США для южнокорейского руководства. Соединенные Штаты остаются ключевым военно-стратегическим союзником РК. Это обстоятельство является ограничителем для углубления китайско-южнокорейского сотрудничества. Задача Сеула в этих условиях — мягко и безболезненно адаптировать американский фактор к новому, более масштабному китайско-южнокорейскому формату сотрудничества. Насколько это удастся — покажет время.

Китайско-северокорейские отношения, с одной стороны, развиваются в рамках, сохранившихся (де-юре и де-факто) союзнических отношений, чрезвычайно важных для КНДР со всех точек зрения. С другой стороны, невосприимчивость северокорейского руководства к попыткам Пекина побудить КНДР к реформированию ее экономики на принципах открытости, использования рыночных механизмов и китайского опыта, усиливающийся социально-экономический кризис и стагнация народного хозяйства КНДР заставляют КНР более сдержанно подходить к вопросам поддержки Северной Кореи. Однако в рамках двусторонних (закрытых) межпартийных и межправительственных контактов Пекин систематически воздействует на Пхеньян, призывая северокорейскую сторону к разумной гибкости в вопросах внешней политики.

Одновременно с этим Китай продолжает рассматривать КНДР как ключевое звено системы своей безопасности в Северо-Восточной Азии. Причем, данная позиция вряд ли изменится, даже если КНДР обретет «полноценный ядерный статус». Проблема для Пекина будет заключаться лишь в сохранении его влияния на КНДР¹⁰.

Сибирско-дальневосточный аспект российско-китайских отношений

Российско-китайское стратегическое партнерство, несмотря на относительно невысокий по сравнению с другими крупными партнерами Китая (США, Японией, ЕС) уровень торгово-экономических связей, представляет для КНР чрезвычайную важность. Развитие стратегического диалога с РФ означает для Китая сохранение России — постоянного члена СБ ООН и других крупных организаций, международного актора, обеспечивающего стабильность и «северный тыл» КНР на границе протяженностью 4,3 тыс. км, — в качестве надежного партнера. Кроме того, РФ — важный источник энергоносителей (нефть и газ) для Поднебесной. И хотя сегодня Россия только 5-й по значению экспортер нефти в КНР (после стран Персидского залива, Африки и Латинской Америки), однако в перспективе, с учетом вступившего в строй в декабре 2009 г. нефтепровода «Восточная Сибирь—Тихий океан (ВСТО)» и других готовящихся проектов, энергетическое значение России для Китая будет расти. Сибирь и российский Дальний Восток — привлекательные объекты для китайских инвестиций и трудовой миграции, что может способствовать развитию этих территорий. Для Пекина, учитывающего фактор территориальной близости, достаточно выгодно развивать собственные северо-восточные провинции и тем самым содействовать экономическому росту соседних российских регионов.

В российской экспертно-аналитической литературе проблема приграничных связей России и Китая разработана достаточно подробно и глубоко, причем как учеными из Москвы, так и сибирско-дальневосточными исследователями¹¹.

В конце 1990-х годов в России на экспертном и политическом уровнях была сформулирована идея о необходимости комплексной экономической интеграции РФ через Сибирь и российский Дальний Восток в АТР, диктуемой процессами углубления экономической глобализации. На первых Байкальских экономических форумах (БЭФ — 2000, 2001 гг.), прохо-

дивших в Иркутске, эта идея получила дополнительное развитие¹². Другой момент, связанный с проблемой экономического возрождения Сибири и Дальнего Востока, — это качественный и количественный рост федеральной целевой помощи и инвестиций на развитие сибирских и дальневосточных регионов за счет внутренних средств, появившихся в стране за последние годы. С поправкой на борьбу с кризисом в 2010 г. правительство приступило к комплексной реализации программы развития Сибири и Дальнего Востока, а также к подготовке планируемого в 2012 г. саммита АТЭС под Владивостоком. Объем целевых федеральных средств был значительно увеличен. Большая часть денег выделена на создание инфраструктуры и развитие промышленных производств в Приморье, других дальневосточных и сибирских субъектах Федерации.

Основными факторами, определяющими позицию Китая в отношении развития торгово-экономического сотрудничества с Россией, на начало 2010 г. остаются: 1) заинтересованность в получении доступа к источникам сырья, в первую очередь нефти и газа, а также руд черных и цветных металлов, биоресурсов моря, древесины и иных ресурсов; 2) стремление обеспечить присутствие китайских товаров в значимых сегментах российского рынка (продукция легкой, текстильной, пищевой промышленности, бытовая электротехника, а также отдельные виды машин и оборудования); 3) создание с Россией трансграничных зон свободной торговли по уже апробированным с другими соседями моделям.

Развитие китайско-монгольских и российско-монгольских экономических связей мотивируется поступающей в КНР и РФ информацией об открытии в Монголии новых стратегических месторождений медного концентрата, угля, серебра, золота, урана — «Таван-Толгой», «Оую-Толгой» и прочих. Конкуренция между российскими, китайскими, канадскими, американскими и японскими компаниями за право добычи и переработки монгольского природного сырья с каждым годом возрастает. Каким компаниям монгольское руководство отдаст предпочтение, пока открытый вопрос. Со своей стороны Россия (АОО РЖД) предлагает монгольскому правительству построить участок же-

лезной дороги от Улан-Батора до новых монгольских месторождений.

Кроме того, Китай совместно с Россией и Монголией начал создание трансграничной экономической зоны на базе формально существующей российско-монгольской зоны свободной торговли «Алтанбулаг». Первым шагом в реализации данного проекта стало подписание 14 января 2010 г. трехстороннего соглашения между руководством Торгово-промышленной палаты (ТПП) Восточной Сибири, мэром г. Эрлянь (КНР) и гендиректором ООО «Идеал групп» (Монголия) о продвижении продукции Восточносибирского региона на рынках Монголии и Китая¹³.

Политическим ограничителем курса КНР на монгольском направлении остается официальный курс Улан-Батора на сохранение сразу трех приоритетов в его внешней политике — РФ, КНР и «третьего соседа» (будь то США, Япония, Южная Корея, ЕС или АСЕАН). Монголия при поддержке США активно интегрируется в региональные проекты по безопасности и сотрудничеству в АТР. Одновременно Пекин, учитывая приграничное положение Монголии и ее связи с Центрально-Азиатским регионом, не возражает против вступления Улан-Батора в ШОС в качестве постоянного члена.

Юго-Восточная Азия. КНР—АСЕАН

1 января 2010 г. состоялось открытие зоны свободной торговли «Китай — АСЕАН», для создания которой сторонам потребовалось 8 лет. Зона охватывает 11 стран, где проживают 1,9 млрд человек, ее общий ВВП равен 6 трлн долл. Это 3-я по экономической мощи ЗСТ в мире после ЕС и зоны свободной торговли Северной Америки (НАФТА). Заключение всестороннего рамочного соглашения об экономическом сотрудничестве между Китаем и АСЕАН дало мощный импульс этому взаимодействию. В 2008 г. торговый оборот между КНР и АСЕАН составил 231,1 млрд долл., а сумма взаимных инвестиций за этот же период — около 60 млрд долл. После открытия ЗСТ средне-статистическая таможенная пошлина между Китаем и странами

АСЕАН снизилась с 9,8 до 0,1 %¹⁴. В рамках проекта успешно развивается субрегиональный проект сотрудничества в бассейне р. Меконг при участии КНР, Лаоса, Камбоджи, Таиланда, Мьянмы, Вьетнама.

По заявлениям китайских экспертов, в рамках ЗСТ более 7 тыс. видов товаров будут освобождены от взимания таможенных пошлин, что составит примерно 90 % от общего количества товарных наименований в торговле между Китаем и АСЕАН. Кроме того, данный проект предполагает расширение сотрудничества Китая со странами АСЕАН в сфере услуг и инвестиций.

КНР в отношении государств АСЕАН проводит тонкую и взвешенную политику, проявляя большой такт в вопросах внутреннего уклада некоторых недемократических стран Юго-Восточной Азии (ЮВА). Китайское правительство в период азиатского 1997—1998 гг. и нынешнего мирового кризисов не девальвировало юань и не развернуло товарную экспансию в данном регионе. Наоборот, оно предложило льготную финансовую помощь этим странам, что значительно подняло авторитет Китая в их глазах на фоне грабительских «антикризисных» кредитов МВФ государствам ЮВА. Китай подписал также и ряд ключевых региональных документов, связанных с безопасностью и сотрудничеством. Речь идет о подписании КНР и АСЕАН в 2002—2003 гг. Декларации о правилах поведения в Южно-Китайском море, Совместной декларации о сотрудничестве в сфере нетрадиционной безопасности, Рамочного соглашения о комплексном экономическом сотрудничестве, Меморандума о взаимопонимании в вопросах сельского хозяйства, Совместной декларации о стратегическом партнерстве ради мира и процветания¹⁵.

Южноазиатские приоритеты КНР.

Индийская политика Китая

В китайско-индийских отношениях просматривается сразу несколько аспектов и тенденций. Во-первых, в них присутствует «классический» набор межгосударственных связей (экономи-

ческих, политических и культурных), характерный для любой двусторонней модели отношений. Во-вторых, усиливаются элементы, связанные с региональным влиянием КНР и Индии в СВА и Южной Азии соответственно. Являясь неформальными лидерами «своих» регионов, они вольно или невольно вносят в двусторонние отношения элементы межрегионального сотрудничества и, одновременно, соперничества. Не исключено, что отвергнутая КНР американская идея G-2 о разделении глобальной ответственности в мире может со временем трансформироваться в некий китайско-индийский межрегиональный вариант G-2, по крайней мере, в рамках взаимодействия двух азиатских гигантов в Южной и Восточной Азии как в сфере безопасности, так и других областях. Это будет означать, с одной стороны, что потребность в сотрудничестве КНР и Индии выше, чем в соперничестве, а с другой, что тенденция сотрудничества выходит за рамки двусторонних отношений и приобретает межрегиональный характер.

Объективно Индию и КНР сближает их позиция по проблеме ядерного оружия. Минимально ориентируясь на концепцию ядерного сдерживания, оба государства рассматривают это оружие не столько как средство ведения войны, сколько как принудительный политический атрибут, необходимый для усиления своих региональных и глобальных позиций¹⁶.

На отношения двух стран также влияют третьи государства из географически близких регионов. В пакистанской проблематике двусторонние китайско-индийские отношения приобретают менее доверительный характер, возрастает потенциал их конфликтности. В случае же с Россией, наоборот, отношения стабилизируются как на двустороннем (КНР—Индия), так и региональном уровне в Южной Азии и СВА. Более того, формирование известного треугольника РИК позволило, помимо решения задач в сфере трехстороннего экономического и политического сотрудничества, сблизить Пекин и Дели в рамках развития и углубления двустороннего взаимодействия¹⁷. Другими словами, проект РИК позволяет трем странам совмещать двусторонние и многосторонние повестки межрегионального сотрудничества.

Промежуточный результат *индийского курса* КНР — вывод отношений двух стран на уровень стратегического партнерства. В основе этого лежит взаимный экономический интерес, прежде всего торговый. В 2008 г. двусторонний товарооборот достиг 51,8 млрд долл., в 2009 г. он снизился до 44,4¹⁸. На 2010 г. стороны планируют увеличить торговлю до 60 млрд долл.¹⁹ 13—15 января 2008 г. состоялся визит премьер-министра Индии Манмохана Сингха в Китай, подтвердивший достижение нового качества двусторонних политических и экономических отношений.

В то же время оба государства теоретически не исключают возможность реанимации китайско-индийских противоречий. Так, в 2009 г. китайский МИД выразил недовольство по поводу посещения премьер-министром Индии М. Сингхом в ходе его избирательной кампании северо-восточного индийского штата Аруначал-Прадеш, который КНР рассматривает как свою территорию. Индия же ответила протестом на предложение Китая оказать помощь в осуществлении проекта по гидроэлектроэнергетике в контролируемой Пакистаном части Кашмира, которую Индия рассматривает в качестве своей территории²⁰.

В Пекине не остались незамеченными шаги Индии по сближению с США, Японией, Австралией, имевшие место после заключения Индией в октябре 2008 г. соглашения с Вашингтоном по сотрудничеству в ядерной области. Негативную реакцию Китая вызывает активизация Индией военного строительства в районе спорных территорий.

По мнению индийских политологов, новое — пятое — поколение лидеров КНР будет меньше обременено памятью о конфликте 1962 г., придавая больше значения трансграничной торговле и формированию новой модели внешнеэкономических связей с возможным участием сопредельных или географически близких стран. Подобный подход, как полагают аналитики в Дели и Пекине, поможет в будущем снять напряжение в китайско-индийских отношениях, способное проявиться в результате наращивания обеими странами своего присутствия в третьих важных государствах (Индия развивает отношения с Японией, Южной Кореей, странами АСЕАН, Китай — со странами Ассоциации регионального сотрудничества Южной Азии — СААРК)²¹.

Пакистанский вектор является для Пекина одним из приоритетных в Южной Азии и на Среднем Востоке. В Исламабаде отношения с КНР также рассматривают в качестве ведущих, относя Китай к числу ближайших союзников и партнеров. В апреле 2005 г. между двумя странами был подписан Договор о дружбе, сотрудничестве и добрососедских отношениях, который зафиксировал важнейшие направления стратегического партнерства двух государств. В документе содержится положение о том, что подписавшие его стороны не могут вступать в союзы или иные объединения, заключать соглашения с третьими странами и предоставлять им свою территорию, если это создает угрозу для одного из подписавших Договор партнеров.

Сложилась практика взаимной поддержки при продвижении партнера в региональные организации. Так, в 2005 г. Китай получил статус наблюдателя в организации СААРК, а Пакистан — в ШОС. В Исламабаде предпринимаются попытки подключить Пекин к более активному участию в делах Южной Азии, что могло бы привести к некоторому уменьшению индийского влияния на субконтиненте, а также создать возможности для установления более тесных связей с центральноазиатскими странами. Исламабад нацелен на прием Китая в СААРК, одновременно претендуя на получение полноправного членства в ШОС²².

Проходят регулярные китайско-пакистанские консультации по вопросам обороны и безопасности. Военно-воздушные силы Пакистана почти полностью оснащены китайской техникой. Завершена совместная разработка легкого многоцелевого истребителя третьего поколения JF-17 «Гром» («Супер-7»). Сухопутные войска страны также имеют на вооружении китайскую технику (более 70 % танков Т-59, Т-69, Т-85 и 60 % артиллерийских орудий — китайского производства). Продолжается реализация контракта стоимостью 320 млн долл. по производству с китайской помощью танка «Аль-Халид»²³.

В ходе визита президента Пакистана Асифа Али Зардари в 2009 г. в КНР сторонами были подписаны соглашения о китайском содействии в строительстве двух пакистанских АЭС. Учитывая отказ Соединенных Штатов заключить с Пакистаном сделку в ядерной сфере, аналогичную той, которую они заклю-

чили с Индией, подписание указанного соглашения значительно усилило авторитет и влияние КНР в субрегионе.

Китайско-пакистанское сотрудничество включает такие сферы, как химическая промышленность, инжиниринг, поставки железнодорожного подвижного состава, строительство объектов инфраструктуры, автомобильных дорог, портов, мостов, жилых домов и т. д. Один из ключевых объектов китайских инвестиций — порт Гвадар, в строительство которого Китай на первом этапе инвестировал 2 млрд долл. (до 2006 г.), а на втором — 600 млн долл., обеспечивших сооружение 9 морских причалов²⁴. Разработаны планы по созданию так называемой энергетической зоны в Гвадаре, состоящей из нефтехранилищ и перерабатывающего завода производительностью 21 млн т. Очевидно, что реализация данного проекта укрепит долговременное стратегическое присутствие КНР в этом регионе.

Гвадар, как известно, первый и пока единственный глубокоководный порт в пакистанской провинции Белуджистан. Его географическое положение уникально, что и объясняет его привлекательность как для Китая и Афганистана, так и для стран Центральной Азии, Ближнего и Среднего Востока. Расположен он на побережье Индийского океана в непосредственной близости от входа в Персидский залив. Строительство порта предусматривало проведение работ по углублению и расширению судоходного канала, глубина которого по проекту составляет 12,5 м, а ширина — 4,5 км. Новейшая инфраструктура порта позволит принимать нефтеналивные танкеры водоизмещением свыше 100 тыс. т сырой нефти и многотоннажные торговые суда. Это ставит его вне конкуренции по сравнению с соседними портами (пакистанскими и иранскими) и обеспечит в будущем его преимущество как транзитного торгового пункта на пути из Азии в Европу²⁵.

Объем торговли КНР и Пакистана в 2008 г. составил 4,5 млрд долл., в 2009 г., несмотря на кризис, — 4,9 млрд. Соглашение о создании ЗСТ стороны планируют подписать в текущем 2010 г. По некоторым экспертным оценкам, эта зона может способствовать увеличению взаимной торговли до 8–9 млрд долл. к концу 2011 г.²⁶

В условиях несомненного прогресса китайско-пакистанских отношений Индия заинтересована в минимизации влияния фактора китайско-пакистанского партнерства в Южной Азии и на Среднем Востоке. Однако вряд ли Исламабад и Пекин пойдут на свертывание своего диалога. Наоборот, стоит ожидать наращивания многоплановых отношений между двумя странами, включая «чувствительные» сферы.

Итак, Китай благодаря региональным механизмам сотрудничества (АТЭС, АСЕАН+1, ШОС, ЗСТ), а также двусторонним структурам расширяет свой «пояс добрососедства», последовательно и настойчиво реализует собственные экономические и политические интересы на международной арене. Накал борьбы за влияние КНР в сопредельных ей пространствах зависит от места того или иного региона в иерархии внешнеполитических приоритетов Китая. СВА и ЮВА остаются наиболее значимыми в «ближнем региональном круге» КНР. Интеграционные, энергетические, торгово-экономические потребности Поднебесной, а также ее мотивация в сфере обеспечения безопасности определяют, в конечном счете, напор и логику китайской внешней политики в этих регионах.

Примечания

¹ По итогам официального визита председателя КНР в мае 2008 г. было принято Китайско-японское совместное заявление о всестороннем развитии стратегических и взаимовыгодных отношений.

² Проблемами китайско-японских отношений серьезно занимаются ученые Института исследований Японии АОН Китая — Гао Хун, Чжан Цзифэн, Ван Вэй, Цуй Синьгуан, Люй Яодуй и др.

³ <http://russian.people.com.cn/31521/6890028.html#>.

⁴ Китай вряд ли готов активно поддерживать Японию в вопросе ее членства в СБ ООН, однако он готов вести диалог с Токио по проблеме реформирования ООН.

⁵ Юкио Хатояма еще в октябре 2009 г. ходе своей предвыборной кампании четко дал понять, что не будет участвовать в посещении храма Ясукуни, подчеркнув необходимость содействия духу «братства» в дипломатии. Но он недвусмысленно заявил, что правительство Демократической

партии «будет смело смотреть в глаза истории» // Жэньминь жибао. 12.10.2009.

⁶ <http://www.itar-tass.com>.

⁷ Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. К 60-летию КНР. М., 2009. С. 329.

⁸ Жэньминь жибао. 12.10.2009.

⁹ Жэньминь жибао. 12.10.2009. URL: <http://russian.people.com.cn>.

¹⁰ *Забровская Л.В.* Китай и КНДР: курс на сохранение регионального статус-кво // Проблемы Дальнего Востока. 2006. № 6. С. 32.

¹¹ См.: *Титаренко М.Л.* Геополитическое значение Дальнего Востока. Россия, Китай и другие страны Азии. М., 2008; *Портяков В.Я.* Российско-китайские отношения в 2008 г. // Проблемы Дальнего Востока. 2009. № 1. С. 6—19; *Ларин В.Л.* В тени проснувшегося дракона. Российско-китайские отношения на рубеже XX—XXI веков. Владивосток, 2006; *Александрова М.В.* Российско-китайские приграничные экономические отношения. М., 2005; *Лузянин С.Г.* Российско-китайское стратегическое партнерство: региональное, культурно-цивилизационное и образовательное измерения // 2-й российско-китайский Форум по общественным наукам. С. 330—356; Российско-китайское сотрудничество: региональное (сибирско-дальневосточное) измерение (сетевой проект, руководитель Лузянин С.Г.) // URL: <http://www.ino-center.ru/russia-china/>; Взаимодействие России и Китая в глобальном и региональном контексте. Политические, экономические и социокультурные измерения. Владивосток, 2008.

¹² Концепция первого Байкальского экономического форума (БЭФ) в Иркутске по поручению российского руководства разрабатывалась ведущими учеными ИДВ РАН во главе с академиком РАН М.Л. Титаренко.

¹³ <http://www.fcinfo.ru/themes/basic/materials-document.asp?folder=3001&matID=235437>.

¹⁴ Международное радио Китая (эксперты о зоне свободной торговли КНР—АСЕАН, 2010-01-04) // URL: <http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:eyask-ukzCoJ:big5.chinabroadcast.cn/gate/big5/russian.cri.cn/841/2010/01/04/1s320497.htm>.

¹⁵ См.: Declaration of the Conduct of the Parties in the South China Sea. (URL: <http://www.asean.org/13163.htm>); Joint Declaration of ASEAN and China on Cooperation in the Field of Nontraditional Security Issues. (URL: <http://www.asean.org/13185.htm>); Framework Agreement on Comprehensive Economic Cooperation between the Association of Southeast Asian Nations and the People's Republic of China (URL: <http://www.asean.org/13196.htm>); Memorandum of Understanding between the Association of Southeast Asian Nations Secretariat and the Ministry of Agriculture of the People's Republic of China (URL: <http://www.asean.org/13214>); Instrument of Accession to the

Treaty of Amity and Cooperation in Southeast Asia (URL: <http://www.asean.org/15271>); Joint Declaration of the Heads of State / Government of the Association of Southeast Asian Nations and the People's Republic of China on Strategic Partnership for Peace and Prosperity (URL: <http://www.asean.org/15265>).

¹⁶ *Золотарев П.С.* Китай и Индия в глобальном балансе военных сил // URL: <http://www.rusus.ru/print.php?id=126>.

¹⁷ Подробнее см.: *Портяков В.Я., Уянаев С.В.* Растущий «треугольник» // Россия в глобальной политике. 2008. № 6 (ноябрь—декабрь). (URL: <http://www.globalaffairs.ru/numbers/35/10840.html>); Взаимодействие России, Индии и Китая в XXI в.: проблемы, перспективы, направления / Сост. С.В. Уянаев. В 2-х т. М., 2004; 2; *Уянаев С.В.* Китай—Индия: отношения в начале нового столетия // Проблемы Дальнего Востока. 2009. № 1. С. 19—30.

¹⁸ http://www.china.org.cn/opinion/2010-03/28/content_19702391_2.htm.

¹⁹ http://www.china.org.cn/opinion/2010-03/28/content_19702391_2.htm.

²⁰ <http://www.rodon.org/polit-091023105506>.

²¹ *Володин А.* Китай и Индия: совместное моделирование миросистемы XXI века // URL: <http://www.rodon.org/polit-080122122554>.

²² *Силаев А.А.* Взаимоотношения между Пакистаном и Китаем // URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2007/13-04-07b.htm>.

²³ Там же.

²⁴ *Замараева Н.А.* Пакистанский порт Гвадар — ключевой региональный перевалочный пункт // URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2006/10-07-06.htm>.

²⁵ Там же.

²⁶ *Силаев А.А.* Взаимоотношения между Пакистаном и Китаем // URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2007/13-04-07b.htm>.

С. В. Уянаев*

ДВУСТОРОННИЕ ОТНОШЕНИЯ В ФОРМАТЕ РИК КАК ОДНА ИЗ СТРУКТУРНЫХ ОСНОВ ТРЕХСТОРОННЕГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

В числе успешно развивающихся международно-кооперационных структур в последние годы заметное место занимает группа РИК («Россия—Индия—Китай»). Зародившись в свое время в виде идейной концепции, партнерство «евразийской тройки» постепенно обрело зримые очертания, и вот уже без малого 10 лет сотрудничество шаг за шагом наполняется конкретным практическим содержанием. К исходу первого десятилетия ХХ в. РИК называют уже прочным и устоявшимся международным образованием, в рамках которого, пусть пока и на начальном этапе, складывается многопрофильное взаимодействие, механизмы которого постоянно совершенствуются. Не требуется особых доказательств того, что эффективность функционирования формата РИК, как и других аналогичных неформальных структур («Бразилия—Индия—ЮАР», «КНР—Япония—РК»), во многом зависит от прочности их несущей конструкции — *двусторонних отношений* между образующими эти «тройки» странами. Не случайно во время обсуждения идеи и даже во время старта трехстороннего сотрудничества в РИК сложности

* Уянаев Сергей Владимирович, к. и. н., в. н. с. Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений ИДВ РАН.

как раз двустороннего характера, а именно в отношениях КНР и Индии, были одной из основных причин скептицизма многих экспертов и политиков относительно жизнеспособности этого формата.

Как же развиваются три вектора двустороннего уровня в «тройке» РИК на нынешнем этапе?

Китай—Индия: превалирование конструктивности и прагматизма

Прежде всего, обращает на себя внимание *китайско-индийская* грань «тройки». В последние годы она существенно укрепилась, причем развитие отношений между Пекином и Дели идет по нарастающей. Главный результат апрельского (2005 г.) визита в Индию премьера Госсовета КНР — установление между двумя странами отношений стратегического партнерства — стал свидетельством перехода этих отношений в более высокое качественное состояние, равнозначное уровню российско-китайских и российско-индийских отношений. В этом смысле формат РИК принял более сбалансированный, чем прежде, характер, и это благоприятствует повышению его потенциала.

Важной вехой в китайско-индийских связях стал обмен визитами высшего уровня в ноябре 2006 г. и январе 2008 г. Вслед за этим между председателем КНР Ху Цзиньтао, премьером Госсовета Вэнь Цзябао и премьер-министром Индии М. Сингхом состоялся еще целый ряд успешных встреч, в том числе на полях «Большой восьмерки» в японском Саппоро и на очередной сессии ГА ООН, а также в рамках форума АСЕМ (Форум «Азия—Европа») в Пекине. Китайско-индийские саммиты пока не приобрели ежегодного характера, как российско-китайские. Однако в качестве наиболее эффективного и продуктивного механизма развития сотрудничества они прочно вошли в двустороннюю повестку дня, примером чему стали отдельные встречи председателя КНР и премьер-министра Индии во время саммита ШОС в Екатеринбурге (июнь 2009 г.), на полях 2-го саммита БРИК в Бразилиа (апрель 2010 г.).

Подписанные в ходе официальных встреч документы, включая Совместный обзор КНР и Индией перспектив в XXI веке от января 2008 г.¹, отражают стремление двух стран строить долговременные и прочные отношения добрососедства, способствовать глобальному и региональному миру, развивать экономические и гуманитарные связи, продолжать системную работу по созданию многоуровневого и многопрофильного механизма отношений, включая военную сферу.

Налицо хорошие результаты такой работы. Функционируют структуры стратегического, экономического, антитеррористического, пограничного диалога.

Так, весьма интенсивны связи по линии внешнеполитических ведомств. В июле 2008 г. в китайской столице находился с визитом министр иностранных дел Индии Пранаб Мукерджи. Тремя месяцами позднее в Индии побывал глава МИД КНР Ян Цзечи, который, помимо переговоров с индийским коллегой, имел встречу с премьер-министром М.Сингхом. В июле 2009 г. на полях форума АРФ в Таиланде прошла встреча главы китайского МИД Ян Цзечи со своим коллегой из вновь назначенного индийского кабинета — Соманахалли Маллайей Кришной. Стороны в очередной раз отметили тенденцию «всестороннего развития китайско-индийских отношений», достигнутые на этой основе плодотворные результаты в сферах культуры, обороны и других областях. Была подчеркнута важность «урегулирования двусторонних проблем путем диалога... с учетом озабоченностей друг друга»².

В двустороннюю переговорную практику на высоком уровне включен также институт специальных правительственных представителей. В июле 2008 г. в КНР находился спецпосланник премьер-министра Индии, государственный министр Пратвирадш Чаван, который провел переговоры с членом Госсовета КНР Дай Бинго. Темой бесед стали, в частности, вопросы индийско-американского сотрудничества в ядерной сфере. В январе 2009 г. Нью-Дели посетил специальный представитель китайского правительства, заместитель министра иностранных дел Китая Хэ Яфэй. В спектр двусторонних связей на регулярной основе вошли встречи парламентариев, межпартийные

контакты. Продолжается диалог представителей оборонных ведомств двух стран.

Ведется регулярная и кропотливая работа в рамках *переговорного механизма по пограничной проблеме*. В сентябре 2008 г. и в августе 2009 г. спецпредставители двух стран (на уровне первого заместителя министра иностранных дел КНР и советника премьер-министра Индии по национальной безопасности) провели уже 12-й и 13-й раунды консультаций. Хотя встречи пока так и не привели к конкретным результатам, стороны называют переговоры «прагматичными, откровенными и дружественными». Стороны подчеркивают, что консультации идут на «позитивной ноте», и продолжают декларировать стремление к взаимоприемлемому решению³. Судя по скудной информации, сопровождающей переговоры, они идут непросто, причем надежды на «скорые прорывы», которые высказывали многие наблюдатели после подписания в 2005 г. Соглашения о политических параметрах и основополагающих принципах урегулирования, пока не оправдываются. Новым импульсом здесь призваны послужить итоги последних китайско-индийских саммитов (2007—2008 гг.), в которых отражено намерение сторон подойти к решению вопроса «со стратегической высоты», проясняя больше «инновационных подходов». Есть основания полагать, что тем самым провозглашается склонность к более интенсивному поиску компромисса. По крайней мере, согласно информации из СМИ со ссылкой на источники в индийском МИД, в ходе китайско-индийского саммита в январе 2008 г. в Пекине Индии и Китаю удалось «впервые сформулировать свои проекты возможной структуры будущего соглашения, подразумевающего взаимные уступки с обеих сторон и открывающего путь к окончательному урегулированию индийско-китайского пограничного спора»⁴. Несмотря на все остающиеся сложности, нельзя не признать, что такого рода шаги являются движением в позитивном направлении.

Китай и Индия продолжают наращивать *торгово-экономическое сотрудничество*. За 10 лет (с 1995 по 2005 г.) товарооборот между двумя странами вырос более чем в 16 раз — с 1,16 до 18,7 млрд долл., а за последующие 3 года увеличился еще

почти в 3 раза, составив в докризисном 2008 г. без малого 52 млрд долл.⁵ КНР вышла на 1-е место в списке торговых партнеров Индии, которая, в свою очередь, стала 10-й в аналогичном перечне партнеров Китая. Главным направлением дальнейшего продвижения экономических связей стороны называют необходимость наращивания объемов взаимного инвестирования. Влияние мирового финансово-экономического кризиса не обошло стороной Китай и Индию и их взаимную торговлю, которая заметно снизилась. В то же время эффективность принятых в КНР и Индии антикризисных программ, а также декларируемое сторонами намерение всячески содействовать двустороннему экономическому сотрудничеству позволяют специалистам полагать, что намеченный на 2010 г. объем китайско-индийской торговли в 60 млрд долл. станет реальностью.

Вместе с тем политики обеих стран далеки от эйфории и хорошо осознают наличие старых и новых проблем и трений в двусторонних отношениях. Их немало. Это — погранично-территориальная, тибетская и так называемая пакистанская проблемы, экономические разногласия. При этом очевидно, что многие сложности коренятся в осязаемом пока дефиците стратегического доверия, что, в частности, проявляется в индийских «обеспокоенностях» связями Пекина с Исламабадом и активностью ВМС КНР в Индийском океане, в параллельных подозрениях Китая по поводу целевого усиления индийско-американских отношений. Не является секретом, что настроения недоверия в свою очередь восходят в том числе к временам вооруженного противостояния конца 1950-х — начала 1960-х годов. Связанная с этим взаимная настороженность обретает порой достаточно острые формы, когда на страницах центральных СМИ, включая газеты «Жэньминь жибао» и Times of India⁶, как это было, к примеру, летом 2009 г., стороны обмениваются весьма резкими заявлениями не только по территориальному, но и по другим спорным вопросам.

Однако несмотря на всю серьезность упомянутых проблем очевидно, что итоговый вектор китайско-индийских отношений продолжает указывать на их достаточно устойчивый прогресс.

Это может быть объяснено схожестью либо совпадением взглядов на проблемы глобального развития, обоюдным прагматичным стремлением обеспечить мирную обстановку в своем приграничье и на его периферии, взаимным желанием использовать фактор взаимодополняемости и сотрудничества, что особенно важно в условиях преодоления последствий мирового экономического кризиса. При этом с обеих сторон просматривается понимание, что излишняя конкуренция, неизбежная в процессе параллельного подъема, по своей итоговой сути может носить контрпродуктивный и для Китая, и для Индии характер. Это стимулирует поиск компромиссов, а заодно свидетельствует о проявлении обеими странами здорового и позитивного прагматизма. Немаловажно (и это особо подчеркивалось, в частности, в Совместном документе от 14 января 2008 г.), что в случаях разногласий стороны по-прежнему твердо привержены курсу на их разрешение путем мирных переговоров и «одновременно считают недопустимым, чтобы такие расхождения оказывали влияние на позитивное развитие двусторонних отношений»⁷.

Приверженность этой линии Пекин и Дели подтвердили в ходе ряда важных встреч в первой половине 2010 г. — между председателем Ху Цзиньтао и премьер-министром М. Сингхом на полях 2-го саммита БРИК, на апрельских переговорах министров иностранных дел двух стран в Пекине. По поводу отмечаемого в 2010 г. 60-летия установления дипломатических отношений председатель КНР и президент Индии обменялись содержательными по смыслу телеграммами, в которых выразили взаимную решимость содействовать дальнейшему развитию отношений добрососедства и разностороннего взаимодействия⁸. По оценке премьера Госсовета КНР Вэнь Цзябао, встретившегося в апреле 2010 г. с главой индийского МИД укрепление китайско-индийских отношений, которые «вступили в этап зрелого и стабильного развития», в высокой степени отвечает интересам Китая и Индии, Азии и всего мира⁹.

Сохранение таких прагматичных подходов с большой долей вероятности способно обеспечить дальнейшее продвижение китайско-индийских отношений, создавая условия для постепенного и своевременного решения большинства проблем. Это, в

свою очередь, делает возможным действенное участие обеих стран в формате РИК.

Что касается *российско-китайских* и *российско-индийских отношений*, то в обоих случаях имеют место как схожие, причем весьма серьезные, достижения, так и перекликающиеся проблемы.

Обе пары отношений характеризуются высоким уровнем политического взаимодействия и партнерства, носящего стратегический характер. Связи Москвы как с Дели, так и с Пекином опираются на прочную нормативно-правовую базу — межгосударственные договоры соответственно от 28 января 1993 г. и 16 июля 2001 г., на ряд крупных совместных деклараций и заявлений. Действуют разветвленные механизмы многоуровневого и многопрофильного сотрудничества. Обе страны являются важнейшими партнерами России в области ВТС.

РФ—КНР: стратегическое партнерство и взаимодействие

Касаясь непосредственно современных российско-китайских отношений, следует подчеркнуть, что уже без малого два десятка лет они развиваются на принципах мирного сосуществования, в благоприятной атмосфере добрососедства, дружбы, стратегического партнерства и взаимодействия. Как отметил на встрече с российским президентом в октябре 2008 г. премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао, «жизнь показывает, что наши отношения, наше партнерство выстояло испытание и времени, и истории»¹⁰.

Как подчеркивается в российско-китайских документах, в текущем десятилетии связи двух стран достигли самого высокого уровня за всю историю их развития. По оценкам руководства МИД РФ, на сегодняшний день в этом ведомстве «нет ни одной страны, с которой был бы такой плотный график контактов, как с Китаем»¹¹. Достаточно сказать, что только за два года с момента вступления в должность президента РФ Д. Медведева было проведено 12 отдельных российско-китайских встреч на высшем

уровне, включая два полноформатных саммита в мае 2008 г. и в июне 2009 г. Важным событием стали встречи в Москве в марте 2010 г. высших российских руководителей с заместителем председателя КНР Си Цзиньпином. В российском экспертном сообществе особо отметили заявление китайского лидера, с которым многие наблюдатели и эксперты связывают будущее политики КНР, что «развитие отношений стратегического взаимодействия и партнерства между Китаем и Россией является постоянной политикой китайского правительства. Китай готов совместно с Россией прилагать общие усилия к углублению политического взаимодоверия и практического сотрудничества»¹².

В целом, результаты многочисленных переговоров последних лет стали новым важным шагом в развитии российско-китайского межгосударственного взаимодействия, импульсом к его совершенствованию, а с учетом углубления связей и взаимопонимания между народами они служат толчком к дальнейшему расширению социальной базы двустороннего стратегического партнерства. Интенсивность, атмосфера, характер достигаемых договоренностей, как представляется, отражают твердую убежденность руководства и России, и КНР в том, что развитие российско-китайских отношений полностью сообразуется с коренными интересами внутреннего развития и укрепления международных позиций каждой из двух стран.

Очень важно, что связи между двумя государствами не замыкаются рамками сугубо двусторонних отношений, реализуются в интенсивном сотрудничестве по широкой внешней проблематике и имеют масштабное международное значение. Значительную часть повестки дня российско-китайского сотрудничества составляли в последнее время вопросы противодействия кризису, поиски совместных адекватных ответов на его вызовы и стремление к обеспечению международной экономической и политической стабильности. Во время российско-китайских переговоров в Москве в мае 2010 г. президент Д. Медведев охарактеризовал насыщенный диалог последнего времени как свидетельство «высокого уровня отношений между двумя странами». Со своей стороны председатель Ху Цзиньтао подчеркнул, что «благодаря совместным усилиям обеих сторон китайско-российские отно-

шения вступили в новый этап развития». Страны «стали еще более тесно взаимодействовать в мировых делах»¹³.

Созданный в системе межгосударственных отношений многоярусный и многопрофильный механизм сотрудничества, взаимодополняемость экономик, совпадение или близость внешнеполитических приоритетов, непрерывное укрепление атмосферы взаимодоверия и взаимной поддержки, стремление к совместному развитию определяют широкие возможности взаимодействия, в том числе объективно содействующие реализации Россией ряда ее национальных задач.

В политическом и экспертном сообществе РФ и КНР существует сходное представление об узловых направлениях и задачах развития российско-китайского сотрудничества на современном этапе. Это — дальнейшее усиление взаимодоверия и взаимной поддержки, повышение уровня практического сотрудничества, всестороннее продвижение гуманитарного сотрудничества, а также стратегического взаимодействия в международных и региональных делах.

С точки зрения российских экспертов (нашедшей, среди прочего, отражение в итоговых документах проведенных в 2009 г. — начале 2010 г. в ИДВ РАН ряда «круглых столов»), конкретные, причем оптимально учитывающие интересы РФ направления двустороннего сотрудничества могут быть сведены, в частности, к следующему:

- осуществление долговременных *российско-китайских проектов в энергетической сфере*, включая завершение строительства «китайского» ответвления Сковородино—Дацин нефтепровода «Восточная Сибирь — Тихий Океан» (ВСТО), реализацию принципиально одобренных в мае 2006 г. проектов газопроводов в Китай из Западной и Восточной Сибири. Хорошие заделы на этом направлении заключаются в договоренностях (2009 г.) о китайском кредите в 25 млрд долл. компаниям «Роснефть» и «Транснефть», в рамках которых до 2030 г. предусмотрена поставка в КНР 300 млн т российской нефти, в том числе по нефтепроводу;
- реализация договоренностей о *сопряжении, состыковке российских планов социально-экономического подъема и развития*

Сибири, Забайкалья и Дальнего Востока с китайскими планами подъема и развития старой индустриальной базы Северо-Востока и западных регионов Китая. Соответствующая Программа сотрудничества на 2009—2018 гг. была, как известно, одобрена Д.А.Медведевым и Ху Цзиньтао в ходе их встречи на полях ГА ООН 23 сентября 2009 г.¹⁴;

- осуществление проектов создания *совместных перерабатывающих производств в лесной и горнодобывающих* отраслях на российской территории, а также совместных проектов в сфере марикультуры на российском Дальнем Востоке, учитывая истощение морских природных возможностей в Китае;
- наращивание сотрудничества в совершенствовании, модернизации и строительстве *транспортных и других инфраструктурных объектов*, включая модернизацию Транссиба, БАМа, прокладку автотрасс Калининград—Москва—Владивосток, Хабаровск—Якутск, расширение и строительство транспортных переходов на границе, мостов через пограничные реки;
- резкая активизация усилий в области *межбанковского и инвестиционного сотрудничества*, что является важнейшим условием осуществления всех названных инфраструктурных и многих других проектов;
- активизация усилий по *недопущению консервации вызванного глобальным кризисом спада в двусторонней торговле* (в 2009 г. ее объем снизился на 29,4 % по сравнению с рекордным 2008 г. и составил 39,5 млрд долл.) с целью достичь объявленной ранее цели выхода этого объема в 2010 г. на 60—80 млрд долл. Оптимизм внушает декларированное руководством двух стран в Совместном заявлении от 17 июня 2009 г. намерение приложить усилия к «стимулированию взаимной торговли... в особенности за счет машино-технической и высокотехнологической продукции», а также предпринять шаги с целью «содействовать более активному привлечению финансовых и банковских институтов двух стран к кредитованию торговых операций»¹⁵. Судя по всему, вместе с общим выходом из кризиса эти меры приносят свои плоды: согласно данным

российской таможенной статистики, объем двустороннего товарооборота в первом квартале 2010 г. возрос на 52,5 %¹⁶;

- усиленное развитие *гуманитарных контактов и народной дипломатии*: культурных, научно-образовательных, спортивных, туристических и других связей на разных уровнях, включая связи городов-побратимов, неправительственных организаций;
- дальнейшее усиление взаимной поддержки, согласованных или параллельных действий в сфере *внешнеполитического взаимодействия*, в том числе *по глобальной и региональной повесткам дня*;
- развитие двустороннего и многостороннего сотрудничества по генерированному глобальным кризисом и, судя по всему, долговременному направлению, связанному с *реформированием международных валютно-финансовых институтов*.

Вместе с тем в российско-китайских отношениях существуют проблемные вопросы, которые содержат ряд реальных или потенциальных вызовов.

Во-первых, в условиях глобального кризиса особенно наглядно обозначился дисбаланс в общем развитии экономических комплексов двух стран, чреватый определенным ослаблением места и роли российского вектора в глобальной политике Китая.

Во-вторых, в отдельных сегментах общества обеих стран все еще распространены уходящие корнями в прошлое подозрительность, а то и недоброжелательство. Здесь следует обратить внимание на неизжитый в РФ тезис о «китайской угрозе», особенно в виде гипотетической масштабной миграции из КНР на российский Дальний Восток, на сохранившийся в китайском массовом сознании синдром так называемых «неравноправных» двусторонних договоров с Россией. Иными словами, речь идет о том, что высокое взаимодоверие между руководством двух стран пока «проседает» на общественном и бытовом уровнях. Это является показателем недостаточной социальной базы сотрудничества.

Тем не менее, *благоприятные возможности и перспективы российско-китайского партнерства, безусловно, превалят над проблемами и вызовами*. Последние не имеют антагонистического, а значит, и критического характера: они могут успешно решаться на пути конструктивного и целенаправленного диалога. Напротив, присутствуют совпадение, близость или параллельность коренных, базовых интересов двух стран, что предопределяет не только возможность, но и прямой императив к широкому двустороннему взаимодействию и цивилизационному сотрудничеству.

РФ—Индия: уникальные история и потенциал

Отношения между Москвой и Дели часто называют по-своему уникальными. Для этого есть основания: между двумя крупными странами исторически никогда не возникали сколько-нибудь значительные противоречия, не говоря уже о серьезных конфликтах. Не случайно, как отмечают индийские руководители, «Индия имеет особые взаимосвязи с Россией с момента установления дипломатических отношений между двумя странами в апреле 1947 г.»¹⁷ После 1991 г. обновлена договорная база, подписано свыше 200 двусторонних документов, включая упомянутый выше базовый Договор от 28 января 1993 г.

В российско-индийских отношениях последнего времени особое значение имели результаты саммитов в ноябре 2007 г. в Москве и декабре 2008 г. в Дели, а также встреч на полях «Большой восьмерки» в Японии. (К слову сказать, с начала столетия *переговоры высших руководителей* двух стран проходят в среднем не реже 2 раз в год: с 2000 г. по начало 2010 г. лидеры встретились свыше 20 раз).

Если говорить о событиях последнего времени, то наиболее значимыми из них были взаимные полномасштабные визиты высших руководителей государств. По итогам декабрьского визита (2008 г.) Д.А. Медведева в Дели стороны подписали 9 документов, включая важные соглашения в области мирного атома (сооружение дополнительных энергоблоков атомной элек-

тростанции на площадке «Куданкулам» и участие РФ в новых проектах такого рода), космоса, финансового, таможенного и туристического сотрудничества, достигли принципиальных договоренностей о продлении на следующие 10 лет истекающих в 2010 г. соглашений в сфере ВТС. Состоялись встречи российского президента с президентом Индии П. Патил, переговоры с премьер-министром М. Сингхом. Д.А. Медведев встретился также с вице-президентом Индии, председателем верхней палаты парламента М.Х. Ансари, председателем партии Индийский национальный конгресс С. Ганди, лидером оппозиции Л.К. Адвани и министром иностранных дел Индии, сопредседателем Межправительственной российско-индийской комиссии по торгово-экономическому, научно-техническому и культурному сотрудничеству П. Мукерджи. Уже этот перечень отражает широту и интенсивность двусторонних связей.

Через год, в начале 2009 г., Москву с официальным визитом посетил премьер-министр Республики Индия М. Сингх. Он встретился с президентом Российской Федерации Д. Медведевым и председателем правительства Российской Федерации В. Путиным. По итогам саммита приняты Совместная декларация между Российской Федерацией и Республикой Индия об углублении стратегического партнерства с целью противодействия глобальным вызовам. Был также подписан ряд межправительственных и межведомственных соглашений и протоколов: о программе военно-технического сотрудничества с 2011 по 2020 г., о сотрудничестве в области разработки и производства многоцелевого транспортного самолета и использования атомной энергии в мирных целях, о кооперации в банковской сфере, о планах культурных обменов на 2010—2012 гг.

Время между официальными визитами высших руководителей было заполнено не только еще несколькими неформальными встречами, но и интенсивным отраслевым диалогом, который традиционно ведется в рамках многопрофильного и многопарусного механизма сотрудничества.

Так, в июне 2009 г. премьер-министр Индии М. Сингх принял участие в работе Совета глав государств ШОС и в первом саммите БРИК в Екатеринбурге. На полях этих мероприятий

состоялась его двусторонняя встреча с президентом РФ Д. Медведевым, в ходе которой обсуждались актуальные вопросы продвижения российско-индийского стратегического партнерства на приоритетных направлениях. Позднее президент РФ и премьер-министр Индии провели также встречу на полях саммита «двадцатки» в Питсбурге.

В начале сентября 2009 г. Москву с очередным визитом посетила президент Индии П. Патил. В ходе переговоров стороны вновь подчеркнули близость и совпадение подходов ко многим международным вопросам, отметили приоритетность связей в энергетике, металлургии, машиностроении, наукоемких отраслях, в транспортной и банковской сферах. «Развитие отношений с Индией было и останется в дальнейшем одним из приоритетных направлений внешней политики России», — заявил президент РФ¹⁸.

Регулярный характер носят консультации по линии *Советов безопасности, МИД, министерств обороны* и других ведомств двух стран. Осенью 2008 г. и в мае 2009 г. Индию посетил секретарь Совета безопасности РФ Н.П. Патрушев, который встретился с премьер-министром Индии М. Сингхом и провел переговоры с советником премьер-министра Индии по национальной безопасности М.К. Нараянаном¹⁹.

Функционируют совместная рабочая группа по *противодействию международному терроризму*, 5-е заседание которой состоялось в Нью-Дели 16—17 декабря 2008 г., межправительственная *комиссия по торгово-экономическому, научно-техническому и культурному сотрудничеству* (ее 14-е заседание прошло 3 декабря 2008 г. в Нью-Дели).

Успешно развивается сотрудничество в военной и военно-технических областях. В этой сфере работает *совместная комиссия по военно-техническому сотрудничеству* (ее 8-е заседание состоялось в сентябре 2008 г. в Индии). С октября 2005 г. по февраль 2009 г. четырежды проведены совместные сухопутные контртеррористические, а также военно-морские учения Индия и России («Индра»).

Хотя абсолютные цифры двустороннего товарооборота пока выглядят сравнительно скромно, есть основания рассчитывать,

что его уровень в 10 млрд долл., намеченный на 2010 г., может быть достигнут. Оптимизм внушает тот факт, что в кризисном 2009 г. Индия оказалась в числе немногих стран, с которыми Россия не только не сократила, но и примерно на 7 % увеличила торговый оборот — до 7,5 млрд долл. При этом в первом квартале 2010 г. (в сравнении с тем же периодом предыдущего года) рост объема торговли составил 42 %.

Расширяются межрегиональные контакты двух стран. В этой сфере установлены партнерские отношения между 7 городами и районами государств-партнеров.

Россия и Индия придают традиционно большое значение двусторонним связям в гуманитарно-культурной области. В ноябре 2003 г. в Индии прошли Дни культуры России, ответный индийский Фестиваль состоялся в России в сентябре—октябре 2005 г. В рамках программы Года России в Индии в 2008 г. состоялось более 150 крупных мероприятий. Официальная церемония закрытия Года и посвященный ей гала-концерт, на котором присутствовали президент Российской Федерации Д.А. Медведев и премьер-министр Индии М.Сингх, прошли в Нью-Дели в декабре 2008 г. Сходные по масштабу мероприятия состоялись в РФ. В 2009 г. был официально открыт Год Индии в России.

Показательную оценку общей атмосфере сотрудничества премьер-министр Индии М. Сингх дал в беседе с Д.А. Медведевым на полях второго саммита БРИК в Бразилии в апреле 2010 г. Подчеркнув значение состоявшегося незадолго до этого визита в Индию председателя правительства РФ В.В. Путина (по результатам визита были подписаны новые важные соглашения), индийский руководитель подчеркнул, что в отношениях РФ и Индии нет «нерешенных двусторонних вопросов»²⁰.

Тем не менее, представленная картина, изобилующая реально существующими позитивными фактами, не означает, что отношения двух стран свободны если не от «нерешенных», то, по меньшей мере, от тех вопросов, которые нуждаются в постоянном внимании. Потенциал двусторонних связей используется далеко не полностью, что находит отражение в возникновении ряда спорных моментов, касающихся экономических вопросов, связей по линии ВТС.

Очевидно, что на атмосферу сотрудничества отчасти влияют и внешние факторы, включая тенденции глобального характера, которые в международном экспертном сообществе в последнее время часто называют «борьбой за Индию». Речь, прежде всего, идет об активизации южноазиатской политики США, в центре которой находится усиление взаимодействия с Индией. Такая ситуация объективно создает для Дели дополнительные возможности маневрирования, которые индийское руководство прагматично рассчитывает использовать для общего укрепления своих международных позиций. В связи с этим актуальным для отношений Москвы и Дели является углубление доверительного стратегического диалога. Это помогло бы «в зародыше» подавлять ненужные сомнения, в том числе те, которые, наряду с шероховатостями в экономике и в ВТС, служат почвой для высказываний некоторых индийских экспертов, порой называющих индийско-российскую составляющую «слабым звеном» формата РИК.

Ныне резервы дальнейшего развития и упрочения российско-индийского сотрудничества могут быть определены известной образной формулой: «мяч на российской стороне». В части экономического сотрудничества речь идет о задаче более углубленного изучения сегодняшних возросших технологических возможностей индийского рынка и устранения ряда бюрократических барьеров. В широком же смысле, как аргументированно полагает ряд экспертов, России в дополнение к декларациям о приоритетности партнерства нужны крупные реальные инициативы, «наполняющие стратегию российско-индийских отношений вполне конкретным содержанием во всех областях двустороннего взаимодействия, придающие этой стратегии системность, последовательность и гибкость»²¹.

* * *

Таким образом, общий знаменатель развития всех трех линий двусторонних отношений формата РИК свидетельствует о том, что, несмотря на наличие в каждой из них определенных проблемных вопросов, очевидно, что двусторонние связи внут-

ри «тройки» РИК, имеющие статус стратегического партнерства, развиваются в позитивном направлении и по широкому спектру областей. Существующие проблемы, в том числе более глубокие в китайско-индийских отношениях, не являются критическим ограничителем трехстороннего взаимодействия. При этом весьма важно, что во внешнеполитических документах каждой из трех стран отношения с двумя другими государствами «тройки» определены как приоритетные.

Разумеется, на эффективность формата РИК влияет целый ряд факторов: внешние силы, степень успеха при выработке и реализации реальных трехсторонних проектов, особенности тактических целей каждой из трех стран на международной арене. Однако значение позитивного начала двусторонних связей, составляющих своего рода становой хребет РИК, трудно переоценить. Факты свидетельствуют, что алгоритм эффективизации связей внутри «евразийской тройки» уже существует, и это благоприятствует ее перспективному развитию.

Примечания

¹ A Shared Vision for the 21st Century of the People's Republic of China and the Republic of India. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/eng/wjb/zzjg/yzs/gjlb/2711/2713/t399545.htm>.

² Жэньминь жибао. 23.07.2009. URL: <http://russian.people.com.cn/31520/6708029.html>.

³ ИТАР-ТАСС. 19.09.2008; 13.08.2009.

⁴ ИТАР-ТАСС. 22.01.2008.

⁵ http://paper.people.com.cn/rmrb/html/2009-01/19/content_179311.htm.

⁶ China rejects India's allegation of border crossing incidents. URL: <http://english.people.com.cn/90001/90776/90883/6676788.html>; CHINA: Chinese media attacks India over reports on troop deployment on border // The Times of India. 12.06.2009; URL: <http://www.asiamedia.ucla.edu/article.asp?parentid=109457>; India's unwise military moves. URL: People's Daily Online, http://posts.people.com.cn/bbs_new/filepool/htdoc/html/fa55b84865e12e8cfed39984b53db6282017122b/b3594639/1_3594639_1.html.

⁷ A Shared Vision for the 21st Century of the People's Republic of China and the Republic of India. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/eng/wjb/zzjg/yzs/gjlb/2711/2713/t399545.htm>.

⁸ Ху Цзиньтао встретился с премьер-министром Индии М. Сингхом. URL: <http://russian.people.com.cn/31520/6952925.html>.

⁹ <http://russian.people.com.cn/31521/6943809.html>.

¹⁰ <http://kadry.viperson.ru/wind.php?ID=512950>.

¹¹ <http://russian.people.com.cn/31519/6562499.html>.

¹² <http://russian.people.com.cn/31521/6930164.html>.

¹³ Встреча Ху Цзиньтао с президентом РФ Д. Медведевым. 10.05.2010. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/t693961.htm>.

¹⁴ Российско-китайские отношения неизменно носят характер стратегического партнерства. 23.09.2009. Нью-Йорк. URL: <http://www.kremlin.ru/news/5545>.

¹⁵ <http://archive.kremlin.ru/text/docs/2009/06/218010.shtml>.

¹⁶ <http://www.customs.ru/ru/stats/stats/popup.php?id286=662>.

¹⁷ Эксклюзивное интервью министра иностранных дел Индии // <http://rodon.org/polit-090514094617>.

¹⁸ Сайт президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/news/5360>.

¹⁹ Здесь и ниже по разделу см.: Сайт МИД РФ. URL: <http://www.mid.ru/ns-rasia.nsf/1083b7937ae580ae432569e7004199c2/432569d80021985f43256a39004c7c23?OpenDocument>.

²⁰ Встреча с премьер-министром Индии Манмоханом Сингхом. 16 апреля 2010 г. URL: <http://news.kremlin.ru/news/7477>.

²¹ Володин А. Россия—Индия: шансы прорыва. URL: <http://rodon.org/polit-081204123717>.

С. В. Уянаев

ЗНАЧЕНИЕ И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КНР И РФ

На протяжении почти всей 20-летней истории современных межгосударственных отношений между Россией и КНР вопросы международной повестки дня неизменно являются предметом серьезного обсуждения в ходе интенсивного и многоотраслевого двустороннего диалога. В этом смысле не стали исключением и встречи на высшем уровне, прошедшие в первые месяцы 2010 г. — на 2-м саммите БРИК в Бразилиа (апрель) и в майской Москве, отмечавшей юбилей Победы.

При этом показательную оценку международной роли внешнеполитического сотрудничества РФ и КНР, его месту в общем комплексе российско-китайских связей высшие руководители двух стран дали во время их июньского (2009 г.) саммита в Москве.

Важнейший компонент

Как подчеркнул тогда президент РФ Д.А. Медведев, «взаимодействие между двумя крупнейшими странами мира было и остается фактором действительно геостратегического масштаба». А председатель КНР Ху Цзиньтао назвал китайско-россий-

ские отношения «поистине важным фактором в пользу позитивного взаимодействия между основными игроками мировой политики и сохранения мира и стабильности в мире»¹. Такая же мысль, подчеркивающая предпосылки и базовые основы международного сотрудничества двух стран, содержится и в других российско-китайских документах последнего времени².

Декларативная форма официальных документов и заявлений не умаляет существа вопроса. Внешнеполитическое взаимодействие РФ и КНР является важнейшей составной частью двусторонних отношений, носит масштабный и диверсифицированный характер, опирается на эффективные механизмы, охватывает самый широкий круг глобальных и региональных проблем.

Договор 2001 года: новаторство на прочной правовой базе

Формирование предпосылок и содержания внешнеполитического взаимодействия на протяжении последних 15—20 лет происходило поэтапно и поступательно, параллельно развитию всего комплекса отношений, включая их концептуальную основу. Быстрое продвижение от отношений на принципах добрососедства и мирного сосуществования к формуле стратегического партнерства позволило существенно продвинуть и укрепить в том числе и внешнеполитическое сотрудничество.

Договорно-правовым «апофеозом» двусторонних связей явился, как известно, двусторонний *Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве от 16 июля 2001 г.*³. Значение этого документа может быть определено в двух аспектах.

Во-первых, по широкому экспертному мнению, сам по себе документ стал новаторским. В нем впервые в международной договорной практике было дано развернутое определение терминов «стратегическое партнерство», «стратегическое взаимодействие», которые обрели конкретное понятийное содержание. По сути, была представлена новая модель современных демократических межгосударственных отношений — не союз или

блок, а модель долговременного, взаимовыгодного партнерства, которое транспарентно, не направлено против третьих сторон, не идеологизировано, представляет собой взаимодействие в целях реализации сходных внешнеполитических приоритетов и создания условий для оптимального внутреннего социально-экономического развития каждой из стран.

Важной чертой Договора стало то, что в нем был четко структурирован целый ряд оправдавших себя универсальных норм международного права, регулирующих базовые основы двусторонних отношений. Речь идет о принципах взаимного признания выбранного пути развития, уважения суверенитета и территориальной целостности друг друга, более того — о взаимоподдержке в этих вопросах, о принципах взаимного ненападения, невмешательства во внутренние дела, равенства и взаимной выгоды, об отказе от применения силы и территориальных претензий, о неучастии в союзах, направленных против друг друга. То есть Договор можно рассматривать как универсальный документ, значение которого выходит за рамки сугубо российско-китайских отношений, ибо он является важным вкладом в международное право. Практика ШОС, созданной в 2001 г. во многом на основе тех же принципов, служит наглядным подтверждением универсального значения не только Договора 2001 г., но и самой модели двустороннего российско-китайского сотрудничества.

Во-вторых, в Договоре зафиксированы положения, определяющие собственно внешнеполитическое взаимодействие двух стран. Это — намерение России и КНР прилагать активные усилия для укрепления международного права и центральной роли ООН, противостоять попыткам силового давления и вмешательства во внутренние дела, содействовать предотвращению конфликтов и укреплению международного мира, стабильности и развития.

На фоне финансово-экономического кризиса, охватившего мир с осени 2008 г., своего рода пророческим взглядом в будущее стал пункт о сотрудничестве в международных финансовых и экономических структурах.

Положения Договора были подтверждены и развиты в последующих совместных документах, включая Декларации по внешнеполитическим вопросам от 1 июня 2005 г. и 23 мая 2008 г.⁴

В документе, подписанном в ходе российско-китайского саммита в Пекине в марте 2006 г., была дана более акцентированная формула российско-китайских отношений как отношений всемерной «взаимной поддержки и взаимного благоприствования». При этом подчеркивалось, что стороны будут усиливать линию «на координацию и углубление стратегического взаимодействия во внешнеполитических делах с целью создания благоприятной международной обстановки»⁵.

Примечательно, что такая взаимная поддержка имеет весьма широкие рамки, касаясь не только сугубо современных, но и принципиальных исторических вопросов в международной жизни. Как подчеркнул председатель КНР Ху Цзиньтао в ходе торжеств в Москве по случаю 65-й годовщины Победы, обе страны на фоне нынешних попыток фальсифицировать историю Второй мировой войны занимают «идентичные позиции». В связи с этим, отметил китайский руководитель, для двух стран целесообразно еще более усилить «координацию и взаимодействие с тем, чтобы решительным образом отстаивать серьезность исторической правды»⁶.

Непрерывно развивающееся на базе упомянутых положений стратегическое взаимодействие РФ и КНР — как в глобальном и региональном масштабах, так и в двустороннем и многостороннем форматах — является важным стабилизатором развития международной обстановки. В этом заключается еще одна грань международного измерения российско-китайских отношений, включая их договорно-правовую базу.

Не будет большой натяжкой сказать, что обнадеживающие тенденции в политике новой администрации США (признание Б. Обамой невозможности одному государству диктовать свои условия остальному миру), связаны с укреплением международной системы сдержек и противовесов, важным элементом которой является сотрудничество России и Китая.

Цели и направления сотрудничества

Российско-китайское международное взаимодействие базируется на идеях построения справедливого политического и экономического миропорядка, который, как считают и КНР, и РФ, должен основываться на принципах полицентричности, самостоятельности и равноправия, коллективного подхода к ведению мировых дел, мирного способа разрешения конфликтов и споров, недопустимости одностороннего диктата. При этом стороны консолидированно отстаивают центральную роль ООН, необходимость соблюдения универсальных норм международного права, с близких позиций подходят к вопросам разоружения и борьбы с терроризмом, активно выступают за развитие различных форм международного экономического сотрудничества, включая противодействие последствиям мирового финансово-экономического кризиса.

Данное направление сотрудничества было особенно востребовано в последнее время. *Об антикризисных мерах*, причем не только в двустороннем, но и в многосторонних форматах, шла речь в ходе неоднократных встреч президента РФ с председателем КНР, включая саммит в Москве в июне 2009 г., а также переговоры на полях «Группы 20» в Питсбурге и на Форуме АТЭС в Сингапуре. Так, в совместном российско-китайском заявлении от 17 июня 2009 г. стороны высказались о взаимной поддержке принятых в обеих странах антикризисных программ, подчеркнули значение сохранения положительной динамики двустороннего экономического сотрудничества в качестве важного средства минимизации последствий кризиса. При этом было отмечено, что очевидным путем повышения эффективности является скорейшая реализация уже имеющихся соглашений, смелое продвижение крупных, в том числе согласованных к настоящему времени, «пилотных» инвестиционных проектов в различных сферах. Отмечалась и необходимость более активно использовать финансовые и банковские инструменты, продвигать работу по созданию благоприятных условий для расширения сфер расчетов в национальных валютах⁷.

Важнейшим, причем долговременным направлением взаимодействия, является *сфера международной безопасности*, включая актуальную задачу постепенного продвижения к созданию *новых универсальных механизмов*, которые гарантировали бы стабильность на самом широком североатлантическом и евразийском пространстве. В русле разработки таких механизмов находится выдвинутая российским президентом инициатива создания новой системы безопасности в Европе, которая может быть распространена и на другие регионы или, как принято говорить, «на пространство от Ванкувера до Владивостока». Представляется, что эта идея весьма созвучна китайской концепции построения «гармоничного мира», дополняемой в последнее время «теорией Ху Цзиньтао о совместном развитии». В этом созвучии заключена не только предпосылка, но и прямой импульс для тесной координации действий РФ и КНР по глобальной и региональной повестке дня в целях обеспечения прочного, стабильного и справедливого полицентричного мира. Главной площадкой здесь *продолжает оставаться ООН*. Взаимодействие и взаимная поддержка в этой универсальной организации, укрепление ее центральной роли в решении мировых дел, реформирование ООН в соответствии с требованием времени — все это является ключевым направлением двустороннего сотрудничества.

Опираясь на международный авторитет и близость позиций, КНР и РФ стремятся совместными декларациями и скоординированными действиями на площадках международных форумов внести вклад в разрешение различных проблем и конфликтов. Как справедливо подчеркивала еще несколько лет назад газета «Жэньминь жибао», «позиции Китая и России почти по всем трудным и важным проблемам в мире (таким, как тематика ООН, борьба с терроризмом, иранский ядерный вопрос, северокорейский ядерный вопрос, конфликты между Палестиной и Израилем, иракский вопрос и т. д.) либо тождественны, либо очень близки»⁸.

В контексте сегодняшних задач по развитию двустороннего стратегического взаимодействия заслуживает внимания формулировка, данная китайской стороной в ходе визита в Москву в мае

2010 г. председателя Ху Цзиньтао: усилить взаимодействие по вопросам институционализации «двадцатки», делать более веским голосом двух стран в международных делах, защищать справедливые права двух стран и развивающихся государств; совместно защищать региональный мир и стабильность; укреплять сотрудничество в антитеррористической борьбе, совместно бороться против «трех сил зла»; усилить кооперацию в противодействии изменению климата и обеспечении энергетической безопасности⁹.

Многосторонние форматы взаимодействия

РФ и КНР, наряду с двусторонними механизмами, активно используют инструменты различных многосторонних форматов. Речь идет не только об активном взаимодействии в рамках ООН, мировой «восьмерки», а также «двадцатки» (которая в последнее время неоднократно собиралась для выработки, в частности, международных антикризисных мер). Возрастает значение *сотрудничества в форматах РИК и БРИК*, которое является значимым фактором формирования основ многополярного мира, благоприятно сказывается на международном климате, а также способствует развитию отношений между странами-участницами. Отметим, в частности, что на позитивную роль РИК в контексте прогресса китайско-индийских отношений, которые, несмотря на ряд сохраняющихся проблем, развиваются в целом в здоровом партнерском позитивном русле, нынешний посол КНР в РФ (в то время заместитель министра иностранных дел Китая) Ли Хуэй указывал еще в 2005 г.¹⁰

Значительная роль в международном сотрудничестве РФ и КНР по-прежнему *принадлежит ШОС*. На состоявшемся в июне 2009 г. в Екатеринбурге очередном саммите Организации при активном участии обеих стран были сделаны новые шаги по продвижению деятельности этого авторитетного международного формирования, подписана серия важных документов, в том числе Конвенция ШОС по терроризму. На саммите было признано необходимым принять эффективные меры для минимизации последствий мирового финансового кризиса, с акцен-

том на последовательную реализацию обновленного Плана мероприятий по выполнению Программы многостороннего торгово-экономического сотрудничества, который был утвержден на заседании Совета глав правительств ШОС в октябре 2008 г.

Фактор США

Выстраивая международную политику, в том числе взаимные связи, РФ и КНР учитывают, разумеется, основные тенденции развития мировой обстановки, на которые оказывают влияние действия все еще наиболее мощного государства планеты — США. Москва и Пекин, традиционно заинтересованные в развитии нормального партнерского диалога с Вашингтоном, связывают надежды на его большую эффективность с деятельностью администрации президента Б. Обамы. Состоявшиеся в июле и ноябре 2009 г. визиты американского лидера в РФ и КНР соответственно, проведение в Вашингтоне 1-го раунда американо-китайского стратегического экономического диалога, другие российско-американские и китайско-американские встречи, в ходе которых участники переговоров декларировали намерение сотрудничать в конструктивном ключе, создают для таких надежд определенную почву. Однако первый год нахождения у власти нынешней администрации США, пожалуй, не дал однозначного ответа, насколько ее внешне обещающие декларации о стремлении к «конструктивным отношениям» могут означать готовность к равноправному партнерству на деле. По целому ряду признаков в элите США по-прежнему сильны позиции тех, кто не намерен отказываться от идей безраздельного лидерства и политики «сдерживания остальных». Не случайно США продолжают поддерживать антироссийский режим в Тбилиси, а в начале 2010 г. предприняли очередные, крайне чувствительные для Пекина, шаги по военным поставкам властям Тайбэя.

Только дальнейшие практические действия США покажут, означают ли слова американского президента в Москве о невозможности какой-либо одной стране диктовать условия кому бы то ни было и его заявление в Пекине об отсутствии намерения «сдержи-

вать» Китай, что Вашингтон способен отказаться от прежних претензий на мировое доминирование и от ряда других деструктивных проявлений своей политики, включая неафишируемые попытки противопоставить РФ и КНР, провокационные оценки и концепции в отношении различных аспектов внутренней жизни Китая и России, их двусторонних связей, а также в отношении самих США, Индии, Японии, Центральной и Юго-Восточной Азии.

Разумеется, широкое внешнеполитическое взаимодействие РФ и КНР не может восприниматься только в белом цвете. В нем есть свои проблемы и трудности. Они обусловлены спецификой тех или иных конкретных интересов, имеющих, в частности, региональный характер. Так, КНР де-факто занимает про-японскую позицию в вопросе о принадлежности Южных Курил. Элементы конкуренции подспудно проявляются между двумя странами в Центрально-Азиатском регионе. Стремясь так или иначе не оказаться в ущемленном положении, стороны внимательно наблюдают за диалогом друг друга с США. Тем не менее, даже наличие естественных пунктов расхождений не умаляет ни взаимной значимости двустороннего сотрудничества, ни его роли как в общем комплексе российско-китайских связей, так и в развитии обстановки на мировой и региональной аренах.

Российско-китайское сотрудничество не направлено ни против США, ни против какой-либо другой третьей страны. Его цели — обеспечение мира и развития. Сотрудничество, доверие, целеустремленность, взаимопонимание и учет интересов друг друга способны ускорить окончательный выход двух партнеров из экономического кризиса, содействовать разрешению острых международных проблем и прогрессу всех государств. Китай и Россия — естественные союзники на этом пути.

Примечания

¹ Выступления на торжественном вечере, посвященном 60-летию установления дипломатических отношений с Китайской Народной Республикой. 17.06.2009. Москва, Большой театр. URL: http://archive.kremlin.ru/appears/2009/06/17/2251_type63377type122346_218042.shtml.

² См., например: Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики. Подписана Президентом России Владимиром Путиным и Председателем Китайской Народной Республики Ху Цзиньтао 26 марта 2007 г. в Москве. URL: <http://archive.kremlin.ru/events/articles/2007/03/120593/155372.shtml>.

³ Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой. Подписан Президентом России Владимиром Путиным и Председателем КНР Цзян Цзэмином в Москве 16 июля 2001 г. URL: <http://archive.kremlin.ru/events/articles/2001/07/142467/142465.shtml>.

⁴ Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики о международном порядке в XXI веке. Подписана в Москве 1 июля 2005 г. Президентом России Владимиром Путиным и Председателем КНР Ху Цзиньтао. URL: <http://archive.kremlin.ru/events/articles/2005/06/90767/153816.shtml>; Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики по основным международным вопросам. 23.05.2008 г. URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/240.

⁵ Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики. Подписана Президентом России Владимиром Путиным и Председателем КНР Ху Цзиньтао 21 марта 2006 г. в Пекине. Цит. по: Проблемы Дальнего Востока. 2006. № 3. С. 8.

⁶ Встреча с Председателем КНР Ху Цзиньтао. 09.05.2010. URL: <http://news.kremlin.ru/news/7689>.

⁷ Совместное Российско-Китайское заявление об итогах встречи на высшем уровне в Москве. URL: <http://archive.kremlin.ru/text/docs/2009/06/218010.shtml>.

⁸ Жэньминь жибао. 11.04.2006.

⁹ Встреча Ху Цзиньтао с президентом РФ Д. Медведевым. 10.05.2010. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/t693961.htm>.

¹⁰ www.chinaembassy.ru/rus/xwtd/t20.31.08.2005.

А. В. Болятко*

ПРИОРИТЕТЫ КИТАЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Несмотря на обоюдное стремление развивать двусторонние отношения на всеобъемлющей основе, в позитивном ключе и в духе сотрудничества, выраженное в опубликованном в апреле 2009 г. совместном заявлении председателя КНР Ху Цзиньтао и президента США Б. Обамы, наследие длительного периода взаимных недопониманий и подозрений, сопровождавшихся прямым конфликтом национальных интересов, продолжает препятствовать установлению более тесных связей между двумя странами и использованию новых возможностей для конструктивного взаимодействия.

В последнее время, особенно после прихода к власти в США администрации Б.Обамы, усилия ученых и специалистов ряда стран, в первую очередь самих США и КНР, направлены на анализ проблем отношений двух стран, выявление возможностей их кардинального улучшения, составление соответствующей «дорожной карты».

* Болятко Анатолий Викторович, д. воен. н., проф., г. н. с. Центра стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС ИДВ РАН.

Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 09-03-00781а/р.

Общая оценка современных политических отношений КНР и США

Несмотря на значительный прогресс в китайско-американских отношениях, достигнутый в последнее десятилетие, ряд проблем продолжает их осложнять. Американский исследователь А.Лифф отмечает, что стабильные двусторонние отношения КНР и США важны не только для этих двух стран, но и для всего мира, и призывает оба правительства принять «стратегическое решение с тем, чтобы не позволить ряду острых политических вопросов осложнить их конструктивное взаимодействие» в достижении общих целей. Предлагается интенсивнее сотрудничать в новых областях, таких, как защита окружающей среды, чтобы сдвинуть фокус взаимодействия с «надоевших» вопросов и облегчить достижение большего взаимного доверия. Эксперт сформулировал пять руководящих принципов в области двусторонних политических отношений, предложил меры по контролю над планетарным климатом, по реформам в международных институтах в качестве направлений расширенного сотрудничества и выдвинул 14 политических предложений по активизации взаимодействия двух стран. Он рассмотрел тайваньский вопрос и проанализировал проблемы прав человека и политической системы в КНР как источников длительных политических трений в отношениях США и КНР. Исследователь предложил пути конструктивного обсуждения этих проблем, которое могло бы способствовать лучшему взаимопониманию Вашингтона и Пекина¹.

В перспективе КНР и США могут достичь желаемой цели по установлению стабильного и прочного партнерства на достаточно широкой основе, при котором ни спорность некоторых вопросов, ни превратности глобальных событий не оказывали бы негативного воздействия на состояние двустороннего сотрудничества.

На протяжении вот уже 30 лет расширение экономических связей служило главным стимулом развития китайско-американских отношений как таковых, однако в последние годы число «чувствительных» вопросов в двусторонней повестке дня бы-

стро растет. Одновременно с этим расширяется и спектр общих интересов двух стран, что предвещает углубление взаимодействия в ближайшей перспективе. В контексте «мирного возвышения» Китая, которое касается множества параметров национальной мощи (дипломатического статуса, военного и хозяйственного потенциала, глобального политического и экономического влияния), стабильность политических связей между двумя странами имеет первостепенное значение. Со времени нормализации дипломатических отношений в 1970-х годах состояние политических отношений между Пекином и Вашингтоном определялось успешностью сотрудничества в других областях. Особенно в сфере безопасности, в которой китайское правительство демонстрировало приверженность совместным политическим обязательствам и общим принципам. Вопреки всей кажущейся аморфности этих принципов и обязательств, Пекин придавал их соблюдению особое значение, усматривая в нем непереносимое предварительное условие последующего конкретного доверительного взаимодействия. Во многих случаях даже кажущийся отход США от этих обязательств препятствовал дальнейшему конструктивному сотрудничеству.

Несмотря на заметный прогресс в китайско-американских отношениях за последнее время, политические «нестыковки» продолжают замедлять расширение связей между странами. Долго откладываемая сделка по продаже американского оружия Тайваню, решение США освободить 17 китайских мусульман, удерживаемых в Гуантанамо, и крупные расхождения по проблеме поведения на море (в частности, Южно-Китайском) — вот лишь несколько вопросов, которые осложняли политический диалог за последний год.

А. Лифф сформулировал ключевые принципы развития политических отношений КНР—США²:

1. Рассматривать двусторонние политические отношения в глобальном контексте. Многое на мировой арене указывает на то, что США и Китай будут осуществлять глобальное лидерство в XXI в.

2. Минимизировать политизированность двусторонней повестки. Попытки спекулировать на страхе или раздувать нацио-

налистические чувства друг против друга подрывают усилия по устранению взаимных подозрений и укреплению доверия.

3. Признать, что Вашингтон искренне стремится к сотрудничеству с Пекином. Хотя лидеры США учитывают фактор неопределенности будущего курса Китая, они не пытаются сдерживать растущее влияние КНР. Вопрос больше не в том, «позволит ли США быть Китаю великой державой», а в том, «до какой степени Китай готов сотрудничать с США».

4. Признать, что Китай не стремится подорвать глобальную систему, возглавляемую США (в результате чего он оказался бы в наибольшем выигрыше), или установить гегемонию в Восточной Азии. Несогласие Пекина с некоторыми аспектами внешней политики США отнюдь не означает ведение Китаем каких-либо «ревизионистских интриг».

Путем расширения масштабов отношений и распространения сотрудничества на новые области две страны смогли бы снизить свою «заикленность» на некоторых спорных вопросах, что в свою очередь помогло бы повысить доверие и создать возможности по выстраиванию более многоплановых и конструктивных отношений. В первую очередь это касается ключевых политических проблем двустороннего взаимодействия:

Изменение климата. Китай и США — первый и второй по значимости мировые эмитенты парниковых газов (в общей сложности на две страны приходится 42 % всего их объема). Интересно отметить, что в 2007 г. 8%-ный рост эмиссии этих газов в Китае составил 2/3 мирового роста. Приход администрации Обамы и повышение внимания к проблеме глобального изменения климата благоприятствуют двустороннему взаимодействию в этой области. Однако различия во взглядах на степень серьезности проблемы и стремление переложить работу по снижению уровня парниковых газов на плечи другого партнера являются помехой в политических связях КНР и США. Особенно явственно это обстоятельство проявилось в июне 2009 г. с принятием американского закона о чистой энергии и безопасности (American Clean Energy and Security Act), предусмат-

ривающего наложение торговых санкций на те страны, которые отказываются ограничить эмиссию углерода.

Борьба с изменением климата — это одна из сфер, в которой существует несовпадение интересов сторон. Если США и Китай смогут сосредоточиться на том, что их объединяет, а не на различиях в позициях, то, возможно, политика защиты окружающей среды станет одним из важных импульсов расширения американо-китайского сотрудничества. При этом обеим странам следует продолжать интенсивные двусторонние и многосторонние переговоры, принимать участие в нарождающемся международном сотрудничестве в области энергоэффективности и попытаться добиться от других партнеров, особенно Японии, участия в поисках повышения энергетической эффективности. Также важно осуществлять совместную разработку энергосберегающих технологий.

Реформа многосторонних институтов. Китай и США находятся в благоприятном положении для того, чтобы возглавить усилия по превращению глобальных и региональных многосторонних институтов в более представительные по составу, более активные по своим действиям и лучше отструктурированные международные образования, более полно соответствующие вызовам XXI века. В быстро развивающейся Восточной Азии расширение многостороннего политического дискурса и сотрудничества в области безопасности укрепит доверие среди региональных держав, что в свою очередь будет благоприятствовать стабильности в регионе.

Обеим странам следовало бы настроиться на масштабное преобразование международных институтов, таких, как ООН, ВТО и МВФ, в более представительные и полномочные организации, которые смогли бы рассматривать глобальные проблемы прагматично и по существу, на идеологически нейтральной основе.

Отношения в зоне Тайваня. Самым большим препятствием на пути углубления политических связей и взаимодействия двух стран в области безопасности всегда была проблема Тайваня. Правда, отношения в зоне Тайваня значительно улучшились с приходом к власти на острове президента Ма Инцзю (май

2008 г.), который снизил накал полемики по вопросу независимости Тайваня. Одновременное позитивное развитие американо-китайских отношений и ситуации в зоне Тайваньского пролива могут способствовать качественному сдвигу в отношениях между КНР и США.

Специалисты считают, что КНР и США следует воздерживаться от увязки чувствительных проблем, связанных с Тайванем, с прочими вопросами взаимоотношений двух стран. В частности, переговоры по военной линии очень важны для диалога и не должны быть политизированы. Военные проблемы таят в себе риски ошибок в расчетах каждой стороны, поэтому регулярный обмен мнениями по этим вопросам крайне важен для стабильности во всей Восточной Азии. Во всяком случае, регулярные переговоры должны проводиться именно по причине систематических поставок американского оружия Тайваню.

Права человека/Политическая система. Вопросы прав человека в течение длительного времени были источником напряженности в отношениях КНР и США. Со стороны Запада критика раздавалась в адрес политики китайского правительства по отношению к этническим меньшинствам (в частности, в Тибете и Синьцзяне). Часто упоминалась судьба политических диссидентов и активистов. В сочетании с хронической коррупцией эти вопросы вызывают серьезную озабоченность Запада состоянием и перспективами политической системы Китая. В большинстве случаев даже благожелательная, мягкая критика со стороны западных правозащитных инстанций провоцирует в Китае националистические выступления, усугубляет подозрения Пекина относительно намерений США и наносит ущерб политическому диалогу двух стран в целом.

Отношения КНР и США в области безопасности

В идеальном варианте к 2020 г. США и КНР в качестве глобальных стратегических сверхдержав достигнут зрелых отношений в области безопасности. Сферы совместных интересов двух

стран будут иметь большее значение, чем области пересечения их национальных интересов³.

Руководящие принципы развития отношений в области безопасности:

- уважать коренные интересы друг друга, даже если имеется очевидное несогласие. Две страны являются великими державами и должны со всей серьезностью учитывать взаимные интересы;
- отдавать приоритет связям и дискуссиям по наиболее важным вопросам. Избегать сведения счетов по малозначительным, скорее символическим или просто неподъемным вопросам;
- нести такую ответственность за обеспечение безопасности «общественного достояния», которая была бы пропорциональна не только его выгоды для страны, но и значимости для всей международной системы.

Отношения в области безопасности складываются под влиянием китайско-американских латентных трений в этой сфере. В обозримом будущем эти отношения будут подразделяться по двум направлениям — в сферах традиционной и нетрадиционной безопасности. Традиционная безопасность связана с такими явлениями, как война между государствами и распространение ядерного оружия; реалии нетрадиционной безопасности обусловлены такими обстоятельствами, как болезни, нищета, изменения климата и энергетическая безопасность. В контексте американо-китайских отношений масштаб сотрудничества в этих сферах может быть глобальным, региональным и двусторонним.

Сфера традиционной безопасности

Нераспространение ядерного оружия в КНДР. Китай и США, действуя совместно с Южной Кореей, Японией и Россией, должны разработать «дорожную карту» для ситуации на Корейском полуострове. Эта карта отличается от той, которая создается в рамках 6-сторонних переговоров, тем, что ее конечной целью является не просто достижение безъядерного статуса Ко-

рейского полуострова, но и обеспечение безопасности КНДР в обмен на ее очевидное, безусловное, миролюбивое, конструктивное поведение в соответствии с международными нормами в области нераспространения ядерного оружия.

Безопасность на море. Хотя все еще существует ряд препятствий на пути полноценного китайско-американского сотрудничества в деле обеспечения морской безопасности, обе страны уже добились значительных успехов в таких областях, как поиск и спасение на море, а также в соблюдении режима рыболовства. Достаточно позитивная реакция Китая на новую морскую стратегию США свидетельствует о возможности расширения гуманитарного сотрудничества двух стран и в других областях обеспечения безопасности: в ликвидации последствий болезней, в области экологии моря, а также кооперации в сферах энергетической безопасности и борьбы с терроризмом.

Обеим странам следовало бы воспользоваться новым «кодексом поведения», создаваемым на основе успешных наработок советско-американского соглашения 1989 г. о предотвращении опасной военной деятельности. В этом соглашении особо подчеркивалась роль скорейшего обеспечения связи между военными объектами (самолетами, кораблями, наземными пунктами управления) в эпоху передовых коммуникационных технологий и средств обнаружения объектов.

Необходимо создать политические и практические предпосылки и условия для стратегического сотрудничества военных и гражданских моряков. В то же время стороны не должны допускать попыток использования сотрудничества на море для спекуляций и сведения счетов из-за различных политических противоречий, что неизбежно скажется на всем комплексе двусторонних отношений. Следует избегать сокращения контактов по военной линии, несмотря на вероятность обострения политических трений. Ограничение диалога наносит ущерб долгосрочности взаимодействия.

Контакты по военной линии. Укрепление военных контактов между Китаем и США значительно уменьшит вероят-

ность эскалации двусторонних кризисов. Кризис 2001 г., вызванный ситуацией с самолетом EP-3, продемонстрировал недостаточность уровня контактов, из-за которой сложилась потенциально опасная ситуация для обеих стран. Необходимо строить двусторонние связи таким образом, чтобы получить твердую уверенность в намерениях друг друга и уменьшить риск ошибок.

По мнению американских специалистов, диалог военных должен включать широкий диапазон вопросов. Кроме проблем внутренней обстановки, главной причиной ограничения военных контактов с США является обеспокоенность Китая тем, что в результате открытости в военной области ситуация окажется не в его пользу.

Сложности могут возникнуть в определении тех областей взаимодействия, где необходима абсолютная взаимность обменов, и сфер, где фактический диспаритет в обменах в перспективе все же может быть скомпенсирован конструктивной готовностью к сотрудничеству.

Контроль над вооружениями. США, как наиболее крупная военная держава, и Китай, как страна с быстро развивающейся военной структурой, имеют серьезные стратегические интересы. Они в высшей мере ценят возможность быть в курсе истинных намерений и реальных потребностей друг друга. Жизненно важным условием будущих отношений двух государств является уменьшение рисков опасных политических просчетов и расширение диапазона сотрудничества. Это привело бы к более ясному взаимопониманию в сфере контроля над вооружениями и поиска зон консенсуса. Обеим странам следует использовать уже существующую систему китайско-американских диалогов в стратегической и экономической областях для разработки специфических инициатив в области контроля над вооружениями, таких, как формирование согласованных электронных баз данных по «чувствительным» технологиям и экспортному контролю. Необходимо поручить соответствующим службам составление двуязычных словарей по всей проблематике обеспечения безопасности и военному делу.

Сфера нетрадиционной безопасности

Гуманитарная помощь и служба спасения. США и Китай в рамках АТР должны координировать усилия по ликвидации последствий катастроф и стихийных бедствий, обеспечивать взаимодействие в очагах событий, а также обмениваться соответствующим опытом. Необходимо организовать совместные тренировки служб береговой охраны и проводить многосторонние учения с привлечением сил США, Китая, Японии, Южной Кореи и Австралии.

Инфекционные болезни. В этой области взаимодействие двух стран может быть особенно эффективно при участии вооруженных сил США и Китая, располагающих значительными ресурсами и опытом работы в кризисных ситуациях. Ключевые области сотрудничества включают слежение и информирование о болезнях, а также разработку и производство вакцин. Малозатратная, но при этом крупномасштабная фармацевтическая инфраструктура Китая могла бы хорошо дополняться передовыми возможностями и научными достижениями США в этой области.

Терроризм и соответствующий обмен информацией. Обе стороны должны взаимодействовать в названной сфере, несмотря на различные толкования понятия «терроризм». Хотя США не до конца согласны с принятым в Китае расширенным определением этого термина, включающим политическую деятельность, существует широкая база для двустороннего сотрудничества. Нужно расширить взаимодействие антитеррористических ведомств и усилить координацию их деятельности.

Энергетическая безопасность. Обе страны должны обмениваться опытом в управлении стратегическими резервами нефти и создать объединенную систему учета нефтепродуктов. Необходимо бороться с кризисами на морях за пределами Китая и США (например, с пиратами Сомали). Целесообразно создать объединенную базу данных по угрозам на важнейших морских коммуникациях.

Китайско-американские отношения в области торговли и финансов

По согласованному мнению китайских и американских специалистов, в этой области отношения Китая и США должны развиваться на основе следующих ключевых принципов⁴:

- американо-китайские торговые отношения не должны рассматриваться в отрыве от динамики ситуации в АТР;
- торговые переговоры должны использоваться для решения широкого круга проблем — как средство для продвижения институциональных реформ, повышения энергетической безопасности, внедрения технологических инноваций (особенно в отношении изменения климата) и укрепления режима прав интеллектуальной собственности;
- в формировании своей политики в отношении Китая США должны учитывать, что китайское правительство имеет полное право на поддержание экономического роста своей страны;
- в рамках МВФ США должны координировать трехстороннее сотрудничество с КНР и ЕС с тем, чтобы оптимизировать и свою политику компенсаций в отношении ЕС и использование Китаем приобретенных им прав заимствования. В свою очередь ЕС и КНР должны уважать экономические приоритеты США.

Реалии китайско-американских отношений 2010 года

Как уже неоднократно случалось в прошлом, подъем и эйфорию в отношениях КНР и США (в 2009 г.) сменил спад (с начала 2010 г.). Причиной этому была позиция американской стороны. Сначала Вашингтон поддержал крупного американского провайдера Google, обвиняемого Пекином в использовании Интернета для извлечения информации о китайских диссидентах. Потом США было принято решение о продаже Тайваню некоторых видов вооружения и военной техники на сумму 6,4 млрд долл. Среди них — зенитно-ракетные комплек-

сы «Пэтриот», боевые вертолеты «Блэк хоук», ракеты «Гарпун» наземного и морского базирования, а также средства связи для тайваньских истребителей F-16. В КНР, где считают Тайвань неотъемлемой частью Китая и стремятся вернуть остров в лоно родины, это было воспринято как серьезное оскорбление. Тем более что в последнее время произошло определенное улучшение отношений между Пекином и Тайбэем. Пекин предупредил Вашингтон, что продажа оружия Тайбэю станет посягательством США на суверенитет Китая и на процесс объединения страны. Однако администрация Б. Обамы проигнорировала это предупреждение и пошла на сделку.

Более того, почти одновременно с этим лично Б. Обама предпринял «атаку» на Пекин, обвинив его в том, что он удерживает курс юаня на «нереально низком уровне». Сразу после начала острой фазы финансового кризиса этот курс был закреплен на уровне 6,83 юаня за доллар. Из-за этого, по мнению Обамы, в Соединенных Штатах страдают производители. В 2009 г. китайский экспорт в США достиг 266 млрд долл., тогда как объем американских поставок в КНР составил лишь 143 млрд. В связи с этим президент США пообещал начать «торговую войну» в отношении Китая с целью притормозить его развитие⁵.

В довершение ко всему в американской столице приняли далай-ламу, который в США олицетворяет собой силу, противостоящую политике КНР в отношении Тибета. При этом в Вашингтоне заявляют, что «считают Тибет частью Китая, но испытывают обеспокоенность по вопросу о соблюдении (там) прав человека». Отсюда и требование, адресованное Пекину, о защите культурной и религиозной самобытности Тибета, и выделение в бюджете США 7,4 млн долл. на «сохранение традиций и тибетской культуры в Тибетском автономном районе и других частях Китая»⁶. Несмотря на незначительный размер суммы, данный шаг явственно сигнализирует о намерении Белого дома оказывать поддержку тибетским общинам.

Пекин на все эти выпады американской стороны отреагировал незамедлительно и жестко. Так, было объявлено о замораживании контактов с США по военной линии. «Учитывая вред и крайне негативные последствия предполагаемых поста-

вок американского оружия на Тайвань, Китай принял решение приостановить договоренности о визитах в рамках военного сотрудничества с США»⁷, подчеркивается в заявлении Министерства обороны Китая по этому поводу. А официальный представитель МИД КНР Ма Чжаосюй отметил, что Китай намерен применить санкции против тех компаний, которые, несмотря на протест Пекина, решились поставлять оружие на Тайвань⁸.

Пока нет ясности, каковы будут эти санкции, однако можно предположить, что в данной ситуации Китай может пойти и на отказ от контрактов с американскими компаниями. Это в первую очередь коснется «Боинга» — производителя «Пэтриотов» и основного поставщика Китаю гражданских самолетов. На данный момент гражданский авиационный флот Китая на 53 % состоит из самолетов этой компании. Известно также, что китайские авиакомпании разместили заказы еще на 57 самолетов «Боинг-787». Тем не менее, они готовы, как пишет газета «China Daily», поддержать решение правительства о санкциях⁹.

Столь же резкой была реакция Пекина на критику Б.Обамой торговой и валютной политики КНР. По словам Ма Чжаосюя, среди лидеров Китая нарастает недовольство в связи с необходимостью выслушивать лекции по экономической политике от своего главного должника. Китай, располагая государственными облигациями США на сумму в 800 млн долл., выступает крупнейшим американским кредитором, а валютные резервы КНР, являющиеся крупнейшими в мире, на конец 2009 г. составили рекордные 2,4 трлн долл. «На данный момент, с учетом международного платежного баланса, а также спроса и предложения на рынке Фогех, курс юаня можно назвать разумным и сбалансированным, и не он является причиной торгового дефицита США. Обвинения и давление не могут решить эту проблему», — заявил Ма Чжаосюй¹⁰.

Наконец, сепаратизм в Тибете — очень болезненная тема для китайских властей. И всякое публичное появление далай-ламы, тем более в Белом доме, используется оппонентами КНР как повод для обсуждения проблемы Тибета, а также порицания Пекина и поощрения сепаратистов. В связи с этим МИД КНР распространил заявление, в котором говорится, что

Китай решительно протестует как против поездок далай-ламы в США, так и против того, чтобы глава государства встречался с ним под любым предлогом и в любой форме. В заявлении упоминается, что еще во время визита Обамы в Китай в ноябре 2009 г. председатель КНР Ху Цзиньтао «разъяснил ему жесткую позицию Китая, который выступает против встреч руководителей каких-либо государств или правительственных чиновников с далай-ламой»¹¹.

Таким образом, налицо серьезный кризис в отношениях двух держав. А ведь еще в 2009 г. шла речь об их возможном союзе, о создании, по выражению З. Бжезинского, «группы двоих, способной изменить мир», «Кимерики» с тесно связанными экономиками. В какой-то мере эту идею поддерживали и в Китае. Например, премьер Госсовета КНР Вэн Цзябао, говоря в 2009 г. об отношениях с США, заявил: «Переправляясь через реку, не стоит воевать, потому что все находятся в одной лодке»¹².

Действительно тесное взаимодействие КНР и США в области экономики имеет полное право на существование. Китай сделал возможным американское потребление, покупая долговые обязательства США, а Америка помогла модернизации и реформированию китайской экономики, открыв свои рынки китайским товарам. Washington Post писала: «Китаю нужна Америка, чтобы экономический рост не упал ниже 7,5 %, что будет угрожать политической стабильности, а Штатам нужен Китай, чтобы балансировать свои дефициты и не допустить инфляции»¹³. И не случайно Вашингтон в 2009 г. неоднократно и открыто заявлял, что для него критически важно, чтобы Китай продолжал приобретать американские обязательства. После этого и заговорили, что «в 1989 г. капитализм спас Китай, а в 2009 г. Китай спас капитализм»¹⁴.

В этом плане весьма знаменательным представляется выступление генерального директора Комиссии по банковскому регулированию КНР Ло Пина на съезде Глобальной ассоциации риск-менеджмента, который проходил в феврале 2009 г. в Нью-Йорке. Он заверил присутствующих, что Китай продолжит покупать долговые обязательства США, поскольку на сегодняшний день это единственная возможность для вложения

средств. В то же время Китай беспокоят те разрушительные последствия, которые может оказать стремительный рост национального долга на экономику США и, соответственно, на возможности Америки по возврату этого долга в полном объеме или хотя бы частично¹⁵.

В Китае очень скоро пришли к выводу, что США, предлагая глобальное взаимодействие, в действительности хотели бы таким образом приобщить его экономические возможности к своим планам вывода страны из кризиса, а политические — к разрешению ситуации в Иране, Афганистане, а также проблемы разработки ядерных программ Ирана и Северной Кореи, и таким образом восстановить позиции Америки в Азии. Но у Китая свои подходы к этим проблемам и свои интересы в Азии. Например, КНР выступает против появления у Северной Кореи ядерного оружия, но не желает идти на жесткие меры, поскольку, по мнению наблюдателей, еще в большей степени боится краха северокорейского режима и воссоединения Севера и Юга на Корейском полуострове. Точно так же Пекин выступает за решение иранского ядерного вопроса дипломатическим путем и не поддерживает принятия санкций против Тегерана¹⁶.

Весьма критически Пекин отнесся и к многостороннему регулированию процесса борьбы с глобальным потеплением, который поддерживал Вашингтон. Представители КНР, выступая на конференции в Копенгагене, утверждали, и не без оснований, что радикальное сокращение углеродных выбросов приведет к срыву планов экономического развития страны, и поэтому Пекин не намерен его поддерживать¹⁷.

Двигаясь по пути реформ, намеченных Дэн Сяопином, Китай за 30 лет смог создать такую модель развития, которая соединила в себе преимущества планирования с частной инициативой и конкурентным рынком, и превратиться в ведущую мировую экономическую и политическую силу. Сегодня Китай успешно использует сложившуюся из-за финансово-экономического кризиса обстановку и растущие в Азии антиамериканские настроения для усиления своего влияния в регионе.

Так, в начале 2009 г. состоялось официальное открытие зоны свободной торговли «Китай—АСЕАН». Она охватывает

почти дюжину стран с общим населением 1,9 млрд человек. Китай и 10 членов Ассоциации государств Юго-Восточной Азии, в том числе Индонезия, Вьетнам и Филиппины, снизят пошлины на 90 % товаров. Китайцы надеются, и это не скрывают в Пекине, что соглашение о свободной торговле с АСЕАН обеспечит приток ресурсов государств-членов Ассоциации в производственный сектор КНР, способствуя ее экономическому росту, а вместе с тем и повышению роли Китая в Азиатско-Тихоокеанском регионе¹⁸.

Это, естественно, не устраивает Соединенные Штаты, которые заинтересованы в сохранении статус-кво в Азии. Вызывает тревогу в США и все нарастающая экономическая и военная мощь Китая. Американским бизнесменам и политикам непривычно видеть, как их страна все больше зависит от решений, принимаемых на другом конце света. «Мы чувствуем горячее дыхание этого экономического дракона у себя за спиной», — заявила профессор С. Шерк, бывшая заместителем помощника госсекретаря в администрации Клинтона¹⁹. А газета *Washington Daily* пишет, что в Вашингтоне весьма болезненно воспринимают то, что Китай испытывает чувство триумфа по поводу того, что страна, исповедующая альтернативную политическую и экономическую доктрину, успешно преодолевает финансовый кризис, тогда как США и Запад в целом движутся к упадку²⁰.

Еще одним фактором, раздражающим США, явилось расширение масштабов учений и маневров НОАК, в частности его военно-морских сил. В апреле 2010 г. соединение боевых кораблей ВМС КНР провело учения на всем прибрежном пространстве Китая — от Южно-Китайского моря до залива Бохай. Далее группа китайских кораблей вышла из внутренних вод через пролив Мияко и провела различные элементы военно-морских учений в зоне Тихого океана. Американские специалисты отмечают не только географический размах маневров, но и то, что участие в них принимали сразу три флота ВМС Китая — Северный, Восточный и Южный, в отличие от регулярных учений, когда указанные флоты действуют в пределах приданных им Юньнаньского, Нанкинского и Гуанчжоуского военных округов соответственно и редко взаимодействуют между собой²¹.

Американские аналитики считают, что лучше не упускать шанс сдерживать рост китайской мощи мирными методами, чем потом противопоставлять КНР силу. По оценкам влиятельной RAND Corporation, на решение этой задачи у США есть еще максимум 10 лет. После этого не только в экономике, но отчасти и в военной сфере КНР начнет опережать Соединенные Штаты, а борьба за лидерство двух стран в АТР станет еще более ожесточенной. Отсюда и нынешний «мягкий», как назвала его China Daily, конфликт с Пекином, направленный на «сдерживание» Китая с помощью уже отработанных, а также новых механизмов²².

Анализ складывающейся ситуации подводит к выводу о том, что конфликты и трения между КНР и США будут становиться все более частыми и, вероятно, более глубокими. И это может привести к возникновению новой области острой напряженности на мировой арене.

Примечания

¹ *Liff Adam*. US-China Political Relations // Pacific Forum CSIS. 2009. Vol. 9. № 6. P. 1.

² *Ibid*. P. 1—2.

³ *Erickson Andrew, We He*. US-China Security Relations // Pacific Forum CSIS. 2010. Vol. 9. № 16. P. 7—11.

⁴ *Chaoyi Chen, Hartley Scott*. US-China Trade and Finance Relations // Pacific Forum CSIS. 2010. Vol. 9. № 16. P. 13.

⁵ См. *Кузарь В.* США—КНР: вызов на дуэль? // Красная звезда. 10.02.2010.

⁶ *Cossa Ralph*. US-China Relations on a Downward Slide. Pacific Forum CSIS // PacNet.4A. February 10, 2010. URL: <http://csis.org/files/publication/pac1004a.pdf>.

⁷ <http://www.rosbalt.ru/2010/02/01/708868.html>.

⁸ *Кузарь В.* Указ. соч.

⁹ Приводится по URL: http://www.redstar.ru/2010/02/10_02/4_04.html.

¹⁰ http://www.redstar.ru/2010/02/10_02/4_04.html.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Красная звезда. 10.02.2010.

¹⁴ Там же.

¹⁵ http://www.redstar.ru/2010/02/10_02/4_04.html.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Красная звезда. 10.02.2010.

¹⁹ Там же.

²⁰ Приводится по URL: <http://www.rosbalt.ru/2010/02/03/709562.html>.

²¹ *Cheng Dean*. Yo-Ho-Ho and a Bottle of... Mao Tai. Heritage Foundation. Web Memo. May 3, 2010. URL: <http://www.heritage.org/Research/Reports/2010/05/Yo-Ho-Ho-and-a-Bottle-of-Mao-Tai>.

²² Приводится по: Красная звезда. 10.02.2010.

А. С. Давыдов*

К ВОПРОСУ О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ ШОС И США

Вопрос о взаимоотношениях Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и Соединенных Штатов Америки актуален по целому ряду причин. Во-первых, Америка уже на протяжении длительного времени не только рельефно обозначает свои интересы, но постоянно нацелена на укрепление позиций и расширение присутствия в Центрально-Азиатском регионе (ЦАР), входящем в сферу активности ШОС. Во-вторых, деятельность Организации с момента ее создания находится под пристальным вниманием соответствующих сегментов американской политической и политологической элиты. И, наконец, в-третьих, сама ШОС в процессе своего укрепления и развития не может не учитывать влияния так называемого американского фактора. Все это дает основания для более детального освещения указанной проблемы.

В момент создания ШОС в 2001 г. отношение к ней со стороны США можно было назвать двойственным. С одной стороны, американцы не придавали Организации должного значения, считая ее разновидностью некоего «дискуссионного клуба», а с другой — с подозрительностью рассматривали создание

* Давыдов Андрей Сергеевич, к. и. н., в. н. с. Центра стратегических исследований Северо-Восточной Азии и ШОС ИДВ РАН.

ШОС как попытку сговора России и Китая с целью сообща противостоять американскому проникновению в Центральную Азию путем расширения там собственного влияния. Однако сегодня эти времена уже позади.

После того, как ШОС прошла определенный этап организационного и целевого становления, а интерес и желание присоединиться к ней проявили и другие государства, внимание США к этой Организации стало качественно новым. Рубежным здесь явился 2005 год, когда статус наблюдателей в ШОС получили: один из главных внешнеполитических противников Вашингтона Иран, американские партнеры Индия и Пакистан. В 2006 г. статус наблюдателя обрела и Монголия, к которой США давно проявляют особое внимание. Союзники американцев Южная Корея и Турция также проявили интерес к этой новой международной структуре.

Таким образом, в США не могли не заметить очевидного: 1) активность ШОС сводится не только к противодействию наращивания американского влияния в Центрально-Азиатском регионе и 2) она не ограничивается исключительно рамками ЦАР. В то же время американцами достаточно болезненно были восприняты положения Астанинской декларации, принятой Советом глав государств ШОС на саммите 2005 г., содержащие определенные сомнения по поводу целесообразности присутствия американских войск в Центральной Азии после окончания активной фазы антитеррористической операции в Афганистане. С инициативой включения соответствующих положений в Декларацию выступил, как известно, Узбекистан, который после событий в Андижане решил изменить подходы к сотрудничеству с Западом и больше ориентироваться на Москву, Пекин и ШОС, чем на США.

В ответной резолюции палаты представителей конгресса выразалась озабоченность созданным положением, а Госдепартамент США провел реструктуризацию политики страны в Центральной Азии. Она выразилась в принятии ряда мер, начиная с попыток убедить руководителей Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана в необходимости сохранения военных баз и военных контингентов США в ЦАР (в частности, базы Манас

в Киргизии) и кончая реорганизацией южноазиатского отдела американского дипломатического ведомства в целях модернизации политики на этом направлении и осуществления совместно разработанного американскими дипломатами и политологами нового плана по формированию тесной привязки Центральной Азии к Южной Азии через Афганистан. Этот план стал составной частью так называемой Программы партнерства по сотрудничеству и развитию Большой Центральной Азии, в которой роль ШОС, КНР и России умышленно игнорировалась¹.

До недавнего времени американская сторона давала понять, что не стремится к получению права на участие в деятельности ШОС, «не добивается установления официальной связи с этой организацией и не пытается выстроить с ней какую-либо форму сотрудничества»². «ШОС не является той структурой, к которой США «особенно привлечены»», — заявлял еще в 2008 г. Р. Баучер, помощник тогдашнего госсекретаря К. Райс по делам Южной и Центральной Азии³. По его словам, хотя ШОС, с точки зрения Вашингтона, «сыграла весьма полезную роль в некоторых вопросах экономики, пограничного контроля, транзита и т. п., ее критиковали, когда она уходила в политические области, когда она начинала высказываться о других странах, таких, как наша»⁴. Р. Баучер подчеркивал, что США выступают за углубление интеграции именно Центральной и Южной Азии в целом, а не за интеграцию каких-либо отдельных стран Южной Азии с традиционными партнерами РФ, в том числе на постсоветском пространстве. Такую «новую благоприятную стратегическую возможность», по его мнению, давала «постепенная нормализация обстановки в Афганистане», который в прошлом был «барьером между Центральной и Южной Азией»⁵.

Помимо субъективных опасений США по поводу возрастания роли и значения ШОС как фактора другой, отличной от американской, системы доминирования в регионе, вырисовывался и ряд объективных различий в подходах сторон к решению ключевых региональных и международных проблем. В частности, ШОС смотрит шире, чем США, на вопросы борьбы с международным терроризмом и наркоторговлей.

Америка отдает приоритет целенаправленным военным операциям с ударами по террористическим центрам и прямому давлению на государства, которые, по ее мнению, поддерживают терроризм, хотя на роль таковых зачастую просто «назначаются» неугодные Вашингтону режимы. ШОС же считает, что антитеррористическая борьба будет иметь лишь ограниченный эффект, если не будет дополнена борьбой с сепаратизмом, мерами по обеспечению территориальной целостности центральноазиатских стран и сохранению в них светских режимов.

Что касается наркотрафика, то неспособность кабульского режима совместно с силами антитеррористической коалиции в корне изменить ситуацию, связанную с увеличением трансграничного потока производимых в Афганистане наркотиков, остро ставит перед РФ, КНР и другими членами ШОС проблему активизации взаимодействия на этом направлении на основе достигнутых договоренностей и соглашений и в опоре исключительно на собственные силы и ресурсы Организации. Позиция США в этом вопросе отличается определенной деструктивностью, поскольку, проводя военные операции, Вашингтон не уделяет должного внимания вопросам улучшения внутренних экономических условий на территории Афганистана, без чего борьба с наркобизнесом в этой стране не имеет перспективы и теряет всякий смысл.

В последнее время ситуация в Афганистане еще больше осложнилась, что потребовало направления туда дополнительных сил коалиции: президент США Б. Обама объявил о значительном увеличении в этой стране американского воинского контингента. В целом, с приходом Б. Обамы в Белый дом появились определенные сигналы об изменении в США отношения к ШОС. Возможно, это связано не только с новой афганской стратегией Белого дома, но и с общими коррективами его внешнеполитической и военной линий.

В отличие от Дж. Буша Обама, имеющий мусульманские корни, твердо придерживается взгляда, что ислам не является врагом для Соединенных Штатов и их нынешняя роль в мире не должна определяться «глобальной войной с терроризмом». Борьба с «повстанцами» в тех провинциях Афганистана, кото-

рые находятся под контролем движения «Талибан», должна быть преимущественно политической, а не военной. Как указывает З.Бжезинский, «Обама нашел в себе силы отказаться от более честолюбивых и даже идеологических целей, которые Вашингтон ставил в начале афганской кампании, — например, создание там (в Афганистане. — *А.Д.*) современной демократии»⁶.

Примечательно, что чуть более года назад, 27 марта 2009 г., США направили в Москву для участия в конференции ШОС по урегулированию в Афганистане своего высокопоставленного дипломата — заместителя помощника госсекретаря по делам Южной и Центральной Азии П. Муна. Таким образом они продемонстрировали как постепенное преодоление негативного отношения к ШОС, так и признание ее роли в стабилизации ситуации в Центральной Азии. Члены Организации, со своей стороны, подтвердили, что в новых геополитических условиях взаимодействие с Америкой на афганском направлении не только не исключено, но даже приветствуется. При прежней администрации Вашингтону, как правило, отказывали в участии в заседаниях в рамках деятельности ШОС.

Наблюдатели и аналитики также признают, что сотрудничество США с ШОС по проблеме Афганистана могло бы способствовать уменьшению враждебности в отношениях между США и Ираном, поскольку на афганском направлении Вашингтон и Тегеран являются ситуативными союзниками, так как исламисты-сунниты из «Талибана» и «Аль-Каиды» — общие враги как для США, так и для шиитского Ирана.

Что касается отношений США с ведущими членами ШОС — КНР и Россией, то следует, прежде всего, учитывать особенности каждой из этих стран, считает Б. Обама. Россия, по мнению внешнеполитических советников нынешнего американского президента, «бывшая имперская держава с ревизионистскими амбициями, но с убывающим социальным капиталом». Китай, наоборот, «усиливающаяся мировая держава, осуществляющая ускоренную модернизацию, но преднамеренно принижающая свои амбиции». Поэтому, считают они, «при решении глобальных проблем к Китаю следует относиться не только как к экономическому, но и геополитическому партне-

ру, а улучшение американско-российских отношений отвечает интересам обеих сторон, но при этом нужно принимать геополитическую реальность, сложившуюся после окончания холодной войны, а не пытаться переделать ее»⁷.

Сегодня трудно оспаривать, что по совокупности критериев для определения лидерских позиций государства в масштабах геополитического региона, таких, как территория, население, ресурсы, потенциал, стабильность и авторитет, Китай является одним из главных претендентов на роль мирового центра. По некоторым расчетам, уже к середине 2020-х годов он должен сравняться с США по объему ВВП. Поэтому не следует закрывать глаза на то, что по своему весу и авторитету КНР уже и в ШОС является пусть неформальным, но фактическим лидером. Следовательно, учитывая китайскую позицию по поводу присоединения к альянсам, в том числе и военным, нет веских оснований рассчитывать на усиление милитаризации этого объединения, о котором так мечтают некоторые влиятельные лица из российского ВПК.

А вот диктовать свои «правила игры» остальным членам ШОС Китай наверняка продолжит. Поскольку в его стратегические планы совсем не входит намерение раздражать своего экономического партнера «номер один» Соединенные Штаты, он и в рамках ШОС будет придерживаться взвешенной линии, совмещая самоутверждение в качестве авангарда развивающегося мира и передового борца с однополярностью и гегемонизмом с тактикой сервильной оглядки на США. Тем более, что на региональном уровне КНР, как правило, не препятствует нахождению своих конкурентов в тех организациях и структурах, которые создаются по периметру ее границ.

Опираясь на утверждение, что в инициативе ШОС по поводу нецелесообразности нахождения войск США в Центральной Азии после окончания активной фазы афганской операции, изложенной в упоминавшейся выше Астанинской декларации, якобы отсутствует «китайский след», некоторые аналитики прогнозируют инициацию китайско-американского взаимодействия в регионе «на платформе ШОС» (особые отношения обеих стран с Пакистаном, инициатива США в период президент-

ства Дж. Буша об экономической интеграции Центральной и Южной Азии и т. п.).

Этой теме еще совсем недавно посвящалось достаточно много публикаций и выступлений представителей научных кругов КНР. Интересно, что многие из них допускают возможность вовлечения Вашингтона в деятельность ШОС, оставляя пока открытым вопрос о степени и масштабах такого процесса. Их предложения разнятся: от ограниченного сотрудничества в наиболее актуальных сферах (противодействие терроризму и наркотрафику) до фактического участия Америки в деятельности региональных многосторонних механизмов.

В основе такого взаимодействия, по мнению его сторонников, лежат совпадение долговременных интересов обеих сторон по борьбе с терроризмом и экстремизмом, планы долгосрочного присутствия США в Центральной Азии, а также институциональные особенности самой ШОС, выступающей скорее в роли координационного политического центра и не стремящейся к статусу военно-политического союза.

Пока все это — сугубо теоретические выкладки. Но даже на такой стадии России не следует игнорировать поступающие тревожные сигналы, которые спустя некоторое время могут обрести вполне ощутимую форму. Сегодня, однако, реальность заключается в том, что в силу экономической несостоятельности и политической «дистрофии» Россия и на глобальном уровне, и в рамках ШОС обречет себя на роль державы «второго плана», если не выработает в ближайшее время твердую и ясную стратегию поведения в регионе, в частности, внутри Организации.

Особенно это касается взаимоотношений с ее членами — бывшими советскими республиками, поскольку от того, на чьей стороне они окажутся, в конечном итоге будет зависеть дальнейшая судьба всей ШОС. В отношениях этих стран, как известно, все далеко не так безоблачно, как может показаться. Казахстан давно ведет самостоятельную «партию» в многосторонней «игре», лавируя между Россией и Китаем при оглядке на США. После некоторого «отчуждения» интерес к американцам с 2009 г. начал вновь проявлять Узбекистан, заключивший с ними соглашение по военной линии. И, наконец, серьезными

изменениями в отношениях внутри «треугольника» Кыргызстан—РФ—США может обернуться смещение К. Бакиева* с поста президента Кыргызской Республики.

Ключ к укреплению позиций России в ШОС — в расширении членского состава Организации за счет привлечения в нее стран, которые потенциально могут рассматриваться как наши союзники (Индии и с некоторыми оговорками — Монголии, а также Туркменистана в качестве наблюдателя, если он изъявит такое желание). В частности, принятие в ШОС Монголии могло бы дать в руки Организации «стратегический козырь», если наряду с расширением ее членского состава за счет этого государства, расположенного территориально между двумя основными членами ШОС, и одновременным укрупнением ее экономического и ресурсного потенциала удалось бы несколько ослабить ориентацию Монголии на Запад и ее зависимость от США, переключить ее внимание на углубление экономического и политического сотрудничества с сопредельными странами Центральной Азии.

В то же время России не следует открыто противостоять или препятствовать стремлению США к расширению связей с Шанхайской организацией сотрудничества. Несмотря на пока сохраняющийся негласный консенсус между КНР и РФ о проявлении сдержанности в этом вопросе, необходимо, работая на упреждение, иметь в запасе ряд предложений на случай активизации попыток США включиться в сотрудничество с ШОС. Предложенная в связи с этим самой Организацией программа такого вовлечения неизбежно обеспечит ей лидерство и инициативу в установлении и развитии контактов с американской стороной.

Взаимодействие возможно, прежде всего, по конкретным вопросам, представляющим для сторон обоюдный интерес: противодействие терроризму, наркотрафику, обстановка в Афганистане и т. п. Удачным «ходом» со стороны России было бы предложить США, принявшим недавно новую ядерную стратегию,

* В результате массовых выступлений оппозиции 16 апреля 2010 г. К. Бакиев подписал заявление о своей отставке. Президентом Кыргызстана переходного периода стала Роза Отунбаева.

наряду с участием в урегулировании иранской ядерной проблемы, выступить со-инициаторами привлечения ШОС к процессам упорядочения ядерных арсеналов в тех азиатских странах, которые, в отличие от РФ и США, продолжают их наращивать, для последующего сокращения этих арсеналов в рамках борьбы с угрозой ядерного терроризма. Впоследствии не исключается приглашение американской стороны к участию в совместных с ШОС форумах, возможно, даже в качестве наблюдателя или в статусе, аналогичном диалоговому формату РФ в НАТО.

Однако, предлагая Америке взаимодействие на платформе ШОС, не следует упускать из виду потенциально возможные негативные последствия налаживания таких контактов. Нельзя создавать ситуацию, при которой в руках Вашингтона могут оказаться рычаги, позволяющие ему влиять на Организацию изнутри, препятствуя ее структурному укреплению. Чтобы этого не случилось, ШОС необходимо продолжить консолидацию экономических, политических, военных и специальных структур в целях дальнейшего саморазвития. В широком аналоговом диапазоне «от НАТО до АСЕАН» ей еще предстоит более точно определить занимаемую нишу.

Примечания

¹ Подробнее см.: *Лукин А.* Шанхайская организация сотрудничества: что дальше? // *Россия в глобальной политике.* 2007. № 3 (май—июнь).

² <http://www.novopol.ru/-ssha-ne-rvutsya-v-shos-no-pyitayutsya-otorvat-srednyu-text42436.html>.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ <http://www.globalaffairs.ru/numbers/42/13266.html>.

⁷ Там же.

Ф. М. Хамраев*

ОСОБЕННОСТИ СТРАТЕГИИ КИТАЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ТРАНСФОРМАЦИЯ И ОБНОВЛЕНИЕ

В первое десятилетие XXI в. Центральная Азия стремительно вступила в процессы обретения особого геостратегического статуса, что в основном было обусловлено факторами геоэкономического характера, а именно — соперничеством основных мировых центров силы за ресурсы региона. Имеющие глобальное значение запасы углеводородного сырья, обширные международные планы по их освоению и транспортировке становятся в среднесрочной перспективе реальными предпосылками превращения Центрально-Азиатского региона (ЦАР) в один из «нервных узлов» мировой политики и экономики.

В настоящее время ситуацию в Центральной Азии можно охарактеризовать следующим образом:

- отсутствие позитивной динамики в военно-политической ситуации в Афганистане и увеличение масштабов наркоагрессии в страны Центральной Азии ведут к обострению других современных угроз и вызовов;
- присутствие вооруженных сил США существенно увеличивает влияние стран НАТО в регионе;
- развертывание на долгосрочной основе ВС США и НАТО у границ Китая вызывает крайнюю обеспокоенность офи-

* *Хамраев Фархад Муратбекович*, доцент Университета мировой экономики и дипломатии (Ташкент, Республика Узбекистан).

циального Пекина и вынуждает КНР предпринимать шаги по адекватному наращиванию боевого потенциала ее вооруженных сил. Это ведет к изменениям в общей расстановке сил в ЦАР и вокруг него, повышению уровня мобилизации региональных группировок, что, в свою очередь, вносит коррективы в военный баланс, создавая предпосылки возникновения новых очагов напряженности в регионе;

- усиление российских военных баз в Центральной Азии, способных при необходимости оперативно выполнять задачи военного характера в любой точке региона, а также роста влияния этих баз, особенно в Кыргызстане;
- сохранение непростой ситуации в отношениях между странами ЦАР, что активно используется внешними «игроками».

Следует отметить, что государства Центральной Азии воспринимают присутствие в регионе стран Запада не как военно-силовой фактор, способный стабилизировать или дестабилизировать ситуацию, а, скорее, как финансовый и — в немалой степени — политический ресурс. В настоящее время основная угроза стабильности центральноазиатских государств порождается внутрорегиональными противоречиями и в меньшей степени — внешними силами, хотя в последнее время, особенно российской стороной, активно муссируется вопрос об угрозе Центральной Азии со стороны северных провинций Афганистана.

В контексте вышесказанного становятся понятными причины заметного оживления политики основных мировых центров силы в отношении ЦАР, в первую очередь Китая, в принципе проявляющего особую внешнеполитическую и внешнеэкономическую активность в течение последних нескольких лет.

КНР стала выступать как самостоятельный «игрок» не только в региональных объединениях (прежде всего, в АТР), где ее роль и значение и так не подвергается сомнению, но и на глобальном уровне. Китай демонстрирует устойчивое и последовательное стремление играть более существенную роль на мировой арене, прямо пропорциональную его растущему военно-политическому и экономическому потенциалу.

После мирового финансового кризиса происходит трансформация внешнеполитической стратегии КНР, нацеленной на значительное расширение своего глобального присутствия при активном противодействии другим «традиционным странам влияния». Этот процесс протекает на фоне утверждения новой модели развития Китая, главный смысл которой состоит в том, чтобы активно и инициативно участвовать в процессах глобализации, сохраняя при этом собственную специфику и суверенитет¹.

Пекин проявляет все большую заинтересованность в реализации своих инициатив во всех регионах мира, что подчеркивается, в частности, экспертами по Африке и Латинской Америке. Китайский исследователь Чжан Вэйвэй в связи с этим остроумно отмечает, что к китайской модели можно предъявить немало претензий, но остальные модели — много хуже².

Влияние Китая заметно усиливается и в Центральной Азии.

В начале 1990-х годов Китай в своем курсе на сотрудничество с государствами ЦАР руководствовался следующими принципами международных отношений:

- равноправие и учет взаимных интересов;
- разнообразие форм сотрудничества;
- использование преимуществ местных особенностей, в первую очередь в области экономики;
- совершенствование транспортных коммуникаций;
- оказание по мере возможности экономической помощи;
- стремление активно развивать приграничное сотрудничество.

При этом ключевыми целями Пекина в отношении стран региона были:

- 1) обеспечение безопасности и стабильности на западе КНР;
- 2) использование возможностей государств ЦАР в интересах экономического развития западных провинций Китая и, таким образом, снижение угрозы сепаратизма в этих районах;
- 3) завоевание новых рынков сбыта и получение доступа к дешевому сырью и различным источникам энергии;

4) противодействие влиянию в регионе других мировых центров силы на экономическом, политическом и военном уровнях.

В настоящее время отчетливо проявляется стремление КНР занять лидирующие позиции в Центрально-Азиатском регионе. Пока США, обладающие уникальной мощностью, предпринимают масштабные, высокотратные шаги по укреплению позиций в странах ЦАР, а Россия, имеющая традиционные и достаточно тесные связи с центральноазиатскими государствами, лишь приступает к выработке долгосрочной региональной стратегии, Пекин практически уже начал реализацию агрессивного курса, направленного на энергичное политико-экономическое внедрение в страны Центральной Азии. Свидетельством этому может служить пуск в декабре 2009 г. газопровода «Туркменистан—Узбекистан—Казахстан—Китай». По сути, политическое и экономическое равнодушие России по отношению к странам ЦАР позволило КНР сделать важный и эффективный шаг в осуществлении своей новой стратегии, реализация которой в среднесрочной перспективе будет интенсифицироваться. Пекин действует для этого не только потенциал отношений двустороннего уровня, но и структуры и возможности ШОС.

Представляются крайне интересными утверждения ряда экспертов³ о том, что Китай рассматривает Центральную Азию в качестве своего «надежного тыла». (Следует отметить, что исторически регион такой роли не выполнял, и историческим «надежным тылом» для Поднебесной была, скорее, территория Синьцзяна в его нынешних очертаниях, нежели пространство современной Центральной Азии.) Следовательно, можно предположить, что Пекин будет стремиться «выдавить» из своего «тыла» другие центры силы, чтобы беспрепятственно осуществлять там собственные стратегические задачи.

В принципе, очевидно, что Китай станет наращивать влияние в ЦАР, максимально используя все свои возможности и огромный исторический опыт, применяя мудрую, апробированную, взвешенную политику в отношении стран-соседей. Насколько успешным окажутся его планы по ограничению влияния других «игроков» (прежде всего, России в рамках

ШОС) — покажет будущее, причем, не такое уж и далекое. Поднебесная надеется на достижение длительного и устойчивого стратегического превосходства в ЦАР, сохраняя при этом (и даже поощряя) напряженность между странами-объектами своего влияния и государствами-конкурентами. Уже сегодня разгорается тактическая игра «китайского дракона» на противоречиях между странами-членами ШОС, которая в дальнейшем будет обостряться.

Без внешней поддержки эффективно противостоять Китаю, набирающему силу в экономической и военно-политической областях, государствам Центральной Азии будет крайне сложно. Учитывая это, странам региона необходимо правильно выстраивать свою долгосрочную политику, особенно в экономической области и в сфере безопасности.

Внешнеполитическая стратегия Китая, глубокая трансформация которой наблюдается в настоящее время, в среднесрочной перспективе станет многоуровневой, разноплановой, и, что не исключено, достаточно жесткой.

В выступлении 1 октября 2009 г. в ходе торжеств по случаю 60-летия КНР председатель КНР Ху Цзиньтао отметил, что «народ Китая полон уверенности в том, что обладает способностью строить собственную страну, а также вносить весомый вклад в мировое развитие»⁴. Это замечание имеет исключительное значение для понимания тех задач, которые поставила перед собой Поднебесная на ближайшую перспективу. В свое время другой китайский лидер — Мао Цзэдун говорил, что Китай обязательно внесет большой вклад в развитие всего человечества. Судя по всему, для нынешнего поколения китайских руководителей это время настало: китайцы стали мыслить глобально, и руководители страны дают согражданам соответствующие установки.

Для успешной реализации своей политики на центральноазиатском направлении китайское руководство инициировало создание «Шанхайской пятерки», впоследствии преобразованной в ШОС, деятельность которой нацелена в первую очередь на сглаживание «фактора неопределенности» Центральной Азии и, естественно, на укрепление западных рубежей КНР.

Учитывая, что центральноазиатский «фактор неопределенности» проявляется в различных областях, ШОС трансформируется в многопрофильное межгосударственное объединение, хотя в ее деятельности вопросам безопасности по-прежнему принадлежит особое место.

Политика Поднебесной как в ШОС, так и в отношении целого спектра региональных вопросов является достаточно гибкой. Так, когда события, развернувшиеся в Центральной Азии после 11 сентября 2001 г., поставили под сомнение эффективность и даже саму необходимость существования ШОС, китайские аналитики оперативно занялись поиском новых идей и концепций дальнейшего развития Организации, ее сохранения и укрепления. Первоначальные цели и задачи ШОС ушли тогда для Пекина на второй план. Китай осознал, что его дальнейшее экономическое развитие зависит от успеха взаимодействия в первую очередь с Западом. Однако выступать с позиций его достойного и равного партнера по диалогу Пекину в тот момент было достаточно сложно. Китай стоял перед необходимостью сначала решить целый ряд промежуточных задач, в том числе привлечь на свою сторону большее число союзников, особенно из среды развивающихся стран и ближайших соседей. Для КНР стратегически важной целью стало формирование, совместно с Россией и развивающимися государствами, многополярного мирового порядка, исключая доминирование в международной жизни одной державы. Постепенно, не без помощи самих США, реализация этой установки перешла в практическую плоскость. Кроме того, китайские руководители не без основания убеждены, что укрепление сотрудничества в сфере безопасности в рамках ШОС лишает военное присутствие США и западных стран в Центральной Азии его востребованности. Решение саммита ШОС в Астане в 2005 г. стало знаковым моментом в продвижении Организации в стратегически важном и желаемом для Китая направлении. В итоговой Декларации глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества прямо подчеркивается: «Ряд стран ШОС предоставил свою наземную инфраструктуру для временного размещения военных контингентов государств-участников коалиции, а также свою террито-

рию и воздушное пространство для военного транзита в интересах антитеррористической коалиции. Учитывая завершение активной военной фазы антитеррористической операции в Афганистане, государства-члены ШОС считают необходимым, чтобы соответствующие участники антитеррористической коалиции определились с конечными сроками временного использования упомянутых объектов инфраструктуры и пребывания военных контингентов на территории стран — членов ШОС»⁵.

Это обстоятельство создало необходимую предпосылку для выработки «новой модели безопасности» в рамках ШОС, активно продвигаемой китайской стороной.

Еще одним существенным компонентом новой стратегии Пекина стало задействование механизма «инвестиций» мировоззренческого характера, а именно — массивная пропаганда Китаем его хозяйственных успехов и социально-экономической модели развития. Сложно сказать, насколько приживется китайский опыт в странах Центральной Азии, населенных преимущественно мусульманскими народами, но данный аспект внешнеполитической активности КНР необходимо правильно учитывать и оценивать. Он имеет две стороны, как и любой другой диалектический процесс.

Безусловно, нынешний Китай стал более открытым и предсказуемым, хотя само по себе это мало о чем говорит. По справедливому замечанию российского исследователя А.В. Виноградова, — «для того, чтобы определить траекторию и параметры предполагаемого развития, в первую очередь следует обратиться к мировой истории, вычислить фазу цикла, в которой она находится, и попытаться на этом основании определить вектор исторического движения Китая»⁶.

В заключение следует отметить, что китайская политика «безопасного соседства» по отношению к Центральной Азии переходит в активную фазу. Геополитическое присутствие КНР в ЦАР, бывшее сначала гипотетическим и мало осязаемым, ныне обретает вполне конкретные очертания, ибо базируется на четко сформулированном своде целей и задач. Поэтому можно говорить о том, что в ближайшей перспективе Пекин будет стремиться занять стратегически более выгодное и, возможно,

доминирующее положение в Центральной Азии, постепенно «выдавливая» из этого региона Россию, США и других международных «игроков». Не исключено, что при удобном случае Китай прибегнет к «игре мускулами», дабы наглядно продемонстрировать свое количественное и качественное превосходство в регионе. К этому стремятся, как свидетельствует исторический опыт некоторых западных стран, китайские националисты, призывающие вести торговлю «с мечом в руках». Официальная теория «мягкой силы» и рассуждения о «мирном возвышении», «возрождении китайской нации», по мнению китайских националистических сил, «не могут служить эффективным планом действия»⁷.

В будущем Китай, безусловно, станет одной из великих держав мира. Следовательно, он, имея право на собственное видение мироустройства, будет стремиться к установлению своих правил «игры» на международной арене в пределах доступных ему возможностей, которые в последнее время становятся все более ощутимыми.

Примечания

¹ Бергер Я. Китайская модель развития // Мировая экономика и международные отношения. 2009. № 9. С. 73—81.

² Приводится по: Бергер Я. Указ. соч. С. 77.

³ См., например: Михеев В.В. Китай—Япония: стратегическое соперничество и партнерство в глобализирующемся мире. М., 2009. С. 196.

⁴ <http://russian.cri.cn/741/2009/10/02/1s309048.htm>.

⁵ Декларация глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества (г. Астана, 5 июля 2005 г.) // Сайт ШОС. URL: <http://www.sectsc.org/RU/show.asp?id=98>.

⁶ Виноградов А.В. Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности. М., 2008. С. 331—332.

⁷ Борох О., Ломанов А. Возвращение Небесного повеления // PRO et Contra. 2009. Май—август. С. 83.

Р. К. Алимов*

ТАДЖИКСКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННОСТЬ, ПЕРСПЕКТИВЫ

I

Ищу древний путь, раздвигая облака
Ли Бо

Взаимоотношения народов, как и взаимоотношения отдельных людей, — это суть живые отношения, обладающие всей палитрой красок. Как свидетельствует история, небо, под которым живут народы-соседи, далеко не всегда бывает безоблачным. Однако через какие установочные «шоры» ни смотрел бы на историю таджикско-китайских отношений любой, даже самый пристрастный историк, он, к счастью, не найдет в ней явных темных сторон. И одна из причин этого, по нашему мнению, кроется в *духовном родстве цивилизаций*. За три тысячелетия именно это родство стало основой «переключки» народов-соседей, которая неутихающим эхом отозвалась по всему протяжению Великого шелкового пути, соединившего Восток и Запад.

* Алимов Рашид Кутбудинович, к. социол. н., Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Таджикистан в КНР.

В наши дни, вслед за обретением независимости Республикой Таджикистан (РТ), *эхо времен и эпох звучит с новой силой.*

За последнюю четверть века в связи с ростом исследовательского интереса к проблемам межкультурных контактов вновь привлекла к себе внимание история Великого шелкового пути, который соединял Китай со Средиземноморьем и Западной Европой еще со II в. до н. э. При этом особое внимание исследователей сосредоточено на *мусульманском этапе* межкультурного диалога. Важно подчеркнуть, что этот культурный контакт межрегионального масштаба был порожден глубоким *взаимным интересом*. Символичен уже такой, казалось бы, частный факт: в арабском оригинале одной из самых популярных и знаменитых на весь мир серии сказок «Тысяча и одна ночь»¹ есть такие слова: «Аладдин был маленьким китайским мальчиком».

Кроме того, известно сказание о том, что уже в самом начале становления ислама как мировой религии китайцы пригласили его Пророка посетить Поднебесную и что проповедать там ислам Пророк Мухаммад послал своего дядю, который остался в Китае до конца жизни и был похоронен в городской мечети г. Гуанчжоу пров. Гуандун. Возможно, что это легенда: китайские исторические источники свидетельствуют, что там похоронен другой мусульманский проповедник — Абу Ваккос, тоже один из сподвижников Пророка. Но это уже не столь существенно. Важно то, что в Поднебесной хотели узнать о новой религии из первых рук.

Среди проповедников ислама в Китае не последнюю роль играли таджики — представители одной из древнейших земледельческих культур. Почему именно они выступили в роли посланцев чужой религии? Чтобы ответить на этот небезынтесный культурологический вопрос, необходимо начать с духовной характеристики исторической родины таджиков — Центральной Азии², которой впоследствии было суждено превращаться то в открытое поле сражений, то в оживленный пе-

рекресток мировых торговых путей, то в место переплетения разнородных цивилизационных потоков³.

Срединная часть Евразии всегда находилась на перекрестке Востока и Запада не только в географическом, но и в культурно-историческом смысле. Родина ираноязычных народов истари была открыта всем информационным ветрам истории: духовная почва этого древнего края с незапамятных времен являлась местом встречи и духовного взаимообогащения разных народов, стран и континентов. Несмотря на то, что шум и рев военных походов и битв, дворцовых переворотов и народных мятежей зачастую заглушали негромкий голос *диалога цивилизаций*, под густыми облаками дыма и пыли, поднятыми с полей кровопролитных сражений, *международный культурный обмен* никогда не замедлял свой шаг. Через места обитания таджиков и их предков — Самарканд и Бухару, Балх и Хирот, Бадахшан и Мерв — шли торговые караваны, нагруженные не только шелком и драгоценными камнями, шерстью и кожами, фарфоровой посудой и пушными изделиями мастеров разноязычных племен, но и рукописными книгами, многие из которых затем переводились на другие языки далеко за пределами родины их авторов. Истории известны даже случаи обмена военнопленных на книги!

Необходимо подчеркнуть, что таджикско-китайское историческое общение охватывало все основные сферы духовной и интеллектуальной деятельности — религию, науку и искусство.

Если взглянуть на исторические реалии под этим широким углом зрения, то легко сделать следующие культурно-значимые выводы. Во-первых, не менее продуктивным, а значит, и не менее важным в диалоге цивилизаций был и домусульманский период. Во-вторых, предки современных таджиков распространяли среди близких и дальних соседей, причем обитающих как в долинах и оазисах, так в степи и в горах, не только свой собственный духовный опыт (зороастризм и манихейство), но и христианство, а также буддизм⁴. Этим занимались вовсе не заезжие миссионеры. Начиная еще со времен греко-македонских завое-

ваний участилась эмиграция согдийцев не только в западную часть современного Китая, но и в глубь этой страны. Позднее же — на всем протяжении III—VII вв. н. э. — многочисленные согдийские колонии контролировали весь азиатский участок Великого шелкового пути, доказательством чего явилось превращение согдийского языка в универсальное лингвистическое средство международного общения.

Более того, по свидетельству историков, деятели согдийского происхождения получили в Китае высокое военное, политическое и культурологическое признание⁵. Оказывается, выдающийся буддийский мыслитель Фацзан был согдийцем. Иные предки современных таджиков стали убежденными конфуцианцами. Так, известный медик таджикского происхождения Дин Хонянь, достигший высот конфуцианской учености, вместе со своим соплеменником Ифтихор-ад-Дином составил компендиум «*Мусульманские лекарства*» сразу на двух языках: на родном фарси-таджикском и на китайском.

Существует точка зрения, что предками китайских мусульман национальности хуэй были «Даши» — персы-мусульмане, приехавшие в Китай из Центральной и Западной Азии. По утверждению профессора Центрального университета национальностей КНР Ху Чженьхуа, слово «даши» по своему древнему произношению читается как «da-djek» и созвучно произношению слова «tad-jik» на китайском языке. Далее, несмотря на то, что родным языком мусульман национальности хуэй является китайский язык, в их обычной речи до сих пор используется немало слов из персидского (таджикского) языка. Например, они называют «мясо» словом «gosht»; «друг» звучит как «dost»; «враг» — «dushman»; слово «нет» звучит как «nes(t)» и т. д.⁶

Современные китайские историки и культуроведы хорошо понимают необходимость систематического исследования истории таджикско-китайского духовно-культурного взаимодействия. Так, упомянутый выше профессор Ху Чженьхуа, выступая на конференции, посвященной юбилею основоположника персо-таджикской поэзии Абуабдулло Рудаки, очертил целую

программу исследований соответствующей тематики⁷. Он привел также малоизвестные исторические факты, проливающие яркий свет на глубинные пласты взаимоотношений китайского и таджикского народов.

Согласно утверждениям профессора Ху Чженьхуа, «немало китайцев национальности хуэй принадлежали к группе персидских народов. Некоторые из них являлись таджиками, выходцами из Центральной Азии. Предки хуэй, населяющие Юньнань и Нинся во времена Юаньской и Минской династий были родом из Бухары и Самарканда. В словаре языка хуэй, изданном также в период правления этой династии, встречается много выражений из персидско-таджикского языка. Сборник медицинских рецептов хуэй, изданный в период правления Минской династии, был составлен на основе перевода, осуществленного персидско-таджикским ученым. Персо-таджики оказали глубокое влияние на распространение ислама в Китае. Используемые китайскими мусульманами Хадисы были систематизированы выходцем из Бухары по имени Имам Аль-Бухори. Книга стихотворений персидско-таджикского поэта Саади по сей день изучается в религиозных учебных заведениях Китая. Многие аспекты исторических связей Китая с таджикским народом, заслуживают серьезного исследования»⁸.

Очевидно, что обратное влияние китайской духовности на средневековую ирано-таджикскую культуру еще ждет своего исследователя. Было бы, например, интересно проследить конструктивную роль китайских мотивов и метафор в классической культуре таджиков, особенно литературе и искусстве (в искусстве миниатюр, например). В систематическом научно-историческом анализе нуждается также таджикско-тюрко-китайский культурный синтез, имевший место в раннее и позднее Средневековье.

Сосед для таджика — не просто бытовое или географическое понятие. Для него это, прежде всего, *моральная категория*. Таджикская этическая традиция предпочитала близкого соседа далекому родственнику. Очевидно, что таджиков и китайцев в

давние времена связывал не только Великий шелковый путь. Не исключено, что известный китайский дипломат и путешественник Чжан Цян, которого считают первооткрывателем Великого шелкового пути, увидел возможности не только для торговли, но и для культурного взаимообогащения народов, населявших Среднюю Азию в то время (II—I вв. до н. э.).

Деловые документы на согдийском языке, относящиеся к III—IV вв. н. э., являются документальным свидетельством оживленных торговых и культурных связей между древним Согдом — прародиной современных таджиков и Западным Китаем. Известно, что основатель империи Саманидов не раз направлял в Китай послов для установления и развития политических, торгово-экономических и культурных связей. Мы убеждены, что эта интересная с научной точки зрения тема нуждается в глубоком анализе. *Изучение прошлого важно для будущего.*

Особенно важно познание сокровищницы совместной истории в наше время, когда две страны, на века соединенные высокими синими небесами и быстрыми реками, выстраивают добрососедские отношения, устремленные в XXI век.

II

Справедливейшая надпись есть в Китае на горах:
«Кто себе друзей не ищет, самому себе он враг».

Шота Руставели

Отношения между Таджикистаном и Китаем являют собой достойный пример успешного сотрудничества и партнерства. За 18 лет, прошедшие после взаимного дипломатического признания⁹, они развивались только по нарастающей. *Древо вечной дружбы* между двумя странами и народами было посажено в марте 1993 г. во время первого официального визита главы государства, Председателя Верховного Совета Республики Таджикистан Эмомали Рахмона в Китайскую Народную Республику¹⁰.

Сегодня отношения характеризуются высоким уровнем политических, экономических и гуманитарных связей. Ключевую роль в них играют регулярные встречи лидеров двух стран, определяющие стратегию общего развития. Благодаря усилиям обоих государств за эти годы окончательно и успешно решен унаследованный от прошлого пограничный вопрос, установлен беспрецедентный уровень доверия друг к другу, все многообразие культур пользуется глубоким уважением, обе страны стремятся к *совместному* развитию.

Усилиями РТ и Китая создана широкая и эффективная договорно-правовая база двусторонних отношений, отвечающая интересам обоих народов. Она включает в себя около 150 межгосударственных, межправительственных и межведомственных документов. Главные направления долгосрочного стратегического взаимодействия двух стран закреплены в Договоре о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Республикой Таджикистан и Китайской Народной Республикой от 15 января 2007 г.¹¹

Договор обогатил юридический фундамент отношений двух стран принципами уважения выбора и взаимного благоприствования развитию друг друга, взаимодополняемости и взаимной помощи. *Принцип соразвития*, являющийся несущим столпом Договора, открыл новые перспективы для двустороннего взаимодействия во всех сферах, особенно в сфере торгово-экономического сотрудничества, в которой отношения с Китаем имеют для Таджикистана приоритетное значение.

III

Торговля не разорила еще ни одного народа.

Бенджамин Франклин

Динамика взаимного товарооборота за 18 лет со дня установления дипломатических отношений между двумя соседними странами выглядит впечатляюще (табл. 1). Если в стартовом 1993 г. объем торговли между КНР и Таджикистаном составлял

Таблица 1. Внешнеторговый оборот между РТ и КНР, долл.

Год	Оборот	Экспорт РТ в КНР	Импорт РТ из КНР	Сальдо
1993	8 987 557	2 661 872	6325,685	-3 663 813
1994	2 976 992	2 339 146	637 846	1 701 300
1995	18 233 746	9 118 196	9 115 550	2646
1996	11 252 045	3 806 140	7 445 905	-3 639 765
1997	19 440 005	8 609 919	10 830 086	-2 220 167
1998	17 953 254	8 139 118	9 814 136	-1 675 018
1999	7 926 952	5 637 409	2 289 543	3 347 866
2000	14 130 238	10 306 097	3 824 141	6 481 956
2001	9 773 333	5 347 083	4 426 250	920 833
2002	12 335 755	5 885 712	6 450 043	-564 331
2003	38 815 590	18 007 538	20 808 052	-2 800 514
2004	68 927 027	15 366 330	53 560 697	-38 194 367
2005	157 935 339	14 197 225	143 738 114	-129 540 889
2006	323 779 970	18 002 123	305 777 847	-287 775 724
2007	524 050 539	10 284 973	513 765 566	-503 480 593
2008	1 499 926 289	20 243 530	1 479 682 759	-1 459 439 229
2009 (Январь—Июнь)	473 981 346	118 737 812	355 243 534	-236 505 722

Источник: Данные Китайской государственной таможни.

8,9 млн долл. и к 2003 г. едва достиг 38,8 млн долл., то последующие годы были отмечены его ускоренным ростом: в 2004 г. он увеличился до 68,8, в 2005 г. — до 157,8, в 2006 г. до 323,7, в 2007 г. — до 524 млн долл. Итоги 2008 г. превзошли все ожида-

ния: внешнеторговый оборот между Таджикистаном и Китаем впервые преодолел миллиардную планку и достиг 1 млрд 679,8 млн долл. Более того, несмотря на глобальный экономический кризис, взаимная торговля за 10 месяцев 2009 г. выросла по сравнению с аналогичным периодом 2008 г. на 7,4 %, составив 1 млрд 050 млн долл.¹² Если в 1993—2003 гг. товарооборот между двумя странами (суммарно за период) составил 161,8 млн долл., то с 2004 г. по октябрь 2009 г. его объем увеличился почти в 19 раз — до 3,1 млрд долл. Таким образом, за 16 статистических лет торговля между Таджикистаном и Китаем увеличилась более чем в 116 раз!

В схематическом виде динамика таджикско-китайского товарооборота представлена на рис. 1 и 2.

Несмотря на то, что товарная структура двусторонней торговли пестра и несбалансированна, в целом она отражает возможности экономик двух стран. В китайском экспорте в Таджикистан доминируют оборудование и машинно-техническая продукция, строительная техника, продовольствие и сельскохозяйственное сырье. КНР поставляет также продукцию электронной промышленности, товары широкого спроса — текстиль, одежду, обувь. В импорте Китая из РТ (рис. 3) преобладают неочищенный хлопок, хлопчатобумажное волокно, некатаный алюминий, ткани из шелка и шелковый сырец, хотя появляются и другие наименования, например, концентраты редкоземельных металлов, которыми богаты недра Таджикистана.

Незначительность объемов двусторонней торговли в первые 10 лет после обретения Таджикистаном независимости имеет свои причины, главной из которых является внутренняя нестабильность страны из-за разразившейся гражданской войны. Китай, как великий сосед и постоянный член Совета Безопасности ООН, заинтересованный в скорейшем установлении мира и стабильности в соседнем Таджикистане, внес свой важный позитивный вклад в межтаджикское урегулирование¹³.

Как известно, при поддержке международного сообщества совместные усилия таджикского правительства и оппозиции привели к тому, что 27 июня 1997 г. в Москве было подписано Общее соглашение о мире и национальном согласии. В течение

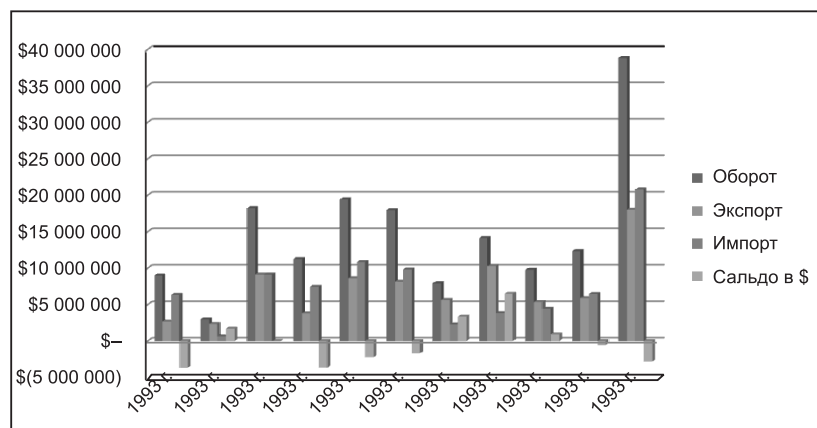

Рис. 1. Объемы торговли товарами Таджикистана с КНР в 1993—2003 гг.
Источник: Данные Китайской государственной таможни.

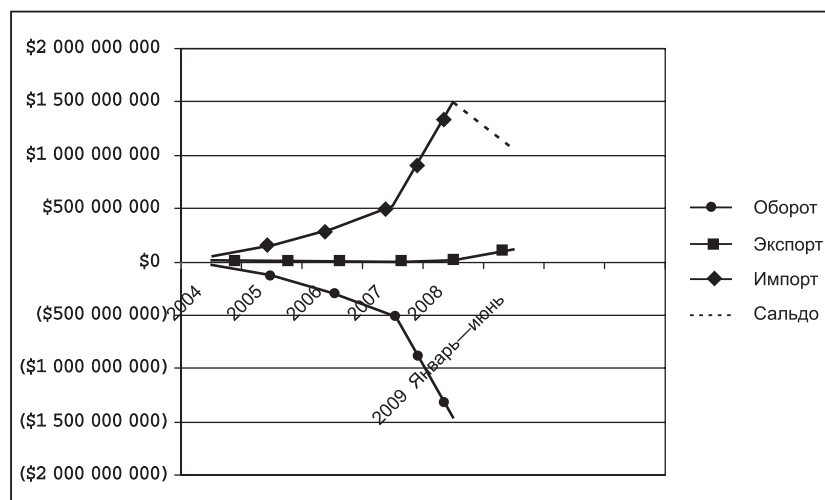

Рис. 2. Торговля Таджикистана с КНР (2004—2009 гг.).
Источник: Данные Китайской государственной таможни.

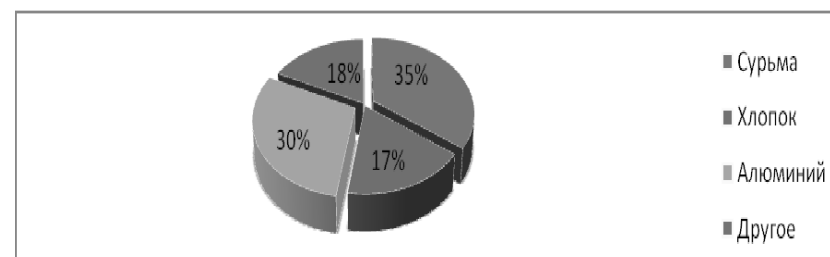

Рис. 3. Основной экспорт товаров из РТ в КНР в 2004—2009 гг.
Источник: Данные Китайской государственной таможни.

последующих трех лет достигнутые договоренности были реализованы. Под многолетним братоубийственным конфликтом была подведена окончательная черта. 12 мая 2000 г. Совет Безопасности ООН завершил рассмотрение вопроса «Положение в Таджикистане и на таджикско-афганской границе», тем самым дав сигнал международному сообществу, государствам-донорам и потенциальным инвесторам, что Республика Таджикистан более не является «горячей точкой» на планете, ибо здесь установились прочный мир и стабильность.

Стоит также упомянуть о том, что в течение 8 лет после провозглашения независимости РТ между Таджикистаном и КНР в разных форматах шли переговоры по пограничному вопросу, который был снят с повестки дня 8 января 2001 г. подписанием в Пекине Протокола между Правительством Республики Таджикистан и Правительством Китайской Народной Республики об окончательном разрешении пограничных вопросов между двумя государствами. Неурегулированность вопроса о границе в определенной степени тоже служила сдерживающим фактором для налаживания полноценного и широкоформатного торгово-экономического сотрудничества.

Начиная с 2005 г. Китай входит в лидирующую тройку внешнеэкономических партнеров РТ, а по объемам капиталовложений в таджикскую экономику он является крупнейшим инвестором. Значительное качественное и количественное расширение двустороннего торгово-экономического сотрудничест-

ва связывается с подписанием в январе 2007 г. Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Таджикистаном и Китаем и началом реализации в РТ крупномасштабных инфраструктурных проектов при поддержке правительства КНР. Статистические данные подтверждают такой вывод.

В последние годы руководители двух стран придают особое значение инвестиционному сотрудничеству, что является предметом обсуждения на заседаниях межправительственной таджикско-китайской комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству.

В целях активизации и расширения масштабов китайских инвестиций в Таджикистане на правительственном уровне был принят ряд важных постановлений, заложивших правовую основу инвестиционного сотрудничества. В августе 2008 г. во время государственного визита Председателя КНР Ху Цзиньтао в РТ были подписаны Программа сотрудничества между Республикой Таджикистан и Китайской Народной Республикой на 2008—2013 гг., Соглашение между Правительством Республики Таджикистан и Правительством Китайской Народной Республики об избежании двойного налогообложения и предотвращении уклонения от уплаты налогов на доходы и капиталы, и межправительственное Рамочное соглашение о расширении и углублении торгово-экономического сотрудничества.

Это — наглядное свидетельство глубокой заинтересованности таджикской стороны в том, чтобы присутствие Китая в экономике Таджикистана из года в год росло, и прежде всего — в области совместного освоения гидроэнергоресурсов страны, месторождений редких и благородных металлов, в проведении на территории РТ геолого-минералогической разведки, в строительстве совместных текстильных и других промышленных предприятий, в деле качественного улучшения существующей и создания новой инфраструктуры. Весьма актуальной остается также тема оптимизации межбанковского сотрудничества. Если на уровне государственных решений здесь отмечается ощутимый прогресс, то на практике успехов пока меньше: китайские коммерческие банки не спешат идти в Таджикистан, сильно преувеличивая страновые риски. Создание совместного Инве-

стиционного фонда, договоренность об учреждении которого была достигнута по итогам встречи глав двух государств в Екатеринбурге, должно в определенной степени явиться дополнительным стимулом к сотрудничеству в инвестиционной сфере.

Совместное китайско-таджикское предпринимательство, зародившись в конце 1990-х годов, во второй половине первого десятилетия XXI в. получило мощный импульс и, по сути, стало эффективным двигателем двусторонних торгово-экономических связей. При этом, по сравнению с началом 1990-х годов, произошло качественное совершенствование форм и областей сотрудничества. На таджикский рынок вышел не только мелкий и средний китайский бизнес, но и крупные компании, такие, как ZTE, Huawei, TBEA, China Road&Bridge Corp., ZiJin Group, China's XY Group, Higer Bus Co. Ltd. и др. Создаются совместные предприятия (СП).

Начиная с 2006 г. китайские корпорации стремятся получить широкий доступ в те отрасли, в которых более всего заинтересована таджикская сторона: горнорудная и текстильная промышленность, телекоммуникации и строительство. Проматривается обоюдное желание сторон, чтобы сотрудничество охватывало все стадии «жизненного цикла продукции». Динамично осваивается и непроизводственный сектор.

Заявление председателя Ху Цзиньтао на июньской (2009 г.) встрече в Екатеринбурге с президентом Э. Рахмоном о том, что *«воспользовавшись своими преимуществами, стороны должны расширить сотрудничество в области сельскохозяйственного производства, переработки сельхозпродукции и мелиорации почв»*¹⁴, свидетельствует о появлении нового перспективного вектора двустороннего взаимодействия. В свою очередь, таджикская сторона приглашает китайские компании осваивать мощный гидроэнергетический потенциал РТ. Очевидно, что совместное предпринимательство с Китаем способствует получению Таджикистаном современных технологий и производственного опыта, создает новую качественную основу для подготовки кадров, стимулирует развитие торговых связей.

2009 год стал одним из самых «урожайных» в современной истории таджикско-китайских отношений, ибо он был ознаме-

нован запуском целого ряда крупных совместных проектов, имеющих большое значение для устойчивого экономического развития РТ. Среди них особо выделяются объекты общенационального масштаба, в церемониях открытия которых принял участие Президент Республики Таджикистан Э. Рахмон. В частности, это автотранспортный туннель «Озоди» («Свобода») на трассе Душанбе — граница с Китаем¹⁵; линия электропередач «Юг—Север», объединившая энергетическую сеть страны в целостную систему; реконструированная международная автотрасса Душанбе—Чанак¹⁶. Введены в эксплуатацию мосты стратегического назначения, а также целый ряд СП, в том числе в горнодобывающей отрасли¹⁷. Дан старт реконструкции автомобильной дороги Душанбе—Дангара — первого этапа международной автомобильной дороги к границе с Китаем.

Продолжилась традиция проведения торговых выставок и экономических форумов. Как известно, первый инвестиционный Форум, на открытии которого выступил Президент РТ Э. Рахмон, состоялся в январе 2007 г. в Пекине. Второй торгово-инвестиционный Форум собрал в Душанбе в середине ноября 2009 г. руководителей и представителей почти 100 китайских компаний. Приобрели ежегодный характер выездные выставки товаров Кашгарского округа Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР (СУАР) в городах и районах Таджикистана. Очевидно, что таджикский рынок с его благоприятным инвестиционным климатом становится все более привлекательным для китайских фирм.

Эти и другие примеры наглядно свидетельствуют об успехах двух стран не только в торгово-экономической сфере. Они, прежде всего, говорят о высоком уровне взаимодоверия и взаимной поддержки, а также об обоюдном желании использовать преимущества взаимодополняемости экономик двух стран во имя укрепления добрососедства, дружбы и сотрудничества.

В Таджикистане высоко ценят намерения Китая широко использовать эти преимущества экономической взаимодополняемости для расширения сфер кооперации, прежде всего в области гидроэнергетики и сельского хозяйства, освоения полезных ископаемых и инфраструктурного строительства, а также создания

благоприятных условий для привлечения инвестиций и всестороннего продвижения двустороннего прагматичного взаимодействия.

В этом контексте важным стал первый официальный визит в Таджикистан делегации Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР во главе с Ван Лецюанем — членом Политбюро ЦК КПК, секретарем парткома СУАР. В ходе визита был подписан ряд двусторонних документов, в рамках межправительственной таджикско-китайской комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству создана подкомиссия «Таджикистан—СУАР», определена программа действий¹⁸.

СУАР является «западными воротами» Китая, а контрольно-пропускной пункт «Кульма—Карасу» на таджикско-китайской границе в последние два года стал ключевым звеном в двусторонней торговле: на него приходится свыше 60 % двустороннего товарооборота. Развитие прямых связей между Республикой Таджикистан и СУАР КНР отвечает интересам обеих сторон. Оно будет содействовать расширению сотрудничества между экономическими субъектами двух стран в сферах транспорта, коммуникаций, добычи и переработки минеральных ресурсов, сельского хозяйства, гидроэнергетики, строительства объектов инфраструктуры и других областях. Подтверждена взаимная заинтересованность в совместной разработке проекта специальной торгово-транспортной зоны в Мургабском районе РТ, граничащем с Китаем. Большие возможности открываются для взаимодействия в культурно-гуманитарной сфере.

IV

Если путь твой к познанию мира ведет,
Как бы ни был он долог и труден — вперед!
Фирдоуси

Бурное развитие таджикско-китайского сотрудничества, в особенности в сфере экономики и торговли, впечатляющие результаты, которых КНР добилась за годы реформ, стали ориен-

тиром для нового поколения студенческой молодежи Таджикистана, часть которой связывает свое будущее с делом укрепления многовекторных связей с нашим великим соседом. Для нее знание китайского языка, китайской культуры, изучение феномена «китайского экономического чуда» стали жизненной необходимостью. Как следствие — растет число таджикских студентов, желающих получить диплом китайских вузов. Если в 1993 г. Государственный комитет по стипендиям Китая предоставил 5 мест для таджикских студентов, то в 2009/2010 учебном году в 23 высших учебных заведениях КНР получало образование уже около 200 молодых людей из РТ, причем почти половина из них учится в 14 университетах Пекина. Показательно, что только треть студентов прибыла в Китай в соответствии с межведомственным соглашением о сотрудничестве в области образования, остальные — по стипендиям различных образовательных фондов и университетов или же самостоятельно¹⁹.

Таджикское студенчество становится все более заметным явлением в Китае, выступает важным звеном в укреплении традиционных уз дружбы и сотрудничества между двумя странами, является проводником таджикской культуры и искусства в стране пребывания. Запоминающимся событием 2009 г. стал первый в истории слет студенческой молодежи Таджикистана, обучающейся в Китае²⁰, который отныне будет созываться ежегодно в декабре месяце. В 2009 г. была заложена еще одна молодежная культурная традиция — «Абрикосовые чтения»²¹. Центр проведения этого праздника — абрикосовый сад таджикско-китайской дружбы, заложенный 20 марта 2006 г. на территории Пекинского аграрного университета. Абрикосовый сад стал одним из символов вечной и нерушимой дружбы таджикского и китайского народов.

Таджикистан и Китай обладают богатейшим культурным наследием. Во времена Великого шелкового пути культура играла важную связующую роль в процессе познания двух соседних народов, в диалоге цивилизаций. Их многовековая «культурная перекличка» донесла до нас множество бесценных литературных и исторических памятников, которые составляют общее достояние и служат благодатной платформой для разви-

тия таджикско-китайских культурных связей в современных условиях.

Возрожденное на стыке двух тысячелетий *знакомство культур* происходит ныне в разных формах, в том числе через проведение дней и недель культуры, которые, к сожалению, пока имеют эпизодический характер. Большой вклад в укрепление и развитие таджикско-китайского сотрудничества вносят СМИ. Но при отсутствии в Душанбе и Пекине постоянно действующих корреспондентских пунктов, распространяемая информация имеет нерегулярный, отрывочный, а значит, «лоскутный» характер и не формирует целостного взаимовосприятия государств и народов. Такое положение не отвечает интересам сторон.

Следует признать, что таджикско-китайские связи в области культуры и науки значительно отстают от сотрудничества в сфере экономики и торговли, так же, как затерявшийся высоко в горах неторопливый ручеек не поспевает за рвущимся вдаль бурным потоком весеннего половодья. Такое положение, особо рельефное на фоне роста совокупной государственной мощи Китая, порождает в таджикском обществе разговоры о некоей «китайской угрозе».

В связи с этим возведение на новую высоту роли культурно-гуманитарных связей — моста между двумя соседними народами, способствующего углублению взаимопонимания и традиционной дружбы, — отвечает интересам обеих стран. Особенно это касается таджикской молодежи, у которой возможность познакомиться с современным Китаем, его древней и самобытной культурой весьма ограничена. Не менее важным является поощрение китайской молодежи к тому, чтобы она стремилась больше знать о людях, живущих по ту сторону западной границы, о том, что они думают и к чему стремятся.

Задействование фактора культурной общности, расширение знаний друг о друге способствуют упрочению двусторонних отношений. Свой вклад в это важное дело вносит народная дипломатия, включая ее туристический вектор. Начиная с 2000 г. 7 таджикских туркомпаний организовали поездки в Китай для 60 591 туриста. С 2005 г. между Душанбе и Урумчи налажено регулярное авиасообщение. В марте 2007 г. был от-

крыт новый авиамаршрут, соединивший Урумчи с Худжантом. С тех пор число авиапассажиров в обе стороны динамично растет. Если в первый год услугами авиакомпаний TajikAir и China Southern Airlines воспользовались 15 842 человека, в 2006 г. 21 558, в 2007 г. 30 359, то в 2008 г. — уже 57 938, а в 2009 г. — 59 395 человек²². Таким образом, за этот период количество таджикских и китайских авиапассажиров увеличилось почти в 4 раза.

В то же время следует отметить, что Таджикистан пока не стал объектом туристического интереса для китайских граждан. «В Китае свой безграничный туристический рынок», — объясняют туроператоры. Несмотря на это, в последнее время китайцы начали проявлять интерес к горному и экотуризму, альпинизму и целебным источникам нашего горного края. Это наглядно показывают и данные консульской службы посольства. С момента, когда весной 1997 г. в Пекине открыло свои двери Посольство Республики Таджикистан, в КНР было выдано в общей сложности 21 895 таджикских виз, причем 20 465 (включая 410 туристических виз), или 93,47 % из них, — начиная с 2006 г.²³.

V

Таджикистан и Китай прилагают немалые усилия для формирования и развития многоплановых отношений дружбы и взаимовыгодного партнерства, которые, несомненно, имеют громадный потенциал и очень хорошие перспективы. Прежде всего — в области торгово-экономического сотрудничества, поскольку, как свидетельствует мировой опыт, именно эта сфера служит объективной долговременной основой прочного и позитивного международного взаимодействия.

Вместе с тем Таджикистан и Китай сегодня — это не только близкие соседи, но и партнеры, вместе участвующие в обеспечении общей и региональной безопасности, совместными усилиями противодействующие «трем злам» — международному терроризму, сепаратизму и экстремизму, а также незаконному оборо-

ту наркотиков. У Таджикистана и Китая общий взгляд на современный мир и его многополярное будущее, единый концептуальный подход к широкому кругу международных проблем, в том числе в контексте повестки дня ООН и Шанхайской организации сотрудничества. В рамках ШОС — в особенности.

Так, используя существующие природные и людские ресурсы, транспортную инфраструктуру, другие возможности, Республика Таджикистан через механизмы ШОС и при поддержке правительства КНР уже осуществила или предлагает к реализации ряд масштабных проектов, которые дадут ощутимые выгоды для всех стран-участниц. Примером этому может служить автомобильная дорога международного класса Душанбе—Чанак (граница с Узбекистаном).

Уникальный людской, экономический и ресурсный потенциалы наряду с поистине гигантской территорией, которой обладают 6 государств-членов ШОС, делают возможной реализацию самых смелых транспортно-транзитных проектов, способных в перспективе обеспечить процветание и благополучие наших народов. Таджикистан, находящийся в самом центре евразийского транспортного пространства, может сыграть особую роль — роль проводника и важного международного транзитера, свойственную еще предкам таджиков во времена Великого шелкового пути. И это, но уже на качественно новом уровне, позволит успешно сочетать национальные интересы дружественных стран с их общими устремлениями превратить Центральную Азию в мирный, стабильный и процветающий оазис на евразийских просторах.

Примечания

¹ Некоторые исследователи считают, что эта серия сказок была переводом ирано-таджикских народно-поэтических повествований, совокупно известных как «Хазорафсона».

² Здесь мы трактуем термин «Центральная Азия» в том культурно-историческом смысле, в коем он используется в ЮНЕСКО, т. е., включая и территорию современного Афганистана.

³ Рахмонов Э. Великий шелковый путь — мост между прошлым, настоящим и будущим // Таджики в зеркале истории. Кн. I. От арийцев до саманидов. Лондон, 1999. С. 135—140.

⁴ Кутлуков М. К истории экономических, политических и культурных связей народов Средней Азии с Китаем (в древности и в период средневековья) // Научные работы и сообщения. Кн. 4 / Академия наук Узбекской ССР. Отделение общественных наук. Ташкент, 1961. С. 344.

⁵ Кадырбаев А.Ш. Иранские народы в Китае: история и современность // Иран-наме. 2007. № 1—2.

⁶ Ху Чженьхуа (*Хаджи Мухаммад*). Рудаки — отец таджикской поэзии // The Studies of Islamic Culture. 2009. № 1. С. 34—37.

⁷ Ху Чженьхуа (*Хаджи Мухаммад*). 1310 лет со дня рождения Великого Имама Абу Ханифа // The Studies of Islamic Culture. 2009. № 3. С. 15—17; см. также: Ху Чженьхуа. Почему китайские мусульмане («хуэй») являются последователями учения Великого Имама? URL: http://www.tajikembassychna.com/news_detail_91.asp.

⁸ Стихи Абуабдулло Рудаки звучат на китайском языке. В Пекине состоялась конференция, посвященная 1150-летию А. Рудаки. URL: http://www.tajikembassychina.com/news_detail_52.asp.

⁹ Дипломатические отношения между Республикой Таджикистан и Китайской Народной Республикой были установлены 4 января 1992 г.

¹⁰ Совместная Декларация об основных принципах взаимоотношений между Республикой Таджикистан и Китайской Народной Республикой // Таджикистан—Китай. Сборник основных документов (1992—2007 гг.). Пекин, 2008. С. 48—55; см. также: Назриев Д., Самтаров И. Республика Таджикистан: история независимости (хроника событий). Год 1993. Т. III. Душанбе, 2006. С. 138—141.

¹¹ Алимов Р. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Республикой Таджикистан и Китайской Народной Республикой — венец договорно-правовой основы таджикско-китайских отношений // Таджикистан—Китай. Сборник основных документов (1992—2007 гг.) Пекин, 2008. С. 1—20.

¹² Данные китайской таможенной статистики за период с 1993 г. по первую половину 2009 г.

¹³ <http://russian.people.com.cn/31521/5915145.html>.

¹⁴ <http://russian.people.com.cn/31519/6678482.html>.

¹⁵ http://www.tajikembassychina.com/news_detail_84.asp.

¹⁶ http://www.khovar.tj/index.php?option=com_content&task=view&id=16239&Itemid=.

¹⁷ http://www.president.tj/rus/novostee_260609.html.

¹⁸ <http://www.asiaplus.tj/news/48/52551.html>.

¹⁹ Данные Министерства образования КНР и Госкомитета КНР по стипендиям.

²⁰ <http://russian.people.com.cn/31521/6848748.html>.

²¹ <http://russian.people.com.cn/31521/6632235.html>.

²² По информации авиакомпаний TajikAir и China Southern Airlines.

²³ По данным консульского отдела посольства РТ в КНР в 1997 г. было выдано 13 виз; в 1998 г. — 11; в 1999 г. — 44; в 2000 г. — 52; в 2001 г. — 166; в 2002 г. — 89; в 2003 г. — 137; в 2004 г. — 372; в 2005 г. — 546; в 2006 г. (начало реализации крупных общенациональных проектов) — 1316 (из них 51 — туристическая); в 2007 г. — 4007 (131 туристическая); в 2008 г. — 7903 (из них 69 турвиз); в 2009 г. — 7239 (159 турвиз).

А. С. Железняков*

МОНГОЛИЯ ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ С КИТАЕМ И РОССИЕЙ В РАМКАХ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ СТРУКТУРЫ ШОС

Тема настоящей статьи связана с уточнением места Монголии в геополитическом и цивилизационном устройстве мира. Как и место любой другой страны, оно определяется целой группой факторов, из которых политические взаимоотношения государства с его ближними и дальними стратегическими соседями имеют первостепенное значение. Любая из большинства стран мира делегирует полномочия представлять себя в качестве части уникального сегмента глобального бытия военным и политическим союзам или блокам, членом которых она является, либо выступает частью общности близких ей в культурном, религиозном или языковом отношении стран, представляя в мироустройстве и их самих, и противоречия и проблемы, существующие между ними.

В этом смысле в рамках ШОС, т. е. в рамках группы стран, субъектов ШОС — стран-участниц, стран-наблюдателей (Монголия относится к их числу) и стран — партнеров по диалогу, Монголия занимает весьма специфическое положение по ряду ключевых параметров. Прежде всего, в географическом плане —

* Железняков Александр Сергеевич, д. полит. н., в. н. с. Центра стратегических исследований Северо-Восточной Азии и ШОС ИДВ РАН.

это страна с самым малым по численности населением среди указанных стран и вообще самая редконаселенная страна в мире — средняя плотность населения здесь равна 1,7 человека на 1 кв. км. Это самая глубинно-континентальная страна Земли, которая располагается на площади свыше 1,5 млн кв. км при численности населения менее 3 млн человек. Далее, Монголия соседствует только с двумя странами: на севере на протяжении границы длиной в 3,5 тыс. км — с Российской Федерацией, на юге, востоке и западе на протяжении свыше 4,5 тыс. км — с КНР. От границ центральноазиатских стран-участниц ШОС Монголия отделена пусть небольшими, но определяющими и даже символизирующими геополитический расклад сил участками («перемычками») российской и китайской территорий. Таким образом, она не имеет общих границ со сколько-нибудь сопоставимыми с ней по размерам, численности населения, экономическому потенциалу соседями. Более того, зажатая между двумя гигантами, Монголия в культурном и религиозном отношении резко контрастирует не только с ближним, но и дальним своим окружением. Монголия как страна северной ветви буддизма и кочевого скотоводства уникальна по цивилизационным параметрам: близких ей по этим параметрам независимых стран в мире не существует. Это ключевой момент геополитического положения Монголии, определяющий ее место не только в рамках ШОС, но и в мире в целом, а также ее взаимоотношения с ближними и дальними стратегическими соседями.

ШОС является организацией стран-участниц, стран-наблюдателей и стран — партнеров по диалогу, относящихся к разным локальным цивилизациям. То есть ШОС представляет собой структуру, которую можно проиллюстрировать в виде цивилизационных секторов. Монголия не вписывается в историко-культурное пространство преимущественно православного мира России, конфуцианского мира Китая, исламского мира центральноазиатских стран-участниц ШОС, индуистского мира страны-наблюдателя Индии¹. Монголия в структуре ШОС является отдельным сектором, будучи центральной частью, географическим, историческим и культурным ядром особого региона, включающего одну страну целиком и частично еще две страны —

Россию и Китай. Внутренняя Азия — так, реанимируя термин столетней давности, придавая ему политико-географическое звучание, можно обозначить этот обширный исторический мультикультурный регион в центре континента Евразии, населенный за пределами Монголии родственными монголам по языку, религии и культуре бурятами, тувинцами и внутренними монголами, которые, в свою очередь, живут вперемежку в многовековом соседстве с другими народами и этническими группами, исповедующими православие, даосизм, конфуцианство и ислам. Буряты и тувинцы со стороны России и внутренние монголы — со стороны Китая связаны далее с русскими и китайцами, алтайцами, якутами, казахами, эвенками, уйгурами и др. Единая религия объединяет монголов с тибетцами. Вне Внутренней Азии в России имеется буддийский калмыцкий анклав с православными и мусульманскими соседями в Поволжье и на Северном Кавказе. На исторической родине буддизма в Индии среди индуистов и мусульман растет тибетская община, во главе которой стоит лауреат Нобелевской премии мира Далай-лама XIV. Через эти народы и этнические группы и их мировую диаспору, а также через свой след в политической истории Евразии и через нынешнюю внешнюю политику Улан-Батора монгольский (монголо-тибетский, внутреннеазиатский) мир весомо и независимо позиционирует себя в системе связей с русским (российским, евразийским), китайским (дальневосточным, тихоокеанско-дальневосточным), исламским (от Магриба до ЮВА), индийским (южноазиатским) и западным (евро-атлантическим) мирами. При этом, ядро Внутренней Азии — буддийская Монголия проводит политику восприятия ценностей западного мира, являющегося, как принято считать в стране, «третьим стратегическим соседом».

Итак, Монголия в рамках ШОС не входит в секторы России, Китая, стран Центральной Азии, и ни в ШОС, ни в мире в целом нет гомогенного сегмента исторически, культурно или религиозно родственных ей стран, с которыми она могла бы отстаивать общие цивилизационные ценности и приоритеты. Монголия — это уже сама по себе отдельный регион и отдельная цивилизация. Монголия достаточно далека в цивилизаци-

онном плане от всех стран-участниц, стран-наблюдателей и стран — партнеров по диалогу ШОС. Разумеется, интерес у многих нынешних тюркоязычных народов, проживающих в Центральной Азии, вызывают собственные исторические и этнические корни, переплетенные с прошлым Монголии, с Тюркским каганатом, с Великой Монгольской империей, с номадическим прошлым Великой степи. Но пути тюркских (за исключением тувинцев) и монгольских народов разошлись слишком давно, особенно в связи с распространением на них разных религий. Поэтому откровенно провокационными выглядят геополитические построения ведущего американского монголоведа Алиши Кампи, согласно которым Монголия в скором будущем непременно должна превратиться в лидера центральноазиатской общности². Это связано, на наш взгляд, с реанимацией идеи Монгольской империи Чингисхана и причудливой «примеркой» ее к ожидаемому усилению роли США в регионе после грядущего, по мнению автора, развала России и Китая, благодаря которому исчезнет отделяющая Монголию от группы центральноазиатских стран принципиальная «перемычка» из частей территории России и Китая. Ширина этой «перемычки» составляет 54,5 км (т. е. она равна длине западного участка российско-китайской границы).

Прошло почти два десятилетия с того момента, когда можно было говорить о полном и безоговорочном доминировании в Монголии ценностей и приоритетов, общих для блоковой системы взаимодействия этой страны с северным соседом. Сейчас положение изменилось, причем настолько сильно, что в качестве яркой и довольно-таки хлесткой характеристики целесообразно привести слова известного американского монголоведа Р. Рупена, отмечая тем не менее некоторое «сгущение» им красок: «Современный этап истории Монголии есть переход доминирования от Москвы к Пекину. Китайский бизнес глубоко проник в экономику Монголии — в такие сферы, как строительство, текстильная промышленность, сфера услуг. Имея доступ к мировым рынкам, китайцы не допускают других на монгольский, ограниченный географически рынок»³. В связи с этим представляется, что повышение статуса Монголии в ШОС

с положения страны-наблюдателя до положения страны — полноправного участника становится чуть ли не единственным шансом для нее выступить равным партнером в отношениях со своими соседями.

Как уже отмечалось, российско-монгольское территориальное соседство является лишь одним из двух «слоев» внешней пограничной оболочки, прикрывающей Монголию от остального мира, от всех других сухопутных и морских границ. Другим «слоем» оболочки является китайско-монгольская граница. Будучи на 1 тыс. км короче китайской, российский «слой» в отношении цивилизационной безопасности Монголии и всего региона, тем не менее, является функционально более нагруженным. Этот участок границы обеспечивает Монголии выход за пределы зоны безоговорочного геополитического доминирования Пекина. Именно наличие российского участка границы (т. е. выхода к отличному от дальневосточной общности цивилизационному миру) позволяет монгольским стратегам отстаивать особые интересы своей малонаселенной страны в сфере цивилизационной идентичности «под боком» и даже в «объятиях» с трех сторон почти 1,5-миллиардного Китая. В диалоге с Китаем они могут оперировать понятиями «второго стратегического соседа» (т. е. России) и «третьего стратегического соседа» в лице не граничащих с Монголией, прежде всего, США, других стран Запада, Японии и Кореи.

С точки зрения экономических интересов значение России для Монголии носит фундаментальный характер, хотя в текущей экономической политике оно сводится к роли некоего стремительно теряющего свою эффективность балансира. Это прослеживается по таким признакам, как усиление роли Китая в таких традиционных сферах российского доминирования в Монголии, как обеспечение энергоресурсами (первый и пока небольшой «звоночек»: на фоне почти полного отсутствия инициативы со стороны российских нефтяников резко расширяется участие китайских компаний в добыче нефти в самой Монголии — в Дорноде⁴), перевод экспортного потока сырья из Эрдэнэта с севера на юг, попытки отодвинуть Россию в области строительства новых железных дорог (и даже произвести «рево-

люционный» сдвиг в ширине колеи с введенного изначально в России и Монголии размера 1520 мм на принятый в Китае степенсоновский размер 1435 мм), не говоря уже об области разработки новых стратегических месторождений: угля (прежде всего, каменного, в том числе коксующегося — в Таван-Толгое), меди, золота (Оюу-Толгой) и др. На этих и многих других направлениях экономики внешняя политика Монголии нуждается в серьезных дополнительных стимулах для актуализации роли России в качестве необходимого балансира в отношениях страны с Китаем. Эти стимулы раньше легче всего находились в сфере военных и политических интересов Монголии. Однако в настоящее время геополитические очевидности начинают заслоняться от некоторых представителей монгольской внешнеполитической элиты мощным потоком разнообразных экономических интересов.

Россия во внешнеполитической концепции Монголии будет и впредь занимать центральное место, но необходимо учитывать, что даже небольшие подвижки в сторону уступок в таких технических деталях, как ширина железнодорожной колеи, развитие без учета вектора российских интересов инфраструктуры под новые грандиозные сырьевые проекты, чрезмерное упование на рыночный фундаментализм с его механизмом, пресекающим почти любое заметное проникновение российских инвестиций в пользу цивилизационно близких капитанов мирового сырьевого бизнеса, могут свести параграфы в законодательных документах Монголии о роли России как ее стратегического соседа к значению пустых и не подкрепленных реальными делами деклараций.

Судя по последним сведениям, полученным от независимых источников, заметного продвижения в сторону углубления интереса к российскому направлению в монгольских внешнеполитических ведомствах не происходит. Разумеется, номинально отделы России продолжают интенсивно работать — и в монгольском МИДе, и в системе различных институтов. Но развитие деятельности этих отделов осуществляется «по остаточному принципу», причем на фоне впечатляющего роста практических дел на других внешнеполитических направлени-

ях. Расчет основывается, как и прежде, на том, что основной костяк специалистов-международников Монголии прошел через период подготовки в условиях «особых» взаимоотношений между СССР и МНР и для него не требуется целенаправленной подготовки. То есть господствует мысль, что российский вектор внешней политики Монголии надежно «прикрыт» выпускниками советских школ, вузов и просто близкими по духу россиянам поколениями людей социалистической эпохи. Однако упускается из виду стремительный рост значительного слоя специалистов и управленцев, совершенно безразличных (в лучшем случае) к России, получивших образование у себя на родине при сокращенной или ликвидированной в ряде мест программе изучения русского языка или в странах Запада, Японии, Кореи и в Китае. Одновременно, другие направления внешнеполитической деятельности Монголии (американское, китайское, японское и т. д.) продолжают свое развитие «с нуля» (довольно затянувшееся и бурное). По сути же, эти направления «в обход России» укрепляются, растет число представительств различных фондов, программ, советников, кадров на этих направлениях, получающих соответствующие субсидии, гранты и другие виды финансирования.

Вместе с тем отношение к России в общественном мнении Монголии можно охарактеризовать в целом как весьма позитивное, намного более хорошее, чем к любой другой стране бывшего советского блока⁵. Это обусловлено особым для Монголии местом России как «окна» в мир за пределами дальневосточной общности, через которое она входит в качестве отдельного субъекта в современную архитектуру политического и цивилизационного мироустройства. Что касается отношения к России в монгольской внешнеполитической элите, то это вопрос позиции костяка специалистов и управленцев, которая может меняться соответственно текущей политической и экономической конъюнктуре. Пока резких противоречий между представителями элиты старой «закваски» и новыми поколениями управленцев и специалистов не наблюдается. МНРП и Демократическая партия в системе взаимоотношений Монголии с Китаем, Россией, странами Запада не являются четко

разграниченными друг от друга оппонирующими группировками (разговор не может идти даже об акцентах в текущих линиях партийного руководства и в риторике внутрипартийных масс). Ни в той, ни в другой партии четко оформленных пророссийских (равно, и антироссийских) группировок нет.

В связи с этим представляется, что России в Монголии целесообразно опираться на всех тех, кто, независимо от партийной принадлежности, провозглашает принцип «равноудаленности», многовекторности развития Монголии в современную эпоху. Такой подход сразу же выведет Россию в число наиболее приветствуемых монголами акторов международной политики. России трудно и бессмысленно пестовать в Монголии отдельно от группировки сторонников многовекторной политики сколько-нибудь влиятельную чисто пророссийскую группировку с четко обозначенными пунктами своей программы. Это может только повредить действительным сторонникам укрепления позиций России в Монголии. Разумеется, это не касается проведения «наступления» русского языка, русских ценностей, культуры, науки и образования в Монголии. И монгольских практических работников, связанных с этой сферой деятельности, необходимо всячески поощрять и поддерживать.

Статусный уровень России во внешней политике Монголии, несомненно, будет повышаться с ростом объема совместных действий России и Монголии за пределами их двусторонних отношений, на многосторонней международной основе. Наиболее подходящей площадкой таких действий является ШОС. Именно на этой площадке Россия вправе рассчитывать в географически зажатой между ней и Китаем Монголии на искреннюю, массовую и растущую поддержку своих действий. Китайские и западные приоритеты некоторых представителей монгольской внешнеполитической элиты будут в этих условиях проходить через горнило все более углубляющегося понимания того факта, что российская «половинка» оболочки вокруг Монголии не закрывает, а как раз открывает страну другим направлениям, делает возможной многовекторную политику как таковую. Открытие в системе взаимоотношений России, Китая и Монголии сложной цивилизационной составляющей, ранее игнорировавшейся на-

блюдателями (включая классиков геополитики и цивилизационной теории), приведет к росту потребности в создании своеобразной монгольской «Силиконовой долины», лаборатории, призванной выработать научно обоснованные подходы к изучению современной архитектуры политического и цивилизационного мироустройства. В сотрудничестве с компетентными монгольскими деятелями, привлекая китайских и западных исследователей, российские специалисты смогут помочь Монголии развернуть широкую международную научную дискуссию по формированию концепции наиболее оптимального позиционирования Монголии на международной арене.

Помимо прочего, активизации и усилению позиций России в Монголии будет способствовать принятие на себя российскими специалистами, научными и практическими работниками активной роли в формировании нового имиджа Монголии как страны-цивилизации, полноправного субъекта не только международных отношений, но и цивилизационного развития. Для этого российские внешнеполитические ведомства могли бы выступить координаторами усилий по осуществлению связки монгольских и российских деловых и научных кругов в формировании ядра будущего проекта, к которому впоследствии присоединятся все заинтересованные стороны (возможно, в Китае, на Западе, в Японии и т. д.). Пока же никому, кроме ученых и специалистов, а также внешнеполитических элит России и Монголии, эта жизненно важная, а по сути — судьбоносная для Монголии задача и не близка, и не интересна. Локализовав эту теоретическую задачу в практической плоскости, можно сделать важный шаг в сторону развития совершенно новых процессов, которые будут иметь определяющее значение в мировой политической жизни.

Примечания

¹ Возможно, правильнее говорить о «посткоммунистических» или пострелигиозных разновидностях миров: «постправославном», «постконфуцианском», «постисламском», «постбуддийском» и т.д.

² *Campi Alicia*. Mongolia's Integration with Asia's Heartland — Finding a Future and Rediscovering the Past // The 8th International Congress of Mongolists being Convened Under the Patronage of N. Bagabandi, President of Mongolia (5—11 August 2002, Ulaanbaatar). Summaries of Congress Papers. Secretariat IAMS. 2002. P. 3.

³ *Rupen R.* Mongols of the 21st Century — Geopolitical relations between Contemporary Mongolia and Neighboring Asian Countries // Chinese Culture University. Taiwan. 2004. September 18—19. P. 14.

⁴ Китайские нефтяники «окопались» в Дорноде. URL: <http://www.zabinfo.ru/modules.php?> По некоторым расчетам, запасов нефти в Монголии достаточно для обеспечения растущих потребностей страны почти на 100 лет. URL: <http://newsland.ru/News/Detail/id/486186/>.

⁵ Это можно проиллюстрировать обработанными нами результатами соцопросов, проведенных двумя волнами в 2007—2008 гг. Центром изучения общественного мнения «Сант Марал». Материалы соцопроса были нами получены от НГО «Русский фонд Монголии» (президент Л. Хангай), по заказу которого и проводился данный соцопрос. Выполненный нами анализ вылился в две статьи, которые были опубликованы на монгольском языке в журнале Русского фонда Монголии «Умард хорш» («Северный сосед»). Русский перевод статей размещен на сайте <http://www.isras.ru/>.

Е. И. Сафронова*

СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ КНР В ОТНОШЕНИИ СТРАН «ТРЕТЬЕГО МИРА» (НА ПРИМЕРЕ АФРИКИ И ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ)

Основным *внешнеполитическим* интересом любого мирового актора, будь то государство или интернациональная организация, является создание такой внешней среды, которая благоприятствовала бы устойчивому развитию этого субъекта международных отношений. Для Китая партнерство со странами «третьего мира» представляет немалый интерес именно как механизм формирования комфортного для КНР международного климата.

Однако только этим обстоятельством мотивы сотрудничества Китая с развивающимися странами не исчерпываются. Связи с «третьим миром» — это для Китая и средство диверсификации круга его глобальных и региональных контрагентов, эффективный элемент тактики «сдержек и противовесов» в международных отношениях. Современное внедрение КНР в политико-экономическое пространство Африки и Латинской Америки, вызывающее у Запада все большее беспокойство, дало

* Сафронова Елена Ильинична, к. э. н., в. н. с. Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений ИДВ РАН.

Китаю и странам двух континентов новые аргументы в их переговорах с США и государствами ЕС по целому ряду вопросов. Пекин «оттачивает» отношения с Вашингтоном, варьируя по времени, вектору и интенсивности свое взаимодействие с государствами Африки и особенно Латинской Америки — «задним двориком» США. Присутствие КНР в «третьем мире» сегменте мировой арены может стать паллиативом сдерживания США на глобальном уровне, поскольку маневровое пространство Вашингтона объективно ограничивается за счет растущей активности другого внешнеполитического «игрока».

Кроме того, диалог с развивающимися странами призван минимизировать риски международной изоляции КНР западными державами, поскольку он способствует созданию в лице «третьего мира» международных «сквозных коридоров» и «транзитных» пространств, не позволяющих создать тупики и ловушки для международной деятельности КНР. Масштабно сотрудничая с государствами «глобальной периферии», Пекин намерен заручиться их благожелательным отношением к своим довольно-таки агрессивным устремлениям получить доступ к сырьевым, минеральным и энергетическим ресурсам и рынкам по всему миру.

Еще одной политической причиной интереса КНР к «третьему миру» является то, что Пекин рассматривает его как «активную силу в продвижении нового мирового порядка». В итоговой Декларации саммита стран БРИК, прошедшего в апреле 2010 г. в Бразилии, была еще раз подчеркнута приверженность трех лидеров развивающегося мира — Индии, Бразилии и Китая, а также четвертого члена этой группы — России — к установлению равноправного, демократического и справедливого многополярного мирового порядка, основанного на международном праве, равенстве, взаимоуважении, сотрудничестве, согласованности действий и коллективном принятии решения всеми государствами¹.

На XVII съезде КПК проблематика отношений КНР с развивающимися странами и положения последних на мировой арене затрагивалась полнее, чем на предыдущем партийном форуме. Генеральный секретарь КПК Ху Цзиньтао выразил на-

мерение Китая «стимулировать совместное развитие регионов и всего мира путем собственного развития», поддерживать мировое сообщество в оказании помощи «третьему миру» для усиления возможностей последних в самостоятельном развитии и сокращении разрыва между Югом и Севером, крепить сотрудничество с развивающимися странами, оказывать им помощь и защищать их справедливые требования².

В последнее время новые акценты в риторике Пекина по проблемам «третьего мира» проявляются особенно ярко. Китайское руководство педалирует идею о том, что глобальное гармоничное развитие невозможно без гармоничных отношений Китая с развивающимися странами, отношений, которые вносят свой вклад в построение гармоничного мира³. В июне 2007 г. в Германии (Хайлигендамм) состоялась встреча лидеров «Большой восьмерки» и председателя КНР с руководителями развивающихся государств, на которой Ху Цзиньтао охарактеризовал положение дел на мировой арене через призму старых и новых вызовов, стоящих перед человечеством. К их числу он отнес нарастание диспропорций в мировой экономике, «повышение давления» в энергетической и ресурсной областях, обострение экологических проблем и усиление режима торгового протекционизма. Естественно, что новые вызовы ставят перед мировым сообществом новые задачи. Поэтому тогда не могла не прозвучать идея формирования «гармоничного мира» на основе «долгосрочного мира и совместного процветания», а также совместных усилий по «здоровому развитию» экономической глобализации⁴.

Для строительства гармоничного мира в контексте оздоровления отношений развитых и развивающихся государств Пекин предлагает международному сообществу следующее.

1. Приложить усилия по гармоничному развитию глобальной экономики, а именно: содействовать «систематичному урегулированию дисбаланса мировой экономики» посредством расширения внутреннего потребления, сокращения бюджетного дефицита, ускорения структурных реформ, в частности, в промышленности и т. д.; усилить контроль над международным финансовым рынком, особенно в сегменте «краткосрочных ка-

питалов», обеспечить стабильность курсов основных резервных валют; противодействовать торговому протекционизму, продвинуть вперед переговоры по линии «Север—Юг» для скорейшего достижения результатов во имя развития; на фоне экономической глобализации активно поощрять развитие и сотрудничество на взаимовыгодной основе.

2. Создать условия для совместного использования результатов экономического развития. Здесь международное сообщество должно углубить технико-экономическое сотрудничество, выявить и задействовать сравнительные экономические преимущества разных стран.

3. Приложить усилия по продвижению гармоничного прогресса разных человеческих цивилизаций, причем главное — это уважение права каждой страны на самостоятельный выбор общественного строя и пути развития, и вести демократические консультации для регулирования возникающих противоречий.

4. Выработать единый комплексный план по достижению устойчивости мирового развития, которое, в свою очередь, требует сочетания параметров экономического роста, социального прогресса и охраны окружающей среды; реализовать консенсус, достигнутый на Всемирном саммите по устойчивому развитию (Йоханнесбург, 2002 г. — *Е.С.*).

5. Ввиду того, что по мере его экономического роста энергопотребности «третьего мира» будут увеличиваться (ибо это является основным условием развития последнего) не требуется от развивающихся стран снижения экологически недружелюбных выбросов в атмосферу и способствовать распространению эффективных технологий использования природного топлива, энергосбережения и охраны окружающей среды. Сделать эти технологии доступными для развивающихся стран, предоставить им необходимую финансовую поддержку⁵.

Очевидно, что ныне руководство КНР отводит «третьему миру» роль важной силы в продвижении новейшей теоретической установки Пекина — строительства «гармоничного мира». Развивающиеся страны нашли свое место в этой особо пестуемой доктрине китайской дипломатии, что само по себе важно для их дальнейшей судьбы как партнеров КНР.

Не забывает Пекин и освященную временем концепцию развития сотрудничества «Юг—Юг», т. е. необходимости кооперации между странами «третьего мира» на двустороннем и многостороннем уровнях. Ныне этому взаимодействию придается значение не только одного из катализаторов процессов мультиполяризации системы международных отношений, но и механизма противостояния вызовам глобализации.

Активизация Китаем отношений с государствами «мирового Юга» имеет целью и окончательное вытеснение Тайваня с международной дипломатической арены. До сих пор более 20 развивающихся стран поддерживают официальные отношения с островом. КНР полагает, что ей следует энергично развивать диалог с государствами, пока еще признающими Тайвань, чтобы впоследствии было легче переориентировать их дипломатические связи с Тайбэя на Пекин.

Итак, можно сделать вывод о том, что сотрудничество с «третьим миром» имеет для Китая не только значение дополнительного аргумента в диалоге с Западом, но и выполняет роль самостоятельного направления его внешней политики, а также ценного элемента теоретического обеспечения последней.

Экономическая стратегия Китая относительно развивающихся стран состоит в следующем:

1) использовать природно-сырьевой потенциал «третьего мира» для модернизации национального хозяйства КНР, закрепив за «глобальным Югом» роль устойчивого поставщика энергоресурсов, а также постоянного реципиента китайских экспортных товаров и технологий «вторичного» уровня, неконкурентоспособных на рынках «Севера»;

2) путем интенсификации торгового обмена и участия в разработке стратегически значимых природных ресурсов Африки, Латинской Америки и иных развивающихся регионов получить возможность мониторинга и даже контроля над переделом их сырьевых рынков, дабы не допустить его осуществление без участия КНР;

3) за счет ресурсов Африки, Латинской Америки и Центральной Азии диверсифицировать источники импорта энергоносителей. Это снизит зависимость национального хозяйства

КНР от нефти Ближнего и Среднего Востока. Поступление нефти и газа в требуемых количествах позволит Китаю уменьшить долю угля в энергобалансе страны и таким образом облегчить экологическое давление на природную среду, рационализировать экономические потери, связанные с общей малорентабельностью угля в добыче, транспортировке и обогащении;

4) для общего сокращения немалых производственных затрат в сфере энергообеспечения создать собственную ресурсную базу за рубежом (прежде всего в Африке, Латинской Америке и Центральной Азии как наиболее пригодных и доступных для этих задач регионах), в частности, за счет приобретения там добычных и перерабатывающих мощностей;

5) ввиду вероятности блокирования морских поставок через Малаккский пролив и южные моря обеспечить полноценную транзитную транспортировку углеводородов по сухопутным территориям сопредельных развивающихся стран (в Центральной Азии);

6) в перспективе стать для «третьего мира» доминантным политико-экономическим партнером.

Для *внешнеэкономической практики* КНР на «третьем мире» направлениях характерны:

- постоянное увеличение товарооборота с тем, чтобы а) облегчить сбыт возрастающих объемов своей продукции, б) зарабатывать валюту как для внутренних, так и внешних инвестиционных программ развития, в) компенсировать отрицательность сальдо товарооборота по одним направлениям положительностью торгового баланса по другим;
- мониторинг противоречий, существующих как между конкурентами Китая, так и между его контрагентами на «третьем мире» поле, а также игра на этих противоречиях;
- ослабление жесткой привязки КНР к традиционному кругу важных поставщиков стратегических ресурсов путем рассредоточения закупок по широкому кругу экспортеров⁶.

Китайско-«третьемирские» *экономические* отношения уже выполняют для КНР роль рычага политического влияния, по-

сколькx благодаря именно им Китаю удается расширять свои позиции в соответствующих регионах. Прямое силовое внедрение в развивающуюся зону для КНР неприемлемо, поэтому экономическая «экспансия» остается для нее единственно возможным (и эффективным) способом утвердиться на пространствах мирового «Юга».

Правительство КНР, открыто не отказываясь от принципов «максимальной опоры на собственные силы» и «рационального самообеспечения» природными ресурсами, тем не менее вынуждено активизировать «международные обмены и сотрудничество» в области разработки и использования полезных ископаемых за рубежом⁷. Инвестируя в топливно-энергетическую сферу «третьего мира» (Судан, Саудовская Аравия, Габон, Ангола, Камерун, Венесуэла, Бразилия и др.), Китай не только обеспечивает себе доступ к его энергоресурсам, но и превращает страны-реципиенты в стабильных внешнеполитических и внешнеэкономических союзников и партнеров. Для развивающихся государств сотрудничество с Китаем обладает тем серьезным преимуществом, что Пекин не обуславливает свое экономическое содействие и инвестиции какими-либо идеологическими или политическими требованиями.

Последний мировой экономический кризис внес свою специфику в отношения КНР с развивающимися странами. Пока Запад искал решения собственных проблем, порожденных кризисом, параллельно все больше увязая в Афганистане и Ираке, Пекин продолжал наращивать международную активность, в том числе и на «третьем мире» направлении. КНР, еще со времен своего основания придав развитию отношений с мировым «Югом» характер целенаправленного курса, оказалась в преимущественном положении по сравнению с другими международными акторами, просто реагирующими на текущие изменения обстановки, а не следующими продуманной дальновидной линией⁸.

В условиях мирового кризиса и спада спроса на импорт готовой продукции Китай был вынужден предпринять меры по стимуляции внутреннего потребления. В связи с этим перед ним с особой остротой встала задача по наращиванию государ-

ственных резервов стратегического сырья — не только нефти, но и цветных металлов: меди, цинка и алюминия. Интересы формирования таких запасов требуют закрепления КНР на уже освоенных экспортных сырьевых рынках, а также проникновения на новые. Реализации этой задачи и были посвящены визиты китайских руководителей в Африку и Латинскую Америку в последние годы.

Во время визита в Африку в 2009 г. Ху Цзиньтао объявил о намерении Пекина направить на строительство нефтедобывающей инфраструктуры африканских стран инвестиции на общую сумму в 200 млн долл.⁹ Благодаря настойчивости КНР в расширении сотрудничества со странами этого континента, китайско-африканский товарооборот в 2008 г. достиг 107 млрд долл., показав прирост на 45 %. С 2003 г. взаимная торговля увеличилась в 10 раз, а прямые инвестиции КНР — в 16 раз (до 7,8 млрд долл.)¹⁰. В 2006 г. Китай был 3-м по важности торговым партнером Африки (после США и Франции), а в 2008 г. он вышел на 2-е место, оставив впереди только США с их 140 млрд долл. товарооборота. Пекин полагает, что торговля с Китаем обеспечивает 20 % африканского экономического роста¹¹.

Примерно треть нефтяного импорта Китая — африканского происхождения. Крупнейшие африканские поставщики нефти в КНР — это Ангола и Судан. По прогнозам американских экспертов из Вашингтонского Центра международных стратегических исследований (Centre for International Strategic Studies), в ближайшие год—два на Африку придется 45 % нефтяного импорта Поднебесной¹².

Высокопоставленные китайские чиновники не оставляют своим вниманием и Латинскую Америку, регулярно совершая визиты на этот континент. Латинская Америка интересна Китаю по тем же причинам, что и остальной «третий мир»: ряд ее наиболее развитых стран является активным потребителем китайских промышленных товаров, другие же — важными экспортными сырьевыми рынками для КНР. В 2008 г. общий китайско-латиноамериканский товарооборот показал прирост на 39,7 % и превысил 143 млрд долл. Китай стал 3-м торговым партнером континента¹³. Венесуэла, экспортирующая 364 тыс. барр. нефти

в день, является 4-м по значению поставщиком этого углеводорода в Китай. В обеспечение устойчивого энергетического взаимодействия с Венесуэлой Пекин вдвое (до 12 млрд долл.) увеличил размер совместного китайско-венесуэльского инвестиционного фонда; 8 млрд из этой суммы являются непосредственным вкладом Китая в венесуэльскую экономику. Руководству КНР удалось заручиться гарантиями президента Венесуэлы У. Чавеса относительно бесперебойности поставок венесуэльской нефти в Поднебесную. Беспроцентный кредит в 20 млн долл., предоставленный другой нефтеносной латиноамериканской стране — Эквадору, также неплохо «удобрил» почву китайско-латиноамериканского сырьевого взаимодействия¹⁴.

Бразилия — наиболее многообещающий контрагент Китая в энергетической сфере. Поскольку в стране начата эксплуатация новых богатых месторождений нефти, позволяющих довести ее добычу к 2011 г. до 2,37 млн бARR. в сутки, Бразилия получает шанс вырваться в число мировых нефтяных производителей. Этим обстоятельством уже не преминул воспользоваться Китай: в 2009 г. между двумя странами был подписан меморандум о предоставлении Банком развития КНР кредита в размерах 10 млрд долл. бразильской госкомпании Petrobras. В ответ Petrobras обязалась начать экспорт в КНР 100 тыс. бARR. нефти в сутки. Эти соглашения вписываются в ресурсную стратегию КНР — достижение крупных сырьевых контрактов в обмен на финансовые льготы¹⁵.

В настоящее время Китай — одна из немногих мировых держав, располагающих свободными средствами, достаточными для масштабного инвестирования в экономику других стран. Так, государствам «Черной» Африки (к югу от Сахары) для сооружения объектов инфраструктуры необходимо около 35 млрд долл. в год, однако сами они способны изыскать на эти цели не более половины требуемой суммы. Для КНР предоставить недостающие 17 млрд долл. не составляет большой проблемы, особенно учитывая нецелесообразность накопления долларовых резервов ввиду неопределенности дальнейшей судьбы американской валюты¹⁶.

Львиная доля китайских зарубежных капиталовложений направлена в добычу полезных ископаемых, прежде всего — углеводородов. Только в одной Африке с 2006 г. Китай заключил соглашений на добычу сырья на 16 млрд долл. Именно в Африке еще остаются неподделанные и неосвоенные месторождения, которые не разрабатываются ввиду политической нестабильности в этой части света. Возросшая инвестиционная активность Китая, по всей видимости, имеет и другую подоплеку: Пекин, отойдя от политики дальнейшего накопления долларовой массы, теперь направляет экспортные доходы в приобретение контрактов и реализацию сырьевых проектов в странах «третьего мира»¹⁷.

Прошедший в ноябре 2009 г. (Египет) Форум китайско-африканского сотрудничества был ознаменован новыми шагами Китая по финансовому дотированию стран Черного континента. Премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао обещал предоставить африканским государствам кредит в 10 млрд долл. (на предшествующем форуме в 2006 г. было обещано и выделено вдвое меньше)¹⁸. Кроме того, Пекин выразил готовность побудить китайские финансовые организации выделить особый кредит в 1 млрд долл. африканским малым и средним предприятиям. Это явный знак того, что КНР нацеливает свои компании на более тесное влечение африканских производителей в канву китайского бизнеса на Черном континенте.

В 2006 г. Пекин уже предоставлял правительствам стран Африки аналогичный кредит в 5 млрд долл. В рамках последней финансовой инициативы КНР намерена списать долги по низкопроцентным или безвозмездным кредитам, платежи по которым истекли в 2009 г.¹⁹

Достижение финансового понимания с ведущими нефтеэкспортерами «третьего мира» дает возможность КНР улучшить переговорные позиции на мировом энергоресурсном рынке. А поскольку, по экспертным оценкам, к 2012 г. цена на нефть может перешагнуть рекордный показатель в 150 долл., то Пекину есть за что бороться²⁰.

В 2008 г. Всемирный банк опубликовал доклад, анализирующий состояние китайских капиталовложений в сооружение

инфраструктуры в странах Африки. Основные положения этого доклада сводятся к следующему²¹:

- китайские инвестиции на указанные цели увеличились с менее чем 1 млрд долл. годовых в период 2001—2004 гг. до 7 млрд в одном только 2006 г. Однако в 2007 г. они показали снижение до 4,5 млрд;
- КНР выделила 3,3 млрд долл. на реализацию 10 энергетических проектов, призванных увеличить производство гидроэлектроэнергии в Африке на 30 %, или на 6000 МВт в год;
- Китай финансирует в объеме 4 млрд долл. работы по восстановлению 1350 км старого железнодорожного полотна и сооружению 1600 км новых железных дорог, что поможет довести общую протяженность железных дорог в регионе до 50 тыс. км. Наиболее крупные проекты — в Нигерии, Габоне и Мавритании;
- около 70 % китайских инфраструктурных инвестиций сконцентрировано в Анголе, Нигерии, Эфиопии и Судане.

Всего 35 африканских стран получили китайское финансирование на сооружение инфраструктуры. Объем ряда сделок в этой области превышает 1 млрд долл., что лишний раз демонстрирует способность КНР к масштабному инфраструктурному инвестированию за рубежом²².

В целом, основные инфраструктурные секторы, в которые направляются китайские капиталовложения, — это энергетика (33 %), преимущественно строительство ГЭС; транспорт (33 %) — сооружение железных дорог, в меньшей степени — автострад; информационные и коммуникационные технологии (17 %); общие инфраструктурные проекты (14 %)²³.

В период 2001—2007 гг. Китай профинансировал ряд проектов в сфере информационных технологий и коммуникаций (в основном продажу готовых сетей) на общую сумму в 3 млрд долл.²⁴

Страны «третьего мира» обладают еще и той ценностью в глазах Пекина, что они импортируют не только китайские товары, но и know-how. Для многих развивающихся стран, особенно африканских, Китай является продуцентом капитала и

технологий, которые они по финансовым причинам не смогли закупить у Запада. Например, в 2008 г. автопроизводителем Geely International было создано совместное китайско-угандийское предприятие по строительству автосборочного завода. Китайская сторона поставляет для него технологию. Подобные же заводы уже построены в Анголе, Египте, Кении, Нигерии, Танзании и Эфиопии²⁵.

В сентябре 2007 г. был осуществлен запуск китайско-бразильского искусственного спутника, который ежемесячно отсылает фотоснимки территории Африки на 4 наземные станции с тем, чтобы африканские контрагенты получали информацию о природных бедствиях, исчезновении лесов, опустынивании и обезвоживании земель региона, могли предсказывать вероятность эпидемий, эпизоотий и других сельскохозяйственных рисков с целью предотвращения угроз продовольственной безопасности²⁶.

Активное дипломатическое и экономическое внедрение Китая в «третий мир» не может не обратить на себя внимания западных стран, имеющих исторически сложившиеся интересы в этом секторе мировой арены. Широкое сотрудничество Пекина с африканскими правительствами уже ограничило возможности Запада оказывать давление на неэффективные авторитарные режимы, поскольку благодаря Китаю у них появилась реальная возможность продлить свое существование за счет альтернативных источников финансовой и технической помощи²⁷. Настораживает Запад и то обстоятельство, что поставки оружия, которыми Пекин зачастую расплачивается за свой сырьевой импорт из развивающихся стран, подпитывают там внутренние вооруженные конфликты: например, только в 1998—2000 гг. Китай продал обеим сторонам эфиопо-эритрейской войны оружия примерно на 1 млрд долл.²⁸ Немалая часть китайских компенсаций за нефтяные поставки из Судана (эта страна продает КНР половину своей экспортной нефти) также производится в бартерной форме — бронемашинами, самолетами и боеприпасами. По данным международных наблюдателей, продолжается поступление в суданский Дарфур автоматов АК-47 китайского производства, гранатометов и стрелковых вооружений. За 2003—2006 гг. в обход

эмбарго ООН Китай продал Судану легкого вооружения на сумму в 55 млн долл.²⁹

Африканские элиты в целом не имеют ничего против волны китайского политико-экономического энтузиазма в отношении их стран. КНР предоставляет многим африканским правительствам большие ссуды и щедрые займы на обустройство инфраструктуры, на цели сельскохозяйственного развития и усиления охранного аппарата. Китайская модель развития с ее жестким централизованным управлением и упором на экономический рост с интересом изучается многими «третьемирскими» режимами.

Но наиболее привлекательным для последних выглядит то обстоятельство, что Пекин не обуславливает предоставление своих капиталовложений какими-либо требованиями. Кроме того, китайцы реализуют в Африке такие проекты и на таких условиях, какие не могли бы заинтересовать ни одного западного подрядчика³⁰. Китай нередко расплачивается за импортируемые природные ресурсы реализацией высокорискованных инфраструктурных проектов — строительством дорог и проч. Это устраивает многие африканские столицы. «Кого волнует, что дороги строятся (именно) китайскими инженерами и в сроки, возможно, вдвое меньшие, чем потребовались бы французам и американцам с их навязчивыми экологическими расчетами? Это лучше, чем западная «помощь» с ее увязками и условиями. А если китайцы уйдут, то дороги-то останутся», — полагают там³¹.

Однако на уровне простого населения Африки отношение к китайскому присутствию иное. Серьезный источник трений — это китайская иммиграция. Кардинальное отличие Китая от других государств состоит в том, что только он в массовом порядке завозит для выполнения проектов за рубежом собственных граждан, причем не только специалистов, но и простых рабочих, строителей, шахтеров и даже ткачих. По оценкам, в Африке уже обосновалось от 550 до 750 тыс. или даже 1 млн китайских граждан (для сравнения: французам там примерно 100 тыс., а американцев — 70 тыс.), 900 компаний с общим объемом капиталовложений в 6 млрд долл. Большинство прие-

хавших китайцев так и не говорят ни по-английски, ни по-французски, ни на каком-либо африканском языке³².

Китайские инвестиционные проекты привлекают «неорганизованных» мигрантов, в том числе нелегальных³³. В Анголе, где западные компании работают с опорой на местные трудовые ресурсы, китайские фирмы завозят 70—80 % персонала с родины. В компании Chevron 90 % работающих, включая квалифицированный персонал (инженеры и менеджеры), — это ангольцы. В китайских же нефтяных компаниях только 15 % нанятых представляют местную рабочую силу, причем, сугубо на низкооплачиваемых должностях. Для сравнения, в 2006 г. в Мапуту (Мозамбик) на стройке, проводившейся португальской фирмой, из 120 рабочих только 5 были португальцы, в то время как на соседней стройплощадке работало 78 китайцев и только 8 местных жителей, трое из которых были наняты в качестве ночных сторожей³⁴.

Наплыв активных китайских иммигрантов нанес мощный удар по имиджу Китая как великой страны в глазах многих африканцев. Так, представители мозамбикской интеллигенции задаются следующим вопросом: «Говорят, что Китай — великая держава, как Америка. Но что это за великая держава, которая посылает тысячи своих граждан в такую бедную страну, как наша, чтобы продавать пирожки на улице и отнимать работу у местных уличных торговцев, которые и так бедны?»³⁵.

Действительно, китайские коммерсанты и дешевая китайская продукция уже вытесняют местных торговцев и производителей с внутренних рынков принимающих стран. Население ряда стран африканского континента открыто демонстрирует недовольство складывающейся ситуацией: антикитайские выступления рабочих и торговцев прошли в Сенегале, Замбии, Лесото и Нигерии.

Все более ощутимой становится проблема соперничества между Китаем и некоторыми «третьемирскими» государствами и на внешнем рынке. Так, увеличение китайского экспорта текстиля в США лишает перспектив начавшийся было рост поставок в Америку аналогичной продукции из африканских стран. Можно сказать, что китайские торговые инициативы

«сбивают с орбиты» тех конкурентов, для которых выход на внешние рынки особенно необходим.

Однако не все африканские государства смиряются с таким положением дел. Так, в Кабо-Верде — одной из наиболее успешных африканских стран — правительство выдвинуло китайским инвесторам строгие требования по обязательному найму местного персонала и соблюдению экологических норм. Аналогичным образом поступили Ботсвана и Намибия³⁶.

На Западе китайское внедрение в Африканский регион расценивается как колониализм. Дискуссии о том, является ли китайское присутствие в Африке «неоколониализмом», периодически возобновляются и в ЮАР, и в других странах континента. Обвинения в колониализме основываются на стандартных признаках: китайцы в немалом количестве обосновываются в Африке, селятся там обособленными анклавами, вывозят природные ресурсы из принимающих стран, вытесняют местных производителей и торговцев с внутреннего рынка, а труд тех сравнительно немногих африканцев, которых они нанимают, оплачивают недостаточно даже по невысоким местным меркам.

Сами китайцы утверждают, что не просто эксплуатируют ресурсы Африки, но и помогают развитию Черного континента: строят инфраструктуру и промышленные объекты.

На данный момент аргументы обеих дискутирующих сторон имеют под собой реальные основания. Однако китайцы в Африке ведут себя отнюдь не как колонизаторы в традиционном понимании этого слова: они действительно инвестируют в экономический рост и социальную сферу африканских государств, строят там больницы, школы, направляют своих врачей и обучают местное население³⁷.

Китайцы работают в сельском хозяйстве, торговле и строительстве, в сфере общественного питания и готовы выполнять любую работу — от добычи нефти и реализации крупных инфраструктурных проектов до обслуживания малых и средних предприятий по производству обуви, тканей, мотоциклов, телевизоров и компакт-дисков. В отличие от европейцев, китайцы не боятся начинать с малого — с массажного салона или небольшого ресторана, пошивочной мастерской или аптеки — всего того,

что дает быструю, но небольшую финансовую отдачу. Китайцы согласны на такие жилищные условия и зарплаты, которые не подошли бы ни одному «неоколониатору» — выходцу с Запада³⁸. Китайские капиталовложения идут в высокорискованные сферы, т. е. те, в которые западные страны предпочитают не инвестировать и/или не считают их прибыльными.

Кроме того, в масштабах континента с населением 1 млрд человек нынешнее число китайских иммигрантов не представляется убедительным свидетельством «колонизации». Чтобы решить свои проблемы перенаселенности и высокого давления на экологию, Китаю, по оценкам его экспертов, надо организовать переезд в Африку 300 млн человек. Меньшее число переселенцев не имеет особого смысла в решении указанных проблем³⁹.

Да и экономическое присутствие в Африке китайских компаний по сравнению с западными международными монополиями остается скромным. По словам министра коммерции КНР Чэнь Дэмина, 36 % африканского экспорта нефти идет в Европу, 33 — в США и только 8,7 % — в Китай. «Если импорт нефти в 8,7 % считать колониальным грабежом, то как тогда называть те 36 % и 33 %?»⁴⁰.

Кроме того, Пекин уже пошел навстречу африканским странам, обеспокоенным китайской товарной и предпринимательской «экспансией» на Черном континенте, и ограничил экспорт текстиля в ряд государств Африки, обязался привлекать в свои экономические проекты на континенте больше местной рабочей силы, а также соблюдать экологические стандарты и правила охраны труда.

Текущий экономический кризис, выбивший из привычной колеи западный мир, не сказался столь драматично на внешнеэкономическом потенциале Китая. Поэтому фактически этот кризис предоставил африканскому континенту уникальную возможность реструктурировать международные партнерские отношения в пользу новых динамичных сил, в том числе Китая, и посредством этого улучшить свои позиции в быстро меняющемся мире.

Можно согласиться с тем, что взаимодействие с Китаем менее болезненно для Африки, ибо Пекин, в отличие от западных

стран, не сопровождается своим содействием требованиями либерализации и демократизации, деструктивными для африканских обществ. По мнению китайских историков, демократия усугубляет конфликты внутри африканских обществ, но, «к счастью, волна демократизации начала ослабевать»⁴¹.

Как уже говорилось, китайская модель развития сама по себе тоже обладает привлекательностью в глазах африканских правительств, поскольку она явственно свидетельствует о том, что не только «мировой Север», но и страны «мирового Юга» вполне способны успешно решать проблемы своего экономического роста и что авторитарное государство может обеспечить единство нации и хозяйственный рост даже в условиях полиэтничности, имущественного расслоения, неравномерности развития регионов и иных проблем, свойственных «третьем мире» странам⁴².

Стоит упомянуть, что Индия — еще одно бурно развивающееся государство и внешнеполитический соперник Китая — также старается реализовать свои интересы на африканском континенте. Причем, она делает это, применяя практически те же методы, что в свое время апробировал Китай. Так, в апреле 2008 г. в Дели состоялся первый форум индийско-африканского сотрудничества, организованный по примеру и с применением соответствующего опыта уже прошедших аналогичных китайско-африканских форумов. Как и Китай, Индия весьма заинтересована в африканских энергоносителях (уже сейчас одна только Нигерия обеспечивает 11 % индийских потребностей в нефти⁴³), намеревается получить доступ к нефтеносным районам Анголы и стремится нарастить объемы своего экспорта на Черный континент. По официальным прогнозам, индийско-африканский товарооборот увеличится к 2015 г. до 70 млрд долл. [торговля между сторонами выросла с 5 млрд долл. в 2001 г. до 35 млрд в 2008 г. (против 107 млрд долл. китайско-африканского товарооборота)]⁴⁴. По итогам форума Индия обязалась, начиная с 2009 г., удвоить в течение 5 лет объем кредитов для Африки до 5,4 млрд долл. и выделить ей в 6-летний срок 500 млн долл. на реализацию проектов в особо важных сферах⁴⁵. Дели заинтересован в голосах африканских

стран в вопросе постоянного представительства Индии в Совете Безопасности ООН.

Подобно Китаю, Индия представляет западных конкурентов неоколониалистами, суля африканским правительствам «истинное» равноправное и дружественное партнерство — не столько проекты эксплуатации природных богатств региона, сколько содействие в развитии технологичных отраслей. В действительности же, торговые соглашения, подписанные Индией с 30 африканскими странами, предусматривают, прежде всего, простой экспорт в Индию африканских нефти, угля, продукции сельского хозяйства, металлических руд, рыбы⁴⁶.

Россия в настоящее время стремится восстановить свои позиции на африканском континенте, утраченные в 1990-е годы. В 2008 г. российско-африканский товарооборот составил всего лишь 8,2 млрд долл., что почти в 10 раз меньше, чем торговля между Черным континентом и Францией. Однако несколько крупнейших российских компаний уже активно работают в Африке. Сферы сотрудничества пока ограничиваются сырьевыми отраслями, хотя есть примеры участия российских подрядчиков в сооружении объектов инфраструктуры⁴⁷.

По сравнению с Китаем и Индией, потребность РФ в африканских природных ресурсах не столь велика, но у Москвы существует интерес к продаже на континент российских вооружений и даже технологий по использованию мирного атома (в ЮАР). Также Россия хотела бы иметь возможность отслеживать доступ других стран к углеводородам региона путем создания совместных картелей с африканскими газо- и нефтепроизводителями. По понятным причинам Россия пока не спешит с массивными финансовыми вливаниями в Африку, что контрастирует с курсом Китая на масштабное инвестирование в экономику Черного континента. Поэтому пока позиции КНР в этой части «третьего мира» выглядят предпочтительнее⁴⁸.

В экономическом партнерстве с «третьим миром» китайские компании стали чаще использовать платеж по открытому счету, а не традиционную аккредитивную форму расчетов, что упрощает ведение дел, но не всегда гарантирует экспортеру оплату поставленного товара. Когда китайская сторона выступает

в качестве продавца, то она оказывается в более невыгодных условиях. Однако этой новой внешнеторговой практикой на волне финансового кризиса КНР продемонстрировала свое стремление играть более наступательную роль в международных финансах и даже предложила альтернативу американскому доллару в международных транзакциях.

Если китайский юань получит хождение как еще одно расчетное средство, то вполне логично, что Африка, внешняя торговля которой быстро смещается на восток, примет новые условия в своей внешнеэкономической практике. (Пока же внешняя торговля стран континента ведется в долларах, за исключением франкоговорящих государств Западной Африки.)⁴⁹ Таким образом, представляется, что «третий мир» в африканской его части вскоре может стать испытательным полигоном для нового финансового мультивалютного порядка, где доллар — уже не солирующая расчетная единица. Четыре страны-члены БРИК на своем саммите в апреле 2010 г. тоже выразили намерение изучить возможность ведения взаимных внешнеторговых расчетов в национальных валютах.

В целом же, делая ставку на адресные инвестиции в объекты инфраструктуры и избавляясь от «долларовой массы», Пекин конвертирует ее в сырьевые активы и таким образом — в укрепление своих геоэкономических и геополитических позиций⁵⁰.

Что касается латиноамериканского сегмента «третьего мира», то следует отметить, что для него Китай, с одной стороны, является конкурентом на международных товарных и инвестиционных рынках, но с другой — это его потенциальный инвестор, выгодный экономический партнер, дружественная великая страна — противовес Соединенным Штатам Америки и в то же время — глобальная держава, подобная США, требующая осторожного и внимательного подхода. Ряд стран усматривают в сотрудничестве с Китаем большие возможности: для таких государств, как Аргентина, Перу и Чили, Китай — «ненасытный» импортер товаров и стимулятор их экономического роста; для других (Мексика, Бразилия и центральноамериканские государства) Китай — конкурент, из-за которого эти страны теряют ра-

бочие места и иностранные инвестиции; для третьей группы — мощный идеологический союзник (Боливия, Куба, Венесуэла).

Дешевизна китайских товаров обрушила конкурентоспособность мексиканской и центральноамериканской продукции, привела к безработице в текстильной и электронной промышленности этих стран. Мексика была вынуждена принять против Китая протекционистские меры, которые, по оценкам, стоили КНР за последние 15 лет порядка 20 млрд долл.

Первоначальный энтузиазм Бразилии по поводу сотрудничества с Китаем также переживает не лучшие времена, даже несмотря на общее членство двух стран в БРИК. Эйфория по поводу продекларированного «стратегического партнерства» уступила место опасениям перед масштабами китайского импорта, способными потеснить бразильского производителя на внутреннем рынке, разочарованию, вызванному невыполнением КНР ее обещаний по объемам инвестирования в экономику Бразилии, а также нежеланием Пекина поддержать намерение этой латиноамериканской страны получить постоянное членство в Совете Безопасности ООН⁵¹.

Внедрение Китая в латиноамериканское политико-экономическое пространство, несомненно, влияет на процессы развития этого региона, но тем не менее, КНР пока еще не в силах заменить США в качестве первостепенного инвестора и донора стран континента. Так, в 2008 г. объем китайских инвестиций в регионе составил 12 млрд долл. против 300 млрд долл. американских капиталовложений. Объем внешнеторгового оборота США с Латинской Америкой в 10 раз превышает размеры китайско-латиноамериканских коммерческих связей⁵².

* * *

Итак, «третий мир» — весьма ценная и перспективная сфера реализации китайских *экономических* инициатив. Для сотрудничества КНР и развивающихся стран существуют объективные предпосылки: богатые природно-сырьевые ресурсы «третьего мира», столь необходимые Китаю, наличие реальной взаимодополняемости экономик партнеров и использование ими эффек-

та «сравнительных преимуществ» друг друга по принципу: «углеводороды развивающихся стран в обмен на готовую продукцию и инвестиции Китая».

Важным «идеологическим» фактором сотрудничества Китая и «третьего мира» является сходство стоящих перед обеими сторонами хозяйственных задач по модернизации экономики, борьбе с бедностью, оптимизации условий международной экономической кооперации при сохранении политической стабильности.

В настоящее время наиболее перспективным объектом китайских внешнеэкономических усилий в «третьем мире» является Африка.

Несмотря на некоторое ослабление политико-экономического интереса к африканскому континенту со стороны ведущих западных держав в конце XX — начале XXI в., рано или поздно все африканские ресурсы окажутся востребованными, и КНР, прекрасно осознавая это, стремится «застолбить африканский участок» уже сейчас.

Сам факт интенсификации сотрудничества с Китаем позволяет государствам «третьего мира» улучшать свои переговорные позиции в диалоге с западными державами и международными политическим и экономическим институтами.

На наш взгляд, взаимодействие развивающихся стран с КНР ныне имеет для них больше преимуществ, нежели отрицательных сторон. Однако кто знает, как поведет себя Китай в «третьем мире», став новой «сверхдержавой»? Не повторит ли он ошибки колонизаторов прежних времен, соблазнившись шансом не только доминировать в экономической жизни менее успешных стран, но и возможностью вмешательства в их внутренние дела?

Примечания

¹ Declaração dos BRIC em Brasília (em ingles) // O Globo (Rio de Janeiro). 16.04.2010.

² XVII съезд КПК. Официальные документы: Политический доклад ЦК и Устав партии / Экспресс-информация. № 11. М.: ИДВ РАН, 2007. С. 55, 56.

³ См.: <http://ru.china-embassy.org/rus/xwtd/t248530.htm>; <http://news.bbc.co.uk/go/pr/fr/-/2/hi/africa/7086777.stm> и ИТАР-ТАСС. 07.02.2007 из Претории.

⁴ Выступление Ху Цзиньтао на встрече лидеров «Большой восьмерки» с руководителями развивающихся стран (08.06.2007, Хайлигендамм, ФРГ). URL: www.chinaembassy-canada.org/rus/wjdt/zyjh/t330306.htm.

⁵ См.: www.chinaembassy-canada.org/rus/wjdt/zyjh/t330306.htm; <http://ru.china-embassy.org/rus/xwtd/t248530.htm>.

⁶ См.: Фроленков В.С. Современные торгово-экономические отношения КНР с центральноазиатскими странами-членами ШОС и Туркменистаном. М., 2009. С. 50—51.

⁷ Китайский информационный Интернет-центр // http://russian.china.org.cn/government/archive/baipishu/txt/2003-12/23/content_2095884.htm.

⁸ См.: Фроленков В.С. Указ. соч. С. 52, 53.

⁹ Томберг Р. Сырьевой вояж китайского председателя. URL: <http://www.fondsk.ru/print.php?id=1935>.

¹⁰ Миловзоров А. Китайское «экономическое чудо» пошло на экспорт. URL: <http://www.utro.ru/articles/2009/11/17/852834.shtml>

¹¹ Sautman B., Yan Hairong. Trade, investment, power and the China-in-Africa discourse. URL: http://www.pambazuka.org/en/category/africa_china/61253.

¹² <http://www.ipsnews.net/news.asp?idnews=50468>.

¹³ Там же.

¹⁴ <http://www.warandpeace.ru/ru/commentaries/vprint/33006/>.

¹⁵ Там же.

¹⁶ http://www.redstar.ru/2009/11/18_11/2_05.html.

¹⁷ Миловзоров А. Указ. соч.

¹⁸ Там же, а также: URL: <http://www.china-power-contractor.cn>.

¹⁹ http://www.pambazuka.org/en/category/africa_china/62202; <http://www.utro.ru/articles/2009/11/09/850919.shtml>; <http://www.china-power-contractor.cn>.

²⁰ <http://www.fondsk.ru/print.php?id=1935>; Балмасов С. Китай стремительно «захватывает» страны третьего мира. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1232554560>.

²¹ Foster V., Butterfield W., Chuan Chen, Pushak N. Building Bridges: China's Growing Role as Infrastructure Financier for Sub-Saharan Africa. World Bank Executive Summary. 2008. July. P. 3—4.

²² *Бюсселен Т.* Китай в Африке: новая колонизация или важный вклад в развитие африканской экономики? URL: <http://www.left.ru/2009/6/busselen188.phtml?print>.

²³ <http://www.left.ru/2009/6/busselen188.phtml?print>.

²⁴ *Бюсселен Т.* Указ. соч.

²⁵ Там же.

²⁶ <http://www.left.ru/2009/6/busselen188.phtml?print>.

²⁷ *Деминцева Е., Федюкин И.* Китайская экспансия в Африке // Pro et Contra. 2008. Март—июнь. С. 108.

²⁸ Там же.

²⁹ <http://www.dailymail.co.uk/news/worldnews/article-1036105/How-China-s-taking-Africa-West-VERY-worried.html#>.

³⁰ http://www.pambazuka.org/en/category/africa_china/62202.

³¹ <http://www.timeslive.co.za/business/article246586.ece>.

³² *Деминцева Е., Федюкин И.* Указ. соч. С. 111; *Миловзоров А.* Указ. соч.; URL: <http://www.timesonline.co.uk/tol/news/world/africa/article3319909.ece>.

³³ <http://www.timesonline.co.uk/tol/news/world/africa/article3319909.ece>.

³⁴ <http://yaleglobal.yale.edu/content/china%E2%80%99s-soft-power-africa-could-have-hard-results>.

³⁵ Там же.

³⁶ <http://yaleglobal.yale.edu/content/china%E2%80%99s-soft-power-africa-could-have-hard-results>.

³⁷ См.: *Миловзоров А.* Указ. соч.

³⁸ <http://www.timesonline.co.uk/tol/news/world/africa/article3319909.ece>; Pro et Contra. 2008. Март—июнь. С. 111.

³⁹ <http://www.timesonline.co.uk/tol/news/world/africa/article3319909.ece>.

⁴⁰ Приводится по: *Бюсселен Т.* Указ. соч.

⁴¹ Приводится по: Pro et Contra. 2008. Март—июнь. С. 112.

⁴² См.: *Деминцева Е., Федюкин И.* Указ. соч. С. 112.

⁴³ Pro et Contra. 2008. Март—июнь. С. 115.

⁴⁴ <http://www.hindu.com/thehindu/holnus/001200901191540.htm>; <http://store.businessmonitor.com/article/337523/>; *Деминцева Е., Федюкин И.* Указ. соч. С. 115.

⁴⁵ <http://www.hindu.com/thehindu/holnus/001200901191540.htm>.

⁴⁶ Pro et Contra. 2008. Март—июнь. С. 115.

⁴⁷ *Новиков И.* «Борьба за Африку»: новые измерения // Красная звезда. 18.11.2009.

⁴⁸ <http://www.ipsnews.net/news.asp?idnews=50468>.

⁴⁹ <http://www.guardian.co.uk/commentisfree/2009/nov/05/china-africa-aid-investment-fear/print>; http://www.pambazuka.org/en/category/africa_china/62202.

⁵⁰ Красная звезда. 18.11.2009.

⁵¹ http://www.pinr.com/report.php?ac=view_report&report_id=508&language_id=1.

⁵² Там же; <http://blog.finetik.com/2010/01/27/china-latin-america-the-decade-of-the-panda>.

А. Ч. Мокрецкий*

СОВРЕМЕННЫЕ КИТАЙСКО-АФРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: УСКОРЕНИЕ РАЗВИТИЯ

Китайско-африканские отношения имеют долгую, освященную веками историю, отмеченную периодами как спада, так и быстрого подъема. С начала текущего века эти отношения переживают этап особого, энергичного и многовекторного развития, и события последних лет служат очередным свидетельством этому. Так, 2008 год был ознаменован ростом взаимодействия в политической сфере и дальнейшей институционализацией кооперационных процессов благодаря совершенствованию юридической базы совместных крупномасштабных проектов. Значительно увеличился торгово-экономический обмен. На африканском направлении китайские компании сделали новый важный шаг в осуществлении «выхода во вне» — официальной внешнеэкономической стратегии КНР. По мнению сторон, сотрудничество Китая и государств Африки является успешным примером развития кооперации по линии «Юг—Юг».

Вместе с тем китайско-африканские отношения не лишены и определенных трудностей. Учитывая это обстоятельство и стремясь повысить жизнеспособность и долгосрочность взаимодействия со странами африканского континента, КНР ставит

* Мокрецкий Александр Чеславович, аспирант Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений ИДВ РАН.

перед собой задачу развития кооперационных механизмов как на двустороннем, так и многостороннем уровнях.

Китайские исследователи отмечают следующие достижения в развитии китайско-африканских связей:

1. *Интенсификация политических контактов и углубление взаимного доверия.* Так, в 2008 г. Китай и Африка предприняли новые совместные шаги по претворению в жизнь решений Пекинского саммита, состоявшегося в ноябре 2006 г. в рамках Форума китайско-африканского сотрудничества (Форум «Китай—Африка»). В октябре в Египте (Каир) прошла 6-я официальная встреча в рамках Форума, в которой приняли участие представители КНР, 48 африканских стран — членов Форума, а также ряда региональных организаций. Участники встречи подвели промежуточные итоги Плана действий Пекинского саммита и приняли решение провести 4-ю министерскую конференцию Форума (состоялась в египетском Шарм-эль-Шейхе в конце 2009 г.), а также 7-ю, очередную, встречу официальных лиц, уделив особое внимание обсуждению вопросов сотрудничества в области сельского хозяйства, обеспечения продовольственной безопасности и сооружения инфраструктуры.

Укреплению взаимного доверия и сотрудничества сторон способствует регулярный делегационный обмен различных уровней и форматов. За последние годы практически все высшие руководители КНР посетили Африку, а их африканские коллеги были приняты в Китае. В феврале 2009 г. председатель КНР Ху Цзиньтао во время своего визита в Мали, Сенегал, Танзанию и на Маврикий неоднократно подчеркивал, что КНР в целях оказания помощи странам Африканского региона будет честно выполнять обязательства, зафиксированные в документах Пекинского саммита 2006 г., уменьшит или полностью аннулирует задолженность Китаю наименее развитых стран, увеличит взаимный товарооборот, нарастит объем инвестиций в африканскую экономику и предпримет новые конкретные шаги по расширению практического взаимодействия с государствами континента.

Выступая на церемонии открытия 4-й министерской встречи в рамках Форума «Китай—Африка», премьер Госсовета КНР

Вэнь Цзябао огласил 8 мер по содействию китайско-африканскому сотрудничеству. В их числе были названы: налаживание китайско-африканского партнерства по противодействию климатическим изменениям; усиление кооперации в сферах науки, техники и финансов; расширение доступа африканской продукции на китайский рынок и постепенное обнуление импортных пошлин на 95 % продукции наименее развитых африканских стран, установивших дипломатические отношения с КНР (начиная с 60 % в 2010 г.)¹; укрепление взаимного сотрудничества в области сельского хозяйства, медицины, людских ресурсов и образования (рис. 1).

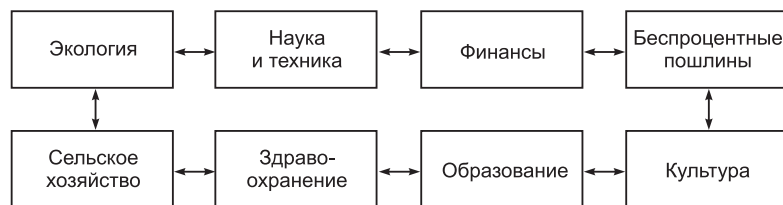

Рис. 1. Восемь мер по содействию китайско-африканскому сотрудничеству²

2. *Взаимодействие в важных международных и внутренних делах.* Как подчеркивают китайские эксперты, КНР всегда поддерживала страны Африки в вопросах обеспечения мира и стабильности и играла самую активную роль в наиболее важных делах, имеющих непосредственное отношение к африканскому континенту, таких, например, как ситуация в суданской провинции Дарфур. В июле 2008 г. для участия в совместной операции Африканского союза (АС) и ООН в Дарфур были командированы 72 китайских специалиста по техническому обеспечению. В целом, на «дарфурском» направлении оказались задействованными 315 китайских военнослужащих, впоследствии удостоенных почетных медалей ООН.

В июле 2008 г. прокурорами гаагского Международного суда (МС) были выдвинуты обвинения в военных преступлениях президенту Судана Омару Х.А. аль-Баширу, а также требования к МС арестовать суданского лидера. В связи с этим официаль-

ный Пекин опубликовал свою позицию, выразив убежденность в том, что арест Омара Х.А. аль-Башира серьезно подорвет взаимное политическое доверие и сотрудничество между ООН и правительством Судана, вдохновит повстанческие организации на новые силовые действия и усугубит и так сложную и нестабильную ситуацию в Дарфуре. Ввиду этого КНР призвала Совет Безопасности ООН принять скорейшие меры по недопущению ареста суданского президента. Ссылаясь на необходимость реформы СБ ООН, Пекин подчеркнул, что Совет должен учитывать позицию Африки и тем самым — повысить ее политический авторитет в международных делах.

Кроме того, КНР продолжает настаивать на том, чтобы в целях противодействия глобальному финансовому кризису ООН уделила самое пристальное внимание положению в развивающихся странах, особенно на африканском континенте, а развитые государства не сокращали свою помощь этим государствам.

Африканские страны продолжают поддерживать Китай в вопросах, имеющих для него первостепенную важность, таких, как тайваньская и тибетская проблемы. Многими государствами континента была подтверждена их приверженность «политике одного Китая». В 2008 г. тогдашний председатель Африканского союза Альфа О. Конаре отмечал, что АС имеет четкую и последовательную позицию по вопросу о Тайване, придерживается принципа «одного Китая» и неуклонно поддерживает правительство КНР в вопросе о недопущении вступления Тайваня в ООН.

В ответ на волнения в Тибете в марте 2008 г. официальные представители Сьерра-Леоне, Бенина и Центральной Африканской Республики заявили, что их правительства выступают против насилия, совершаемого «горсткой людей» в целях подрыва общественной стабильности в Тибете и повлекшего гибель невинных граждан и материальный ущерб. Они поддерживают законные действия правительства КНР в разрешении данной ситуации и юридическом преследовании бунтовщиков и их сообщников, использовавших мятеж как средство срыва Олимпийских игр 2008 г. в Пекине.

12 глав государств и более 40 министров из стран Африки присутствовали на церемонии открытия Олимпиады. Африканские государства выразили сочувствие китайской стороне в связи с разрушительным землетрясением в пров. Сычуань. Несмотря на всю серьезность экономических проблем, стоящих перед африканским континентом, многие из его государств направили на цели восстановления Сычуани великодушную безвозмездную помощь, сумма которой к концу августа 2008 г. превысила 78 млн юаней.

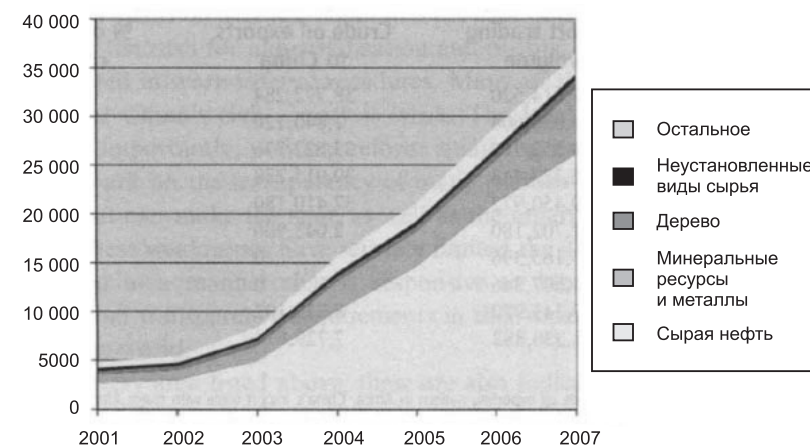
3. *Эффективность усилий, направленных на совместное развитие.* Китай подчеркивает важность согласования усилий в деле улучшения китайско-африканских отношений и содействия совместному развитию. Согласно данным Главного таможенного управления КНР, торговля между Китаем и африканским континентом достигла в 2008 г. рекордного уровня, впервые преодолев рубеж в 100 млрд долл. и составив 106,84 млрд долл. В 2008 г. объем взаимного товарооборота показал прирост в 45,1 %, что на 12,2 % выше, чем в 2007 г. Китайский экспорт в Африку достиг 50,84 млрд долл. (прирост 36,6 %), а импорт — 56 млрд (прирост 54 %). Вследствие значительного увеличения импорта из стран континента, в 2008 г. Китай свел сальдо своего торгового баланса с Африкой с дефицитом в 516 млн долл., против 940 млн долл. положительного для него сальдо в 2007 г.

Число африканских стран — торговых партнеров КНР выросло с 14 в 2007 г. до 20 в 2008 г. Ангола оставалась крупнейшим внешнеторговым контрагентом Китая на Черном континенте. ЮАР — 2-й по значению африканский торговый партнер КНР и крупнейший в регионе рынок сбыта китайских товаров.

В целях увеличения поставок из наименее развитых африканских стран Китай отменил импортные пошлины на более чем 10 видов товаров, в том числе на сельскохозяйственную продукцию, драгоценные камни, минералы, выделанную кожу, текстиль и швейные изделия, электромеханические товары и деревянную мебель, пользующуюся наибольшим спросом и импортируемую из 31 страны. К ноябрю 2008 г. прибыль афри-

канской стороны от введения льготных тарифов на ее товары оценивалась в 680 млн долл. По расчетам специалистов, китайско-африканская торговля обеспечила 20%-ный рост ВВП африканского континента.

О номенклатуре африканских товаров, подпадающих под режим льготной тарификации, а также о динамике роста китайских закупок можно судить по данным, приведенным на рис. 2.

Рис. 2. Структура китайского импорта из стран Африки, 2001—2007 гг., долл.
Примечания. В 2007 г. сырая нефть составляла 72 % африканского экспорта в Китай и только 4 % — неосновные виды сырья.

Источник: The China Quarterly, 199. September 2009. P. 592.

Китай постоянно наращивает объемы экономического содействия африканским странам. Сотрудничество в области сельского хозяйства, трудовых ресурсов, здравоохранения, социального развития, образования и др. достигло заметных результатов. За период с 2007 г. КНР подписала договоры о взаимной помощи с 48 и рамочные соглашения с 22 африканскими государствами, в том числе 33 проекта концессионных договоров.

С 32 странами континента подписаны протоколы о сокращении суммы их задолженности Китаю; полностью аннулиро-

ваны 150 долговых обязательств. В КНР прошли обучение почти 11 тыс. африканских специалистов. В 2009 г. в 35 стран Африки было командировано 100 китайских агрономов и агротехников. Китай планирует осуществить проекты по строительству 14 агрономических центров, большинство из которых прошли стадию проектирования и готовы к реализации. Проекты почти половины больниц из общего числа планируемых для строительства уже были одобрены общественностью.

Премьер Госсовета Вэнь Цзябао отметил, что, несмотря на значительное воздействие глобального финансового кризиса на мировую экономику, КНР не уменьшит объемы помощи африканским странам, будучи готовой поддерживать с ними тесные контакты в ходе реформирования международной финансовой системы.

В связи с тем, что неразвитость инфраструктуры в Африке серьезно сдерживает экономическое и социальное развитие континента, КНР оказывает ему постоянное содействие в инфраструктурном строительстве. В январе 2009 г. было подписано *Соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве между Китайской Народной Республикой и Африканским союзом*, в котором правительство КНР подтвердило свое намерение предоставить АС помощь в сооружении конференц-центра. Строительство началось в конце 2008 г. и, по планам, завершится в 2011 г. Оно является значительным вкладом в дело успешного функционирования АС и приветствуется африканскими странами.

Растут китайские капиталовложения в экономику стран Черного континента. К концу 2008 г. объем китайских ПИИ (прямых иностранных инвестиций) в Африке превысил 5 млрд долл. В целях поощрения и поддержки капиталовложений китайских компаний (общим объемом 400 млн долл.) в 20 проектов, предназначенных для реализации на африканском континенте, был создан Китайско-африканский фонд развития. Благодаря этому, суммарные инвестиции китайских компаний на африканском направлении достигли 2 млрд долл. В начале 2009 г. министр коммерции КНР Чэнь Дэмин объявил, что Фонд постепенно увеличит свои ресурсы до 5 млрд долл.

В настоящее время строятся зоны торгово-экономического сотрудничества (ЗТЭС) «Замбия—Китай», «Нигерия—Гуандун», зона свободной торговли «Лекки» в Нигерии, Суэцкая зона торгово-экономического сотрудничества в Египте и Восточный промышленный парк в Эфиопии. Строительство подзоны «Лусака», входящей в состав ЗТЭС «Замбия—Китай», официально стартовало в замбийской столице в январе 2009 г. В феврале 2009 г. начались конструкторские работы по сооружению очередного моста в г. Бамако (Мали), которые финансируются китайской стороной и являются крупнейшим инженерным проектом социального значения. Партнером, ответственным за строительство, выступает китайская компания Gezhouba Group International.

4. *Культурные обмены.* Китайско-африканское сотрудничество продолжает свое интенсивное развитие в самых различных областях, включая культурные обмены. Делегации африканских правительственных структур, ответственных за культурную сферу, регулярно наносят визиты в Поднебесную. В 2008 г. был укреплен юридический фундамент взаимодействия сторон в этой области — состоялось подписание Протокола к Программе сотрудничества в сфере образования и культуры и обменов на 2008—2010 гг. между Китаем и Нигерией; планов по реализации соответствующих культурных соглашений на 2008—2010 гг. между Китаем и Камеруном, а также Китаем и Мали; Соглашения о культурном сотрудничестве между КНР и Анголой. Эти документы предусматривают осуществление обменов и проектов не только в таких областях, как культура и сохранение ее наследия, но и в образовании, СМИ, туризме и спорте. В настоящее время в 14 африканских странах работает 21 институт Конфуция.

Вместе с тем китайские аналитики констатируют, что в отношениях КНР с государствами Африки существует ряд проблем. Среди них называются:

Несовпадение интересов некоторых африканских производителей и китайских экспортеров. Хотя КНР и придерживается принципа взаимной выгоды в торгово-экономическом сотрудничестве со странами Черного континента, тем не менее, пред-

ставители ряда организаций и деловых кругов Африки утверждают, что дешевизна китайских товаров делает невыгодным изготовление аналогичной продукции в регионе и тем самым наносит немалый ущерб местным производителям. Ими высказывается мнение и о том, что Китай намеренно препятствует доступу на рынки США и Европы конкурирующих африканских товаров, еще больше усугубляя положение в местной промышленности.

Экономический советник Всемирного банка по делам Африканского региона Г. Брудман в своей книге «Африканский шелковый путь» проводит мысль о том, что там, где пересекаются и переплетаются интересы Китая, Индии и стран Африки, появляется «новая граница». Растущий спрос на африканские товары быстро увеличивающегося среднего класса Индии и Китая способен дать значительный импульс развитию экономик Черного континента. Ввиду этого новый «африканский шелковый путь» предоставляет региону отличную возможность ускорить как процессы его интеграции в мировое хозяйство, так и экономический рост³. Направления же такой интеграции были обозначены в докладе А.Т. Керни, американского специалиста по вопросам управления, который для описания основ функционирования вероятного нового общего рынка использовал термин «Chimea» (Chi+me+a). Под «Chi» им подразумеваются технологии, инвестиции и рынок сбыта Китая и Индии, под «me» — капиталовложения и нефть из стран Ближнего Востока, а под «a» — африканское сырье⁴.

КНР предпринимает настойчивые шаги по совершенствованию деятельности и управленческой структуры своих компаний, функционирующих в Африке. Тем не менее, как признает сама китайская сторона, некоторые ее компании стремятся получить неоправданно высокую прибыль, при этом ведут себя недостойно, что наносит ущерб их деловому имиджу. Например, существуют фирмы, которые нарушают стандарты качества и вбрасывают на африканский рынок поддельные или низкосортные товары. А некоторые компании при реализации крупных проектов не только не следуют международным правилам и сложившейся деловой практике, но и пренебрегают

мерами природоохранного плана, нанося ущерб интересам устойчивого развития страны пребывания.

Непредсказуемость политической обстановки, а также поведения правящих элит некоторых государств Черного континента. Китайские политологи сетуют, что африканские страны, крайне обеспокоенные проблемой своей внешней задолженности, порой теряют чувство реальности и обращаются к Китаю за финансовым содействием необоснованно больших объемов.

Кроме того, ряд африканских лидеров нового поколения, не обладающих достаточными знаниями истории двусторонних отношений, иногда демонстрируют предвзятое отношение к Китаю. В государствах с еще несформировавшейся демократической системой оппозиционные партии в ходе внутригосударственной борьбы злонамеренно используют проблемы диалога с Китаем как средство нападок на властные структуры.

В Африке существуют неправительственные организации (НПО), которые, находясь под влиянием стран Запада и получая от него финансовую поддержку, проявляют необъективный подход к международной деятельности Китая, к процессам китайско-африканского взаимодействия. В ряде СМИ публикуются материалы сугубо прозападной направленности.

Учитывая все эти обстоятельства, КНР уделяет пристальное внимание вопросам, связанным с внутривластной ситуацией в странах африканского континента, и прилагает усилия по установлению и оптимизации отношений с африканскими НПО, профсоюзами и СМИ.

Растущее вмешательство западных стран во внутренние дела африканского континента. По утверждению китайских экспертов, крупные западные державы, зачастую относясь к странам Черного континента как к своим «задворкам», предпринимают активные попытки монополизировать доступ к природным ресурсам Африки, отказываются поступиться собственной прибылью и отдать должное растущему влиянию и интересам КНР в регионе. США и другие страны Запада всячески муссируют тезис о «китайской угрозе» Черному континенту, сеют разногласия в китайско-африканские отношения, пытаются сдержать их развитие.

Нетрадиционные угрозы безопасности. Ситуация в сфере безопасности в ряде стран Африки характеризуется китайскими исследователями как «ужасающая». Похищения, убийства и другие преступления, совершенные в отношении персонала иностранных миротворческих контингентов, а также специалистов, ослабляют доверие к некоторым африканским правительствам со стороны мирового сообщества. Китайские граждане тоже становятся жертвами подобных правонарушений. Так, только за январь—март 2008 г. было зафиксировано 3 случая похищения китайских нефтяников в Нигерии. В том же году в Огадене (Эфиопия) в результате нападения группы вооруженных людей на принадлежащее китайской компании нефтяное месторождение, 9 китайских специалистов нефтеразведки были убиты и 7 — захвачены, а в центрально-суданской пров. Южный Кордофан 9 служащих компании Sinorec были взяты в заложники. (В ходе спасательной операции удалось освободить только 4 из них.)

Участились пиратские рейды в морских водах близ Сомали. Китайские моряки не раз становились жертвами захвата, некоторые из них были убиты. В целях предотвращения подобных инцидентов правительство КНР приняло меры по военному конвоированию торговых судов.

В заключение следует отметить: несмотря ни на что, КНР намерена и впредь продолжать курс на дружбу и долгосрочное сотрудничество с государствами Черного континента, тем самым создавая предпосылки для дальнейшего успеха своей практической деятельности в Африканском регионе.

Направляя инвестиции и финансовую помощь в страны Африки, Пекин в то же время отдает себе полный отчет в необходимости анализа и устранения проблем, возникающих на пути китайско-африканского диалога в новых условиях, а также важности постоянных усилий по приданию этому диалогу еще более прочной и стабильной основы. По мнению китайской стороны, устойчивость и надежность отношений КНР и государств Африки благоприятствуют не только интересам их народов, но и всего международного сообщества в целом.

Примечания

¹ Yan Wei. Partners in Need // Beijing Review. Nov. 19.11.2009, Vol. 52. № 46. P. 12—13; URL: http://www.bjreview.com.cn/world/txt/2009-11/16/content_229821_3.htm.

² Синьхуа. 09.11.2009. Подробнее см. также: Чжунго вайцзяо 2007 няньбань // Чжунхуа жэньминь гунхэго вайцзяобу чжэнцхэ яньцзиу сыбянь. Бэйцзин: Шицзе чжиши чубаньшэ, 2007.

³ Broadman Harry G. Africa's Silk Road: China and India's New Economic Frontier. Wash.: World Bank Publications, 2007.

⁴ Приводится по: Ma Zongshi. Some Thoughts on «Harmonious Globalization» // Contemporary International Relations. 2008, Vol. 18. Nov. — Dec. № 6. P. 44.

В. И. Трифонов*

О РАЗВИТИИ ДИАЛОГА МЕЖДУ ПЕКИНОМ И ТАЙБЭЕМ И ЕГО ВЛИЯНИИ НА КИТАЙСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

I

Победа партии Гоминьдан на парламентских (январь 2008 г.) и президентских выборах (март 2008 г.) привела к существенным изменениям в отношениях между Пекином и Тайбэем. Завершился период острой напряженности между сторонами, связанный с пребыванием у власти Демократической прогрессивной партии (ДПП) с ее планами провозглашения независимости Тайваня. С возвращением к административному рулю Гоминьдана, придерживающегося более трезвых позиций и настроенного на компромисс с Пекином, заметно снизилась напряженность в зоне Тайваньского пролива, потеплела атмосфера в двусторонних связях, повысились шансы на достижение взаимоприемлемых договоренностей.

В инаугурационной речи 20 мая 2008 г. новый глава тайваньской администрации Ма Инцзю четко обозначил парамет-

* *Трифонов Виктор Иванович*, Чрезвычайный и Полномочный Посол, с.н.с. Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений ИДВ РАН.

ры политики, которой намерен придерживаться Тайбэй во взаимоотношениях с материком: «Я искренне надеюсь, — заявил он, — что две стороны Тайваньского пролива смогут использовать эту историческую возможность для достижения мира и процветания. В соответствии с принципом “нет объединению, нет независимости и нет применению силы”, разделяемому большинством тайваньского общества, мы будем придерживаться статус-кво в Тайваньском проливе». Ма Инцзю подчеркнул, что «в разрешении вопросов отношений через пролив значение имеет не суверенитет, а основополагающие ценности и образ жизни. Нас заботит благосостояние 1,3 млрд жителей материкового Китая, и мы надеемся, что материковый Китай будет продолжать движение в сторону свободы, демократии и процветания всего народа. Это проложит дорогу к долгосрочному мирному развитию отношений через пролив»¹.

Сразу же после вступления Ма Инцзю в должность были предприняты активные шаги по возобновлению взаимного диалога. В течение 2008 г. состоялся ряд встреч в межпартийном формате с участием высших руководителей сторон. В ходе ежегодного Боаоского азиатского форума (о. Хайнань, КНР) 12 апреля 2008 г. председатель КНР Ху Цзиньтао принял вице-президента Тайваня Сяо Ваньчана. 28 мая в Пекине состоялась встреча Ху Цзиньтао с председателем Гоминьдана У Босюном. 6 ноября президент Ма Инцзю принял в Тайбэе председателя Ассоциации отношений между берегами Тайваньского пролива Чэнь Юньлиня. 21 ноября во время саммита АТЭС в Лиме Ху Цзиньтао встретился с возглавлявшим тайваньскую делегацию бывшим вице-президентом Тайваня, почетным председателем Гоминьдана Лянь Чжанем.

Курс на дальнейшее мирное развитие отношений между берегами пролива был закреплен в принятой на XVIII съезде Гоминьдана (17 октября 2009 г.) новой политической программе партии (расширение контактов, нормализация торгово-экономических связей, «прекращение войны в дипломатической области, чтобы обе стороны могли вместе принимать участие в деятельности международных организаций»)². На съезде состоялось официальное вступление в должность председателя

партии Гоминьдан Ма Инцзю, утвержденного на этот пост еще в июле, что создало необходимые предпосылки для организации встречи на уровне Ху Цзиньтао—Ма Инцзю. Ху Цзиньтао поздравил Ма Инцзю в связи с новой должностью, а также У Босюна с избранием на пост почетного председателя Гоминьдана³. В ответах на поздравления Ма Инцзю призывал Пекин «считаться с реальностью» и указывал на то, что стороны должны относиться друг к другу «как к равным»⁴.

Прошло 4 раунда переговоров руководителей структур, отвечающих за налаживание связей между сторонами пролива (Ассоциация отношений между берегами Тайваньского пролива и тайваньский Фонд обменов через пролив), в результате которых были выработаны соглашения об установлении прямого авиационного, морского и почтового сообщения между Тайванем и материком. Пекин открыл для этого 63 морских и речных порта, а также 21 аэродром в крупнейших городах КНР. Соответствующие ответные шаги осуществил Тайбэй⁵. С 15 декабря 2008 г. началась практическая реализация указанных договоренностей. Кроме того, было подписано соглашение о механизме контроля за качеством ввозимых пищевых продуктов, предусмотрены меры по облегчению туристических поездок на Тайвань из КНР. Жители Тайваня уже давно и активно ездят на материк. Теперь этот поток еще более увеличится, так как планируется ослабление введенных ранее Тайбэем ограничений на поездки тайваньских чиновников. Что касается КНР, то, по данным Министерства транспорта и коммуникаций Тайваня, за первые 10 месяцев 2009 г. было совершено 760 тыс. поездок на Тайвань материковых китайцев и 597 тыс. посещений Тайваня жителями Сянган (Гонконга) и Аомыня (Макао)⁶. Разрабатываются меры по либерализации условий для инвестиций КНР на Тайване. В июне 2009 г. Тайбэй объявил об открытии 100 объектов для вложения материковых инвестиций на Тайване. Были разработаны специальные правила, регулирующие такие инвестиции⁷.

22 декабря 2009 г. на Тайване состоялся 4-й раунд переговоров сторон, по итогам которого подписаны 3 новых соглашения: о предоставлении услуг в сфере рыболовства, осуществлении ка-

рантинного контроля над сельхозпродукцией, взаимодействии в сфере стандартизации и сертификации промышленной продукции (всего по итогам 4 раундов между сторонами было заключено 12 соглашений). Вместе с тем было отложено подписание соглашений об избежании двойного налогообложения и о сотрудничестве в налоговой сфере. Достигнута договоренность, что на следующей встрече, которая пройдет в первой половине 2010 г. в КНР, основное внимание будет сосредоточено на выработке рамочного соглашения об экономическом сотрудничестве между берегами пролива (ЕСФА), заключению которого обе стороны придадут большое значение. Серьезным побудительным мотивом для Тайбэя торопиться с его подписанием стало официальное вступление в силу с 1 января 2010 г. зоны свободной торговли между КНР и АСЕАН, а также между АСЕАН и Южной Кореей, что ставит Тайвань в неравное положение в торговой сфере по сравнению с его основными конкурентами в регионе. В тайваньской администрации также надеются, что заключение указанного соглашения с КНР откроет для Тайваня дорогу для подписания подобных соглашений с другими партнерами в регионе, позволит Тайбэю подключиться к зоне свободной торговли в рамках АСЕАН и к другим экономическим проектам в АТР.

На Тайване отмечают определенный отход КНР от жесткой линии на изоляцию острова в международных делах. Продолжая твердо противодействовать любым шагам, которые поставили бы Тайбэй в один ряд с суверенными нациями, Пекин несколько шире приоткрыл дверь для участия Тайваня в практической деятельности ряда международных организаций экономического и гуманитарного характера. Ранее Тайбэй был допущен в АТЭС, ВТО, АБР, а также олимпийское движение, где КНР согласилась с участием Тайбэя под «вывеской» «Китайский Тайбэй», и «отдельная таможенная территория Тайвань, Пэнху, Цзиньмэнь и Мацзу» — для ВТО. Сейчас Пекин перестал возражать против участия Тайваня в работе Всемирной организации здравоохранения в качестве наблюдателя, чего Тайбэй упорно добивался все последние годы (этот шаг Пекина вызвал на Тайване особенно положительную реакцию). В результате представительная тайваньская делегация прибыла на

майскую (2009 г.) сессию Всемирной ассамблеи ВОЗ под именем «Китайский Тайбэй». Направлено приглашение Тайваню принять участие в качестве наблюдателя в 63-й сессии Всемирной ассамблеи ВОЗ, которая состоится в 2010 г.

Соответственно изменил свою тактику и Тайбэй. Как подчеркнул Ма Инцзю в национальном послании от 10 октября 2009 г. (годовщина образования Китайской Республики), «в том, что касается нашей стратегии вновь войти в систему ООН, то с прошлого года мы отказались от бесполезной конфронтации и приняли на вооружение, в качестве приоритетной цели, участие в специализированных учреждениях ООН и в деятельности этих учреждений»⁸. В настоящее время Тайбэй сосредоточил усилия на том, чтобы принять участие в какой-либо форме в работе Международной организации гражданской авиации (ИКАО) и в Рамочной конвенции ООН по изменению климата.

Достаточно спокойно смотрит Пекин на неофициальные связи Тайбэя с ведущими странами мира, где Тайвань открыл многочисленные неправительственные офисы и создал организации (примерно в 140 странах); 48 стран имеют на Тайване 58 неофициальных представительств, действующих под разного рода названиями⁹ и на сохранившиеся дипломатические отношения Китайской Республики с небольшим количеством государств (23 государства Африки, Латинской Америки, Океании, а также Ватикан, что, тем не менее, позволяет Тайбэю поддерживать статус «легитимной международной структуры»). Как утверждают на Тайване, Пекин стал воздерживаться от целенаправленных попыток «перетянуть» на свою сторону страны, поддерживающие дипломатические отношения с Тайбэем. Достаточно мягкой была реакция Пекина на визит в конце августа 2009 г. далай-ламы на Тайвань. Тибетский духовный лидер посетил южные районы Тайваня, сильно пострадавшие от последствий мощного тайфуна. Ма Инцзю, однако, уклонился от встреч с далай-ламой и его окружением¹⁰.

Заметная активизация связей между Тайванем и материком, дальнейшее углубление экономического сотрудничества между ними, в частности, целесообразность подписания указанного

рамочного соглашения, вызывают неоднозначную реакцию в тайваньском обществе, что создает для администрации ряд дополнительных сложностей. В целом, большинство жителей Тайваня поддерживает политику руководства острова, считая, что она поможет преодолеть переживаемые Тайванем экономические трудности и снимет напряженность в отношениях с материком. Согласно недавним опросам общественного мнения, 48,2 % тайваньцев считает, что рамочное соглашение окажет позитивное влияние на развитие Тайваня, тогда как 23,5 % полагает, что последствия будут негативными¹¹.

Однако высокие темпы «экономического сращивания» Тайваня с КНР, перенос на материк сотен тайваньских предприятий, масштабные тайваньские инвестиции в КНР (что, собственно, было и до Ма Инцзю) вызывают растущее беспокойство среди оппозиции на Тайване, считающей, что экономическая интеграция с Пекином может привести к утрате Тайбэем своей «самостоятельности». Опасения у нее вызывают и серьезные негативные последствия экономического характера — отток капиталов, сложность конкуренции продукции тайваньских производителей с дешевыми товарами из КНР, перенос производств и миграция квалифицированных кадров с Тайваня на материк.

Массированную атаку на администрацию повела оппозиционная Демократическая прогрессивная партия (ДПП), трактующая действия властей острова как «предательство интересов Тайваня». Лидеры ДПП упрекают нынешнее тайваньское руководство в том, что оно «поставило под угрозу суверенитет Тайваня и его экономическую независимость» в обмен на «иллюзорные выгоды» от экономического сотрудничества с материком и получение инвестиций со стороны КНР. Они утверждают, что расширение сотрудничества с Пекином в целом не оказало существенного влияния на усиление возможностей Тайваня по преодолению последствий кризиса. Ставятся, дескать, под угрозу и отношения Тайбэя с его надежным союзником — США¹².

Выпады оппозиции побуждают администрацию маневрировать, делать заявления о том, что она не намерена заходить слишком далеко в развитии связей с КНР и будет держать си-

туацию под постоянным контролем. В указанном послании от 10 октября Ма Инцзю заметил: «Некоторые наши граждане высказывают опасения по поводу того, что наш национальный суверенитет и интересы могут пострадать» (вследствие развития отношений через пролив). «Мы намерены вступить в диалог (внутри Тайваня. — *В.Т.*), — подчеркнул он, — используя все возможные каналы, включая законодательные органы и политические партии с тем, чтобы выработать общественный консенсус по вопросу политики в отношении Китая этой администрации»¹³. Ма Инцзю выразил готовность обсудить указанные вопросы с председателем ДПП Цай Инвэнь, однако выдвинутые партией требования к администрации, по сути, дезавуировать налаживание отношений с материком оказались не приемлемыми для Ма Инцзю¹⁴. Он выступил и против предложения ДПП провести референдум по вопросу о рамочном экономическом соглашении, указав, что «в соглашении не затрагиваются политические вопросы, речь идет только об экономике»¹⁵. А в заявлении 16 ноября он подчеркнул, что расширение торговых связей с материком приведет к увеличению тайваньского экспорта в 2010 г. на 5 % (13 млрд долл. в денежном исчислении), даст 273 тыс. новых рабочих мест¹⁶. Тем не менее, ДПП начала сбор подписей в пользу проведения референдума. Негативизм ДПП в отношении развития диалога с Пекином не встречает широкой поддержки среди тайваньского населения и даже привел к снижению рейтинга Цай Инвэнь. Не кажутся убедительными для тайваньцев и предупреждения ДПП, что усиливающаяся экономическая зависимость от материка может привести к окончательной потере «суверенитета» Тайваня.

В ходе состоявшихся 24 апреля 2010 г. специальных телевизионных дебатов по поводу Рамочного соглашения (ЕСФА) Ма Инцзю еще раз подчеркнул, что подписание соглашения даст мощный толчок тайваньской экономике, будет способствовать притоку иностранных инвестиций на Тайвань. Предполагается существенное снижение тарифов для тайваньского экспорта на материк, вплоть до их полного обнуления, предусмотрены эффективные меры по защите тайваньских инвестиций в КНР, а также тайваньской интеллектуальной собственности и патен-

тов. В то же время, сказал он, не будут пересмотрены ограничения на импорт материковой сельскохозяйственной продукции, а доступ другой продукции из КНР будет разрешен лишь при условии, что это не нанесет ущерб тайваньским производителям. Тайвань не будет открыт для рабочей силы с материка¹⁷.

Одним из последствий кампании против расширения связей с материком стало решение администрации Ма Инцзю несколько снизить активность на политическом направлении взаимоотношений с Пекином, не торопиться пока с реализацией плана о заключении мирного договора с материком, действуя по принципу «сначала экономика, потом политика». В мае 2009 г. Ма Инцзю заявил, что этим вопросом можно будет заняться после 2012 г. в случае его переизбрания на второй срок¹⁸. Разъясняя в новогоднем послании от 1 января 2010 г. свое видение проблемы, Ма Инцзю подчеркнул, что, несмотря на принадлежность населения обеих сторон пролива к одному китайскому этносу и общие наследие, язык, историю и культуру, в течение последних 60 лет эти стороны функционировали в рамках различных политических, экономических и социальных систем. Поэтому необходим определенный период времени для того, чтобы завязать связи и выработать лучшее понимание друг друга¹⁹. Еще более четко выразилась 19 ноября председатель Совета по делам материкового Китая Лай Синьюань, подчеркнувшая, что подписание политических соглашений либо содействие выработке мер доверия не являются срочными вопросами для администрации Ма Инцзю. Что сейчас важно, сказала она, так это привлечь как можно больше общественной поддержки в целях построения прочного фундамента для политики администрации в отношении материка. По словам Лай Синьюань, время и условия для политических переговоров между сторонами пролива еще не созрели. Примирение сторон пролива не может быть достигнуто перед лицом военной угрозы со стороны Пекина²⁰. Тем не менее, тайваньский премьер У Дунь не исключил в заявлении от 16 марта возможности проведения поэтапных переговоров между сторонами по выработке мер доверия в военной области. В свою очередь представитель Канцелярии по делам Тайваня при Госсовете КНР Ян И сказал

17 марта — в ответ на заявление У Дуньи: «Мы готовы, когда наступит подходящий для этого момент, провести с Тайванем военные контакты и обмены и обсудить вопрос о безопасности и взаимном доверии в военной сфере. Военные обмены двух берегов должны следовать принципу “от простого к сложному”, чтобы последовательно продвигаться вперед». К примеру, «для начала можно организовать обмены между отставными военными и соответствующими специалистами и учеными двух берегов»²¹.

II

Развитие диалога между Пекином и Тайбэем, перспективы воссоединения сторон неотделимы от общего геополитического контекста, в котором развивается переговорный процесс. В данном случае важнейшим влияющим фактором являются американо-китайские отношения ввиду той роли, которую играют США в тайваньской ситуации.

Как известно, тайваньский вопрос возник в результате вмешательства Соединенных Штатов в ход гражданской войны в Китае, когда в связи с началом войны в Корее в июне 1950 г. корабли 7-го флота США вошли в Тайваньский пролив с тем, чтобы «предотвратить любое нападение на Формозу» (Тайвань). В последующие годы не раз возникали серьезные кризисные ситуации из-за Тайваня, грозившие перерасти в прямое столкновение между КНР и США. Обстановка изменилась в связи с начавшимся в 1970-е годы процессом нормализации китайско-американских отношений. Были приняты три известных китайско-американских коммюнике, регулирующих тайваньский вопрос в рамках взаимоотношений между Пекином и Вашингтоном (Шанхайское коммюнике от 28 февраля 1972 г., Коммюнике об установлении дипломатических отношений между США и КНР от 1 января 1979 г. и Коммюнике от 17 августа 1982 г. по вопросу американских военных продаж Тайваню). В соответствии с этими документами США «признали правительство КНР в качестве единственного законного правительст-

ва Китая», приняли «китайскую позицию о том, что существует один Китай и что Тайвань является частью Китая», взяли на себя обязательство ограничивать и постепенно сокращать продажи Тайваню американского оружия. Действия администрации были «дополнены» американским конгрессом, разработавшим, к сильнейшему недовольству Пекина, так называемый Закон об отношениях с Тайванем, вступивший в силу 10 апреля 1979 г. В Законе содержались обязательства США развивать отношения как с «народом Тайваня, так и с народом на материке Китая», «снабжать Тайвань оружием оборонительного характера», указывалось, что «решение Соединенных Штатов установить дипломатические отношения с Китайской Народной Республикой базируется на ожидании, что будущее Тайваня будет определено мирным путем». Особое значение имела формулировка: «считать любые попытки определить будущее Тайваня иными, чем мирными средствами, включая бойкот или эмбарго, как угрозу миру и безопасности в западной части Тихого океана и как источник серьезного беспокойства для США»²².

Восстановление суверенитета над Тайванем является одним из главных национальных приоритетов КНР. Его правомерность подкрепляется правовой базой — рядом соответствующих международных договоров, а реальность осуществления — тем, что в своем подавляющем большинстве остров населен этническими китайцами (т. е. вопрос о национальном самоопределении не стоит). Возможности КНР повышаются по мере дальнейшего роста ее политической, экономической и военной мощи.

В последние годы Пекин — в рамках проводимой китайским руководством «мягкой линии» в международных делах — осуществлял мирную стратегию в отношении Тайваня, делая упор на предоставлении острову, в случае воссоединения с материком, самой широкой автономии на базе формулы «одна страна — два строя». Учитывая, очевидно, несогласие Тайбэя с квалификацией Тайваня как части КНР, Пекин в ряде основополагающих документов по Тайваню стал применять более гибкую формулировку: «к одному Китаю принадлежат и материк, и Тайвань» (как это, например, сделано в Законе 2005 г. о про-

тивоедействию расколу государства). В Пекине сейчас также стараются воздерживаться от высказываний относительно сроков решения тайваньской проблемы, тогда как до недавнего времени неоднократно подчеркивалось, что вопрос о воссоединении с Тайванем «нельзя откладывать до бесконечности».

Линия КНР на мирные методы решения тайваньской проблемы была закреплена в материалах XVII съезда КПК (октябрь 2007 г.) и 1-й сессии Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) 11-го созыва (март 2008 г.). В докладе Ху Цзиньтао на съезде выражено пожелание на основе принципа «одного Китая» договориться с властями Тайваня об официальном прекращении состояния вражды и о «создании новой обстановки мирного развития между берегами Тайваньского пролива»²³. В Китае широко пропагандируется опыт Сянгана и Аомыня, сохранивших в рамках формулы «одна страна — два строя» свой образ жизни и высокую степень автономии. В свою очередь на Тайване не могут не видеть достигнутые в КНР за последние десятилетия значительные успехи в развитии экономики и повышении уровня жизни населения, постепенно набирающие на материке силу демократические процессы.

5 марта 2008 г. в речи на 2-й сессии ВСНП в Пекине премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао, коснувшись отношений сторон пролива, подчеркнул, что они «стали входить в русло мирного развития». Участились контакты соотечественников с обоих берегов, стали теснее экономические связи, оживленнее пошел культурный обмен, расширились общие интересы. Китайский премьер указал также на необходимость продолжать всестороннее укрепление экономического сотрудничества сторон пролива в целях совместного противостояния финансовому кризису, пообещав при этом оказать поддержку тайваньским предприятиям, действующим на материке. По словам Вэнь Цзябао, Пекин — в соответствии с принципом «одного Китая» — готов «максимально укреплять политическое взаимодействие между сторонами пролива» и на этой основе разумно решать путем консультаций вопрос об участии Тайваня в деятельности международных организаций, обсуждать имеющиеся у сторон политические и военные вопросы, создавая тем самым

условия для прекращения отношений вражды и достижения мирного соглашения²⁴.

В то же время Пекин не оставляет сомнений в том, что он не допустит независимости Тайваня и пойдет в своих действиях так далеко, как этого потребуют обстоятельства. 14 марта 2005 г. на 3-й сессии ВСНП 10-го созыва был принят специальный Закон о противодействии расколу государства, подводивший законодательную базу под позицию КНР в тайваньском вопросе. В ст. 8 закона было указано, что «в случае, если раскольнические силы на Тайване, выступающие под флагом “независимости Тайваня”, будут действовать — под любым именем или любыми средствами — в направлении отделения Тайваня от Китая, либо произойдут крупные инциденты, повлекшие отделение Тайваня от Китая, либо же возможности для мирного объединения будут полностью исчерпаны, государство применит немирные методы и другие необходимые меры для защиты суверенитета и территориальной целостности Китая»²⁵. Пекин вместе с тем подчеркивает, что эта его позиция направлена против «раскольников» и внешних сил, а не «соотечественников на Тайване».

В настоящее время КНР следует линии поэтапной и все более тесной привязки к себе Тайваня при использовании прежде всего экономических методов. Действия Пекина показывают, что он твердо встал на путь экономической интеграции с Тайванем. Необходимо отметить, что, несмотря на публичные баталии, экономические, гуманитарные, туристические (в основном с Тайваня на материк) и иные связи между Тайванем и материковым Китаем активно развивались и углублялись все последние годы. Начиная с 2005 г. КНР является основным торговым партнером Тайваня. В 2008 г. объем торговли сторон, включая Гонконг, составил 132,6 млрд долл. (экспорт КНР — 99,7 млрд, импорт — 32,9 млрд долл.). При этом Тайбэй имел значительное позитивное сальдо в торговле с КНР и Гонконгом, достигшее 66,8 млрд долл., что обеспечило Тайваню общий положительный баланс внешней торговли²⁶. КНР остается главной сферой приложения тайваньских инвестиций (по оценкам, более 100 млрд долл. США, хотя официальные тайваньские данные

указывают значительно меньшую цифру тайваньских вложений на материке — 200 млрд новых тайваньских долл., по словам Ма Инцзю, что соответствует примерно 6,4 млрд долл. США²⁷). В ближайшие годы — в связи с принятием Тайбэем соответствующих решений — следует ожидать значительного притока теперь уже материковых инвестиций на Тайвань. Причем Пекин значительно укрепил свои позиции на Тайване в условиях мирового финансово-экономического кризиса, поскольку именно КНР оказала наиболее существенную помощь переживающей серьезные трудности тайваньской экономике.

Специалистами отмечается и то обстоятельство, что, «подыгрывая» Гоминьдану и лично Ма Инцзю, КНР стремится избежать возвращения к власти ДПП. А такой вариант развития событий считается возможным в случае серьезных неудач Ма Инцзю на экономическом фронте, возникновения новых осложнений во взаимоотношениях с Пекином, разочарования тайваньского населения результатами курса на сближение с материком.

Характерно, что определенные опасения по поводу слишком больших «вливаний» в экономику Тайваня высказываются и в самой КНР. Ряд специалистов считает, что, способствуя укреплению экономического положения Тайваня, Пекин тем самым работает против задачи воссоединения с Тайванем, поскольку у экономически сильного Тайбэя будет дескать больше соблазна сохранять нынешний де-факто независимый статус. Обращают на себя внимание заявления КНР, что инвестиционная политика на Тайване будет осуществляться с необходимой осмотрительностью: вырабатываются необходимые нормативы, выделяемые средства будут предоставляться в первую очередь средним и крупным тайваньским банкам, имеющим надежную репутацию²⁸.

Одним из главных направлений действий Пекина по нахождению путей решения тайваньской проблемы является работа с Вашингтоном, позиция которого остается главным препятствием на пути воссоединения Тайваня с материком. Последние годы отмечены важными процессами в китайско-американских отношениях, связи сторон приобретают характер все более тес-

ного партнерства, в том числе и в решении ключевых международных проблем. Отношения сторон отличались достаточно тесным и устойчивым характером и при администрации Дж. Буша, однако с приходом администрации Б. Обамы курс Вашингтона на углубление партнерства и взаимодействия с КНР заметно укрепился. Исключительно теплый характер носил разговор по телефону Ху Цзиньтао с Б. Обамой 8 ноября 2008 г., сразу же после победы последнего на президентских выборах. Китайский лидер, в частности, подчеркнул, что «Китай и США должны уважать друг друга, учитывать озабоченности друг друга и надлежащим образом улаживать чувствительные вопросы между двумя странами, в особенности тайваньский вопрос, с тем чтобы вывести американо-китайские отношения конструктивного сотрудничества на еще более высокий уровень»²⁹. Важные договоренности о дальнейшем развитии американо-китайских отношений были достигнуты во время визита в КНР в конце февраля 2009 г. нового американского госсекретаря Х. Клинтон.

Особого внимания заслуживают касающиеся Тайваня положения совместного американо-китайского Заявления от 17 ноября 2009 г. по итогам визита в КНР президента Б. Обамы (15—18 ноября 2009 г.). Китайская сторона подчеркнула, что тайваньский вопрос затрагивает суверенитет и территориальную целостность Китая, и выразила надежду, что США будут соблюдать свои соответствующие обязательства и правильно оценивать и поддерживать позицию китайской стороны по этому вопросу. США со своей стороны заявили, что они придерживаются политики «одного Китая» и принципов трех американо-китайских совместных коммюнике. «США приветствуют мирное развитие отношений через Тайваньский пролив и ожидают усилий обеих сторон по расширению диалога и взаимодействия в сфере экономики, политики и др., развития более позитивных и стабильных отношений через пролив». «Две страны подчеркнули, — говорится в заявлении, — что фундаментальные принципы уважения суверенитета и территориальной целостности друг друга представляют собой ядро трех совместных американо-китайских коммюнике, которые определяют американо-китайские отношения». Ни одна из сторон не под-

держивает какие-либо попытки любыми средствами подорвать эти принципы. Стороны согласны с тем, что уважение коренных интересов друг друга чрезвычайно важно для обеспечения устойчивого прогресса в американо-китайских отношениях³⁰.

Тем не менее, маловероятно, что Вашингтон в ближайшее время пойдет на серьезные уступки Пекину в тайваньском вопросе. Переход Тайваня под контроль КНР нанес бы ощутимый удар по стратегическим интересам Соединенных Штатов в Восточной Азии, существенно усилив потенциал КНР, которая, по мнению Вашингтона, является одним из главных его соперников в борьбе за мировое лидерство в XXI в.

Несмотря на сравнительно небольшие размеры (36,2 тыс. кв. км территории, 23 млн человек населения), Тайвань представляет собой внушительную экономическую величину. Согласно статистическим данным МВФ за 2007 г., в рейтинге мировых экономик Тайвань занимал 24-е место среди 179. Совокупный объем его ВВП достиг в 2008 г. 391,3 млрд долл. (в 2007 г. — 384,8 млрд долл.). ВВП на душу населения составил 17 083 долл., а по паритету покупательной способности — 30 881 долл. Тайвань развивает торговые связи с 238 странами и регионами мира. Общий объем его внешней торговли составил в 2008 г. 496,08 млрд долл. при экспорте в 255,63 млрд долл. и импорте в 240,45 млрд долл. (18-е место среди мировых экспортеров и импортеров)³¹. На июнь 2009 г. Тайбэй имел валютные резервы на сумму 317,56 млрд долл. (4-е место в мире)³². Несмотря на то, что мировой экономический кризис нанес значительный урон экономике Тайваня (прирост ВВП составил в 2008 г. лишь 0,73 % по сравнению с 2007 г., а в 2009 г. он вообще снизился на 2,53 %), в последние месяцы 2009 г. наметилось явное улучшение ситуации. По оценкам руководителя Бюро Тайваня по бюджету, бухгалтерскому учету и статистике Ши Сумэя, в 2010 г. прогнозируется рост ВВП на 4,39 %³³.

Тайвань располагает значительными и хорошо оснащенными вооруженными силами, расходует немалые средства на обеспечение безопасности. Причем необходимость поддержания обороны на должном уровне Тайбэй оправдывает «постоянными угрозами» со стороны материка, наращиванием КНР

числа направленных против Тайваня оперативно-тактических ракет, способных накрыть всю территорию Тайваня (по заявлению президента Чэнь Шуйбяня в его новогоднем послании от 1 января 2008 г. количество тактических баллистических ракет, развернутых Китаем по свою сторону Тайваньского пролива, возросло с 200 в 2000 г. до 1328 на конец 2007 г.³⁴). В заявлении от 4 марта 2008 г., Чэнь Шуйбянь подчеркнул, что в ответ на увеличение Пекином военных расходов Тайбэй повысит военный бюджет, выделив в 2008 г. на военные нужды 11,27 млрд долл., причем значительная часть из них пойдет на техническую модернизацию вооруженных сил³⁵.

16 марта 2009 г. Министерство обороны Тайваня опубликовало выпускаемый раз в 4 года обзор состояния тайваньских вооруженных сил (Quadrennial Defence Review), в соответствии с которым планируется — «в целях создания более эффективных и компактных сил» — сокращение вооруженных сил Тайваня с нынешних 275 тыс. человек до 215 тыс. в 2014 г. При этом тайваньские военные считают, что для поддержания обороноспособности Тайваня на должном уровне необходимо увеличить долю расходов на оборону с нынешних 2,2 % ВВП до 3 %. Во вступлении к обзору министр обороны Тайваня Чэнь Чаоинь подчеркнул, что реформирование вооруженных сил является гарантией против «безрассудных действий» со стороны материка и подводит солидную базу под переговоры между сторонами пролива³⁶.

Вооруженные силы Тайваня оснащены новейшими вооружениями — главным образом за счет закупок в США. 3 октября 2008 г. администрация Дж.Буша под занавес пребывания у власти объявила о решении продать Тайваню оружие дополнительно на сумму 6,5 млрд долл.³⁷ Не оставляет Вашингтон попыток включить Тайвань в зону общих стратегических интересов в Восточной Азии США и Японии, присоединить его к создаваемой Вашингтоном тактической системе ПРО в Азиатско-Тихоокеанском регионе, разместив, в частности, на территории Тайваня противоракетные системы «Пэтриот» (PAC-3).

Вашингтон явно не приветствует чрезмерное сближение Пекина с Тайбэем. Однако США постарались сгладить замет-

ную озабоченность Тайбэя по поводу итогов визита в КНР президента Б. Обамы. 24 ноября 2009 г. руководитель Американского института на Тайване (неофициальное представительство США) Р.Бургхардт посетил Ма Инцзю и проинформировал его об итогах визита, подчеркнув, что политика США в отношении Тайваня остается неизменной и что все заявления Б.Обамы относительно Тайваня, сделанные как публично, так и в закрытых беседах с китайскими руководителями, были выдержаны в русле этой политики. По словам Бургхардта, «Вашингтон неизменно подчеркивал и подчеркивает, что вопросы отношений через пролив должны решаться мирным путем и в соответствии с пожеланиями людей по обе стороны Тайваньского пролива»³⁸.

В то же время США хотели бы избежать конфронтации с Китаем из-за Тайваня, особенно сейчас, когда мощь КНР существенно возросла. США заинтересованы в дальнейшем ослаблении напряженности в зоне Тайваньского пролива. Ядром американской позиции в тайваньском вопросе является сохранение статус-кво в течение как можно более длительного времени. Подчеркивая свою заинтересованность в «мирном урегулировании тайваньской проблемы самими китайцами»³⁹, Соединенные Штаты не раз предупреждали тайваньские власти, что в случае попыток одностороннего провозглашения независимости Тайваня Тайбэю в противостоянии с материком придется рассчитывать только на собственные силы.

В этом контексте большой интерес представлял вопрос, как поведет себя администрация Б. Обамы в особенно чувствительном для КНР вопросе американских военных продаж Тайваню. Пекин настаивает на их прекращении, указывая, что этот шаг будет способствовать созданию более благоприятных условий для развития диалога между Пекином и Тайбэем и общему улучшению атмосферы в китайско-американских отношениях. В ходе состоявшегося 27—28 июля 2009 г. американо-китайского стратегического и экономического диалога глава китайской делегации, заместитель министра иностранных дел КНР Ван Гуанья подчеркнул важность того, чтобы США «должным образом» вели себя в тайваньском вопросе и не повторяли «неверных решений» в деле военных продаж Тайваню, как в 2008 г.⁴⁰

Американцы в свою очередь отмечали, что атмосфера улучшится в случае сокращения количества направленных против Тайваня китайских ракет, и ссылались на заявления Тайбэя, что ему будет трудно вести переговоры с Пекином о подписании мирного договора в условиях, когда против него направлены сотни оперативно-тактических ракет КНР.

Тем не менее, несмотря на предупреждения Пекина, администрация Б. Обамы без особых отлагательств приступила к продаже упомянутого выше пакета вооружений на сумму 6,5 млрд долл. 29 января 2010 г. американское Агентство по сотрудничеству в сфере военной безопасности (Defence Security Cooperation Agency) сообщило, что администрацией переданы на утверждение конгрессом следующие предназначенные для продажи Тайваню виды американского оружия: противоракетные комплексы «Пэтриот» (PAC-3), вертолеты UH-60M Black Hawk, ракеты «Гарпун» (ATM-84L, RTM-84L Harpoon Block II Telemetry missiles), многофункциональные центры управления боевыми операциями (multifunctional information distribution systems low volume terminals (MIDS/LVT-1), противоминные тральщики класса «Оспри»⁴¹. В то же время не были удовлетворены настойчивые просьбы Тайбэя о поставках модернизированных истребителей F-16 C/D и дизель-электрических подводных лодок.

Указанные решения вызвали резкие протесты со стороны Пекина. Заместитель министра иностранных дел КНР Хэ Яфэй пригласил посла США в КНР Дж.Хансмана и выразил ему решительный протест, потребовав «немедленно аннулировать ошибочное решение о продаже острову оружия». Хэ Яфэй также подчеркнул, что «объявленные США планы продажи оружия Тайваню непременно нанесут дальнейший ущерб китайско-американским отношениям, окажут серьезное негативное влияние на сотрудничество и связи в различных важных областях, приведут к нежелательным для двух стран последствиям»⁴². Китайская сторона объявила о намерении предпринять — в связи с действиями США — ряд серьезных ответных шагов со своей стороны: отменить все взаимные военные визиты, приостановить реализацию некоторых программ сотрудничества по

военной линии, отложить намеченные на ближайшее время консультации заместителей министров обороны двух стран по вопросам стратегической безопасности, контроля над вооружениями, принять санкции против тех американских компаний, которые участвовали в продаже оружия Тайваню. По словам Хэ Яфэя, решение США также скажется и на китайско-американском сотрудничестве по важным международным и региональным проблемам⁴³.

В целом вряд ли стоит рассчитывать в обозримом будущем на быстрые сдвиги в решении главного для всех заинтересованных сторон вопроса о статусе Тайваня. Нынешний разворот в отношениях между Пекином и Тайбэем, явные выгоды, которые несет Тайваню расширение экономических и иных связей с КНР, пока не привели к существенным изменениям в настроении тайваньского населения в пользу воссоединения с материковым Китаем. Не имея ничего против дальнейшего расширения экономических и иных связей с материком, большинство жителей Тайваня предпочитает сохранять нынешнее положение вещей, хорошо осознавая опасность попыток одностороннего изменения статус-кво в Тайваньском проливе (по данным многолетних опросов общественного мнения, за сохранение сложившейся к настоящему времени ситуации неизменно выступает примерно 70 % тайваньцев).

Что касается Пекина, то там, очевидно, исходят из того, что время работает на КНР. Взяв курс на углубление взаимодействия с США, расширение связей с Тайбэем, Пекин, скорее всего, постарается воздерживаться от каких-либо акций, которые могли бы осложнить обстановку в районе Тайваньского пролива. В целом же перспективы урегулирования зависят, очевидно, от того, будет ли укрепляться американо-китайское партнерство и дальше — и тогда аккомодация Пекина и Тайбэя станет вопросом времени. Либо же противостояние между США и КНР усилится, создавая дополнительные трудности для разрешения тайваньских вопросов. Ясно одно: последние действия США на тайваньском направлении никак не способствуют укреплению отношений и взаимопонимания между Вашингтоном и Пекином.

Примечания

- ¹ www.gio.gov.tw/ct.asp?xItem=36958&ctNode=2462&mp=807.
- ² Синьхуа. 19.10.2009.
- ³ Там же.
- ⁴ www.kmt.org.tw/hc.aspx?id=32&aid=2880.
- ⁵ www.gio.gov.tw 16.11.2008.
- ⁶ www.gio.gov.tw/public/Attachment/9981612195.pdf ; Чжунго шибао. 26.11.2009.
- ⁷ www.chinadaily.com.cn/china/2009-06/30/content_8339633.htm.
- ⁸ www.gio.gov.tw 12.10.2009.
- ⁹ Китайская Республика. Правительство информационное бюро Китайской Республики. 2008. Август. С. 29.
- ¹⁰ Коммерсантъ. 31.08.2009.
- ¹¹ Чжунго шибао. 04.08.2009; См. также: URL: www.taiwantoday.tw/ct.asp?xItem=56689&CtNode=419.
- ¹² www.dpp.org.tw/index_en/upload/news_letter/20090615175929_data_1.pdf.
- ¹³ www.gio.gov.tw, 12.10.2009.
- ¹⁴ www.dpp.org.tw; См. также: KMT News Network, 13.04.2009.
- ¹⁵ Чжунго шибао. 20.05.2009.
- ¹⁶ www.gio.gov.tw/public/Attachment/9981612195.pdf.
- ¹⁷ www.gio.gov.tw/ct.asp?xItem=63237&ctNode=2462&mp=807
- ¹⁸ Чжунго шибао. 12.05.2009.
- ¹⁹ www.taiwanheadlines.gov.tw/ct.asp?xItem=175643&CtNode=39.
- ²⁰ www.taiwantoday.tw/ct.asp?xItem=79643&CtNode=414.
- ²¹ www.russian.news.cn/china/2010-03/17c_13214752.htm
- ²² www.taiwandocuments.org/tra.
- ²³ Доклад генерального секретаря ЦК КПК Ху Цзиньтао на XVII съезде КПК. URL: www.russian.china.org.cn/china/archive/shiqida/2007-10/25/.
- ²⁴ www.russian.xinhuanet.com/russian/2009-03/05/content_830310.htm.
- ²⁵ Закон о противодействии расколу государства // People's Daily Online.
- ²⁶ www.gio.gov.tw/taiwan-website/5-gp/glance/ch7.htm.
- ²⁷ www.gio.gov.tw/ct.asp?xItem=63237&ctNode=2462&mp=807
- ²⁸ Taiwan Economic News. 15.06.2009.
- ²⁹ www.english.gov.cn/2008-11/09/content_1143449.htm.
- ³⁰ www.beijing.usembassy-china.org.cn/111709.html.

- ³¹ www.gio.gov.tw/taiwan-website/5-gp/glance/ch7.htm
- ³² Там же.
- ³³ www.taiwantoday.tw/ct.asp?xItem=81416&CtNode=413.
- ³⁴ Taiwan Journal. 04.01.2008.
- ³⁵ www.lenta.ru/news/2008/03/05/taiwan/.
- ³⁶ www.realclearpolitics.com/articles/2009/05/31/taiwan_shows_the_will_to_defend_itself_96754.html.
- ³⁷ Taiwan Journal. 10.09.2008.
- ³⁸ www.taiwantoday.tw/ct.asp?xItem=80666&CtNode=413.
- ³⁹ Шанхайское коммюнике от 28 февраля 1972 г. Закон (США) об отношениях с Тайванем от 10 апреля 1979 г.
- ⁴⁰ www.boston.com/news/nation/washington/articles/2009/07/29/us_china_talks_more_about_future_than_the_present.
- ⁴¹ www.dsca.mil.
- ⁴² www.russian.news.cn/china/2010-01/31/c_13157530.htm.
- ⁴³ www.russian.news.cn/china/2010-01/31/c_13157530.htm; www.russian.news.cn/china/2010-01/30/c_13157337.htm.

И. А. Зародов*

МИРОТВОРЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КИТАЯ В СИСТЕМЕ ООН

За последние двадцать лет влияние КНР на мировой арене существенно возросло. Китай занимает конструктивную и прагматичную позицию по многим вопросам международной жизни. Страна продолжает наращивать свой авторитет и ресурсы, конвертируя экономический потенциал в политическую «мощь». Этот процесс, скорее всего, и впредь будет носить поступательный и планомерный характер, что свойственно именно китайской модели модернизации.

Одним из самых ярких направлений растущей международной активности Китая является расширение его деятельности в рамках миротворческих операций ООН. Убедительным подтверждением этому служит увеличение количества китайских миротворцев по сравнению с 2000 г. более чем в 20 раз¹.

Китай и миротворчество: как все начиналось

История миротворческих операций ООН насчитывает уже 62 года. Первая миротворческая миссия была организована в

* Зародов Игорь Анатольевич, магистр регионоведения (востоковед), выпускник МГИМО(У) МИД России (2010 г.)

1948 г., когда Совет Безопасности санкционировал размещение военных наблюдателей ООН на Ближнем Востоке с целью мониторинга процессов исполнения Соглашения о перемирии между Израилем и его арабскими соседями. Впоследствии миротворческие операции стали одним из основных средств, применяемых ООН в противостоянии постоянно усложняющимся кризисным ситуациям, угрожающим международной стабильности.

История же взаимоотношений Китая с ООН по вопросам миротворчества началась с откровенного провала. Главной его причиной стало то, что в ходе Корейской войны 1950—1953 гг. соединения китайских «добровольцев» (а, по сути, контингент Народно-освободительной армии Китая — НОАК) выступали на стороне северной коалиции против сил «юга», представленного войсками южной части Корейского полуострова, США, Великобритании и ряда других стран, *действовавших «в составе миротворческих сил ООН»*. После этого Китай на протяжении еще многих лет ставил под сомнения легитимность операций ООН по поддержанию мира. Более того, Пекин рассматривал эти операции как грубое вмешательство во внутренние дела и нарушение суверенитета иностранного государства. Подобный скептический подход сохранился даже после официального вступления КНР в Организацию в 1971 г.

Став постоянным членом Совета Безопасности ООН, Китайская Народная Республика еще долго воздерживалась от дискуссий в СБ по проблемам миротворческих миссий. Сдвиг произошел лишь в 1981 г., когда Китай впервые принял участие в голосовании Совета Безопасности и одобрил резолюцию СБ ООН 495², которая продлевала мандат Вооруженных сил ООН по поддержанию мира на Кипре (ВСООНК). В следующем году Китай принял участие в финансировании миротворческих операций ООН. Подобный поворот в отношении к миротворчеству во многом объясняется приходом к власти в КНР группы Дэн Сяопина — «отца китайских реформ».

В 1988 г. Китай был принят в члены Специального комитета ООН по миротворческим операциям, что, можно сказать,

стало отправной точкой участия Поднебесной в деятельности ООН по поддержанию мира.

Трансформация подхода Китая к миротворчеству представляется особо примечательной, учитывая традиционно трепетное отношение Пекина к вопросам национального суверенитета и невмешательства во внутренние дела какого-либо государства. Новая активная позиция Китая по проблеме миротворческих операций ООН свидетельствует, на наш взгляд, о том, что КНР более не рассматривает присутствие иностранных вооруженных сил и полиции на территории какого-либо государства как нарушение национального суверенитета и принципа невмешательства во внутренние дела другой страны.

Положительную оценку активизирующейся роли Китая в деле поддержания мира дал Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун во время первого визита в КНР в 2008 г. Вместе с тем, Пекину было рекомендовано скоррелировать уровень предоставляемой им материальной поддержки и количество китайских миротворцев, выделяемых для основных операций, с уровнем экономического и политического влияния страны: «Вы являетесь одной из ведущих стран-членов ООН, и теперь вы входите в первую десятку стран-доноров операций по поддержанию мира. Китай должен подняться в этом списке еще выше, если мы хотим давать достойный отпор нарастающим глобальным вызовам»³. Таким образом, Пан Ги Мун указал на возможность и даже необходимость дальнейшего увеличения численности и влияния китайских миротворческих сил.

Этапы миротворческой деятельности КНР в рамках ООН

В апреле 1990 г. Китай откомандировал 5 военных наблюдателей для участия в работе Органа Организации Объединенных Наций по контролю за выполнением условий перемирия (ОНВУП/UNTSO) на Ближнем Востоке — миссии ООН с самым длительным мандатом. Это событие стало знаменательным событием в миротворческом досье Китая, поскольку впер-

вые силы НОАК приняли участие в соответствующей деятельности ООН. Далее, с 1992 по 1993 г., Китай выделил двумя группами 800 инженеров для Временного органа ООН в Камбодже (ЮНТАК/UNTAC), тем самым осуществив первую отправку военнослужащих для несилевых акций ООН.

В декабре 2001 г. был сформирован Департамент по миротворческой деятельности Министерства национальной обороны КНР, в обязанности которого входит всестороннее управление усилиями НОАК в миротворческих операциях ООН.

В феврале 2002 г. Китай официально стал членом Системы резервных соглашений ООН Первого класса. Система основывается на оговоренных государствами-членами условиях по предоставлению ресурсов для нужд миротворческих операций ООН, реализуемых в определенных временных рамках. Этими ресурсами могут быть: военная амуниция, квалифицированный персонал (гражданский и военный), техническое обслуживание, а также специальное оборудование и иное материальное обеспечение. Оговоренные в соглашениях ресурсы остаются на резервном хранении на территории государств-членов. В случае необходимости резервы запрашиваются Генеральным секретарем ООН и в срочном порядке направляются на создание новых миротворческих миссий или усиление уже существующих. По условиям соглашений, для резерва миротворческих операций ООН Народно-освободительная армия Китая выделила один инженерный батальон, один госпиталь, два транспортных соединения; все — стандартных комплектаций.

По данным Департамента миротворческих операций Министерства национальной обороны КНР, созданного в 2001 г., за всю историю участия в миротворческой деятельности ООН (с апреля 1990 г.) Китай выделил 12 442 человека для выполнения различных функций в 24 миротворческих миссиях (рис. 1). Из них — 9910 военнослужащих, 1153 военных наблюдателя и штабных офицера, 1379 полицейских. Однако же качественное и количественное расширение участия китайских миротворцев в операциях ООН началось только в 2003 г. В апреле того года было сформировано и откомандировано 6 инженерных и медицинских групп общей численностью 1308 человек для участия в Миссии ООН

в Демократической Республике Конго (МООНДРК/MONUC). В декабре 2003 г. 5 инженерных, транспортных и медицинских групп общей численностью 2790 человек было направлено в Миссию ООН в Либерии (МООНЛ/ UNMIL). В апреле 2006 г. две группы инженерных войск и одна группа медицинских войск общей численностью 517 человек были приданы Временным силам ООН в Ливане (ВСООНЛ/UNIFIL). В мае 2006 г. две группы инженерных, транспортных и медицинских войск общей численностью 870 человек были направлены в Миссию ООН в Судане (МООНВС/ UNMIS).

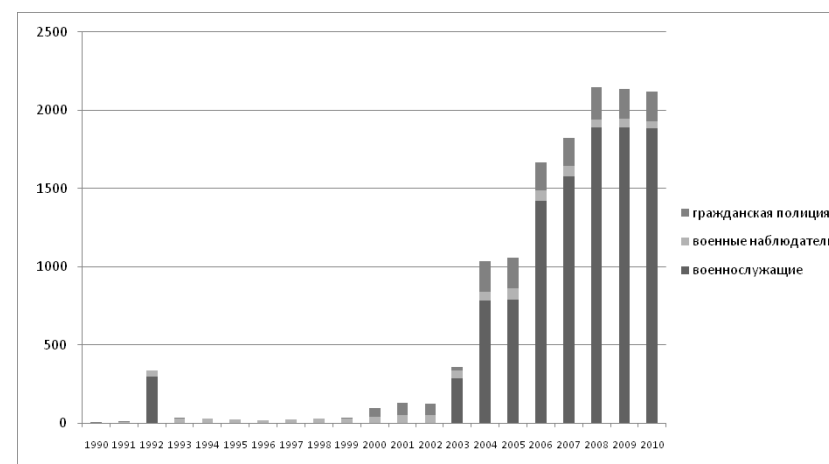

Рис. 1. Динамика численности китайских миротворцев в операциях ООН (1990—2010 гг.)/человек.

Источник: UN Department of Peacekeeping Operations. URL: <http://www.un.org/en/peacekeeping>.

Таким образом, можно выделить три этапа участия Китая в миротворческой деятельности ООН:

1. 1981—1990 гг.: фактическое признание Пекином легитимности операций ООН по поддержанию мира, его подключение к дебатам и голосованию в Совете Безопасности по вопросам миротворчества.

2. 1990—2003 гг.: постепенное вовлечение Китая в прямое участие в миротворческих операциях Организации. Первые китайские миротворцы приступают к выполнению обязанностей в рамках операций ООН.

3. С 2003 г. по настоящее время: качественное повышение уровня участия Китая в миротворческой деятельности ООН, резкое увеличение количества китайских миротворцев и операций с их участием.

Китайское миротворчество на современном этапе

Показателен тот факт, что резкая активизация КНР в миротворческих операциях ООН совпадает с приходом к власти «четвертого поколения» руководителей страны⁴. Так, в марте 2003 г. председателем КНР стал Ху Цзиньтао, а уже в апреле 2003 г. количество китайских миротворцев увеличилось в 3 раза (с 111 человек в марте до 329 в апреле). Китай переместился с 44-го на 27-е место в списке доноров миротворческих операций ООН⁵.

Новый лидер практически сразу взял курс на совершенствование международных позиций и имиджа КНР. Наглядным подтверждением этому служит провозглашенная в том же 2003 г. концепция «мирного возвышения Китая». Это был стратегический курс на ближайшую перспективу: предполагалось конвертировать результаты стремительного экономического подъема страны в рост совокупной государственной мощи Поднебесной и в укрепление ее позиций на международной арене. Кроме того, концепция стала попыткой адаптировать образ сильного Китая к современным международным реалиям и продемонстрировать всему миру, что неуклонно растущая мощь Поднебесной не нанесет вреда окружающим.

Подобный лозунг уже встречался в истории КНР. Так, в 1950-х годах Чжоу Эньлай призывал «бороться за возвышение Китая». Однако обновленную концепцию «возвышения» отличало одно принципиальное обстоятельство: акцент в ней был сделан именно на *мирном* характере возвышения, подъеме не за

счет других, а в опоре на собственные силы, на росте без угрозы для окружающих. И активизация участия в миротворческих операциях подходила как нельзя лучше в качестве средства «мирного возвышения». Пекин получил дополнительную возможность для более энергичного, но при этом ненасильственного влияния на международные дела, на другие страны. Помимо этого КНР обрела еще один канал подключения к международному опыту и знаниям, а также удачную мизансцену для демонстрации своего стремления к миру и стабильности.

После 2003 г. тезис о «мирном возвышении» был исключен из китайской внешнеполитической доктрины в связи с растущим риском его разночтений, а также из-за опасений со стороны международного сообщества, вызванных ускоренной интеграцией Китая в мировую экономику и ростом его международного влияния. Этот тезис вернули на уровень академического обсуждения для более глубокой проработки, заменив его концепцией «политики мягкой силы». В этих условиях тенденция расширения миротворческой деятельности Китая не только сохранилась, но и усилилась.

Китай по-прежнему выступает за создание новой системы международных отношений и нового международного политического и экономического порядка на основе пяти принципов мирного сосуществования и продолжает декларировать свою приверженность традиционному подходу к вопросам национального суверенитета и невмешательства во внутренние дела государств. Однако, как уже указывалось, Китай, по всей видимости, более не рассматривает присутствие иностранных военных формирований и полиции на территории другого государства как нарушение национального суверенитета и принципа невмешательства во внутренние дела. Пожалуй, можно говорить о переходе Китая от жесткой Вестфальской концепции миротворчества к ее более гибкой и многоукладной вариации или даже к поствестфальской концепции с ее прозападным либерально-демократическим пониманием суверенитета стран, переживающих внутренние конфликты.

В настоящее время (а именно, по состоянию на май 2010 г.) китайский миротворческий контингент представлен 2117 миро-

творцами, в том числе 1884 военнослужащими, 189 гражданскими полицейскими и 44 военными наблюдателями⁶. По количеству откомандированных миротворцев Китай занимает 16-е место из 115 стран, участвующих в соответствующих операциях ООН (табл. 1)⁷. Китай командирует больше военных, полицейских и наблюдателей, чем любой другой постоянный член Совета Безопасности ООН. На данный момент КНР участвует в 10 миротворческих операциях из 16, осуществляемых под эгидой Организации⁸.

Таблица 1. Список двадцати первых по значению стран-доноров военных и гражданских миротворцев ООН (по состоянию на май 2010 г.)

Место	Страна	Численность, человек
1	Пакистан	10 742
2	Бангладеш	10 212
3	Индия	8771
4	Нигерия	5941
5	Египет	5457
6	Непал	5318
7	Гана	3945
8	Руанда	3648
9	Иордания	3644
10	Уругвай	2575
11	Италия	2410
12	Эфиопия	2409
13	Бразилия	2256
14	Сенегал	2232

Окончание табл. 1

Место	Страна	Численность, человек
15	ЮАР	2127
16	Китай	2117
17	Франция	1706
18	Индонезия	1686
19	Марокко	1562
20	Бенин	1327

Источник: UN Department of Peacekeeping Operations. URL: <http://www.un.org/en/peacekeeping/>

Китайские миротворцы представлены не только служащими гражданской полиции, военными наблюдателями и инженерами, но и медицинскими подразделениями и группами транспортного обеспечения. Основное направление деятельности китайских миротворческих сил — инженерное обеспечение, создание транспортной инфраструктуры и оказание медицинской помощи.

Среди основных мотивов активизации Китая в миротворческой деятельности ООН можно назвать постепенную перестройку концепции внешней политики страны: ускоренную интеграцию КНР в международное сообщество, ее стремление к обретению статуса ответственной мировой державы, модификацию взглядов китайского руководства на вопросы суверенитета и гуманитарной интервенции, учет его обязательств в области глобальной и региональной безопасности.

Безусловно, одним из ключевых, но неофициальных мотивов является и обширность интересов Китая в странах, где проводятся миротворческие операции, прежде всего — в государствах африканского континента. Примерно 3/4 китайских миротворцев дислоцированы в Африке, что в целом отражает

современные приоритеты миротворческой деятельности ООН: около 70 % всех миротворцев Организации базируются именно в африканском регионе.

Важно и то, что участие в миротворческой деятельности благотворно сказывается на международном имидже Китая.

* * *

Активизация КНР в миротворческой деятельности ООН предоставляет ей реальную возможность тесной кооперации с международным сообществом по вопросам глобальной безопасности. Участие в операциях по поддержанию мира, а главное — намерение китайского руководства и впредь наращивать миротворческий потенциал страны повышают роль КНР в сфере обеспечения региональной и международной безопасности, вольно или невольно делая ее более предсказуемой и «прозрачной» с военной точки зрения, а также позволяют международному сообществу взаимодействовать с Пекином на более доверительной основе.

В настоящее время Китай является важной стороной-партнером в деле поддержания международного мира. Обретение КНР этого нового статуса обусловлено целым рядом причин:

1) беспрецедентным ростом экономического, политического и культурного веса страны, увеличивающимся военным потенциалом КНР и накоплением ею авторитета среди развивающихся стран;

2) обретением возможности реально влиять на международные процессы принятия решений, в том числе и на африканском континенте;

3) обновлением китайского внешнеполитического курса, вызванного стремлением Пекина сформировать внешнеполитический имидж КНР как защитника более слабых и малых стран. А это, как известно, является центральной задачей миротворческих сил ООН в любой части света. Поэтому можно сказать, что миротворческая активность Китая повышает эффективность ответствующих операций ООН в целом.

В свою очередь, миротворческий статус Китая предоставляет ему ряд стратегических преимуществ, самыми существенными из которых является совершенствование региональных и глобальных позиций КНР, улучшение его международного имиджа и усиление влияния Поднебесной в ооновском сообществе. Помимо этого, миротворческая деятельность предоставляет силам безопасности Китая возможность повышать свою квалификацию, получать новые навыки, заимствовать тактические наработки зарубежных партнеров, тренироваться в «операциях вне условий войны» (МООТВ), а также набираться опыта участия в военных и иных миссиях на стратегически важных направлениях.

Участие в миротворческой деятельности ООН рассматривается Китаем как важнейшее средство укрепления его позиций на мировой арене и усиления влияния страны на ситуацию в «горячих точках».

Возможно, что косвенным эффектом участия в миротворческих операциях является обретение Пекином возможности тестировать реакцию международного сообщества на «интернационализацию» его военной практики, т. е. на выход китайских военных и полицейских контингентов на мировую арену, какими бы причинами это ни объяснялось. Пекин стремится налаживать деловые контакты со всеми государствами, от которых зависит успешная реализация китайских миротворческих амбиций. Россия в данном контексте рассматривается Китаем в качестве влиятельного и надежного партнера.

Примечания

¹ Monthly summary of contributors of military and police personnel. URL: <http://www.un.org/en/peacekeeping/contributors/>

² Резолюция 495 (1981). Принята Советом Безопасности 14 декабря 1981 г. S/RES/495 (1981). URL: <http://www.un.org/russian/documen/scresol/1981/res495.pdf>.

³ UN's Ban calls on China to be a bigger peacemaker. URL: <http://www.polity.org.za/print-version/uns-ban-calls-on-china-to-be-bigger-peacemaker-2008-07-01>.

⁴ Цзян Цзэминь передал пост председателя КНР на 1-й сессии ВСНП 10-го созыва (март 2003 г.), пост председателя Центрального Военного совета ЦК КПК на 4-м пленуме 16-го созыва (сентябрь 2004 г.); окончательная передача полномочий произошла только на 3-й сессии ВСНП 10-го созыва (март 2005 г.), когда председателем Центрального Военного совета КНР стал Ху Цзиньтао.

⁵ Monthly summary of contributors of military and civilian police personnel 1995—2005. URL: <http://www.un.org/en/peacekeeping/contributors/95-05.shtml>.

⁶ Monthly Summary of Contributions (Police, Military Experts on Mission and Troops). URL: http://www.un.org/en/peacekeeping/contributors/2010/apr10_1.pdf.

⁷ Ranking of Military and Police Contributions to UN Operations. URL: http://www.un.org/en/peacekeeping/contributors/2010/apr10_2.pdf.

⁸ UN Mission's Summary detailed by Country. URL: http://www.un.org/en/peacekeeping/contributors/2010/apr10_3.pdf.

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КНР

В. Я. Портяков*

РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЕ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Масштабные по объему и разнообразные по формам торгово-экономические связи являются неотъемлемой составной частью общего комплекса российско-китайских отношений стратегического партнерства и равноправного взаимодействия. Более того, как свидетельствует опрос общественного мнения, проведенный осенью 2008 г. экспертами Института России, Восточной Европы и Центральной Азии Академии общественных наук Китая, для рядовых граждан КНР наиболее важным компонентом китайско-российского взаимодействия выступают именно торгово-экономические связи, а не, например, сотрудничество двух государств на международной арене¹.

Главным звеном российско-китайского торгово-экономического взаимодействия неизменно служит двусторонняя торговля. Ее объем за период 2000—2008 гг. увеличился с 8 до 56,8 млрд долл., лишь немного не дотянув до намеченного на 2010 г. лидерами двух государств уровня в 60 млрд долл. Россия

* Портяков Владимир Яковлевич, д. э. н., проф., зам. директора ИДВ РАН.

с долей в 2,22 % заняла 8-е место среди ведущих торговых партнеров КНР². В свою очередь, Китай с долей во внешней торговле России порядка 7—8 % стабильно занимал 2-е место в российском импорте после Германии и 3—4-е место в российском экспорте (после Германии, Нидерландов и в отдельные годы — Италии). В структуре российского экспорта в Китай доминировали нефть и нефтепродукты: по стоимости они составляли в 2005—2008 гг. более половины всех российских продаж в КНР, тогда как доля машин и оборудования снизилась до 1—2 %. Напротив, китайская сторона, сохранив большие объемы экспорта в Россию продукции легкой промышленности (текстиль, одежда, обувь, игрушки), одновременно резко нарастила поставки бытовой техники, электроники, стройматериалов.

В такой ситуации задача совершенствования структуры взаимных поставок, в частности, повышения доли машин и оборудования в российском экспорте в Китай, казалась главной для успешного развития двусторонней торговли в обозримой перспективе. Однако мировой финансовый экономический кризис, вступивший в открытую фазу во второй половине 2008 г., существенно затронул российско-китайскую торговлю. Понадобилась заметная корректировка концептуальных представлений о перспективах ее развития.

С сентября 2008 г. в двусторонней торговле наблюдался нараставший спад. Он был вызван ухудшением экономической конъюнктуры и снижением инвестиционного и потребительского спроса в России, падением курса рубля, повлекшим удорожание импортируемых из Китая товаров, и, наконец, снижением мировых цен на нефть и нефтепродукты. В результате в 2009 г. объем российско-китайской торговли сократился, по данным таможенной статистики КНР, на 31,8 % — до 38,8 млрд долл. Экспорт Китая в Россию снизился на 47,1 % — до 17,5 млрд долл., а импорт Китая из России упал на 10,7 % и составил 21,3 млрд долл. (табл. 1).

С 8-го места в перечне ведущих торговых партнеров Китая Россия отступила на 11-е, пропустив вперед Австралию, Индию и Бразилию. Доля России во внешнеторговом товарообороте КНР снизилась до 1,76 %.

Таблица 1. Товарная структура торговли Китая с Россией в 2008—2009 гг.

	Экспорт				Импорт			
	млн долл.		%		млн долл.		%	
	2008 г.	2009 г.	2008 г.	2009 г.	2008 г.	2009 г.	2008 г.	2009 г.
Всего	33 005,4	17 513,8	100	100	23 825,1	21 282,9	100	100
Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье	1320,7	1106,6	4,0	6,3	1319,2	1284,3	5,5	6,0
Минеральная продукция В том числе топливно-энергетические товары	375,4 265,1	125,8 89,4	1,13 0,8	0,7 0,5	13 363,7 11 937,9	10 497,3 9386,2	56,1 50,1	49,4 44,1
Продукция химической промышленности, каучук	2423,1	1416,7	7,3	8,1	3092,7	2147,3	13,0	10,1
Кожевенное сырье, пушнина и изделия из них	816,2	959,1	2,5	5,5	17,3	8,7	0,07	0,05
Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	408,7	254,9	1,35	1,4	3860,2	2945,5	16,2	13,8
Текстиль, текстильные изделия и обувь	8661,4	4866,4	26,25	27,8	5,2	3,1	0,02	0,02
Драгоценные камни, драгоценные металлы и изделия из них	27,6	19,8	0,07	0,1	78,5	144,6	0,35	0,7
Металлы и изделия из них	3410,5	1494,4	10,3	8,5	1669,6	3812,6	7,0	17,9
Машины, оборудование и транспортные средства	12 151,7	5856,6	36,8	33,5	404,1	432,3	1,7	2,0
Другие товары	3410,1	1413,5	10,3	8,1	14,6	7,2	0,06	0,03

Источник: Данные таможенной статистики КНР (Haiguan Tongji, Beijing) и расчет по ним.

Российская таможенная статистика дает близкие цифры объема двустороннего товарооборота в 2009 г. — 39,51 млрд долл., что на 29,4 % меньше товарооборота 2008 г. Однако другие сводные параметры торговли в российской версии заметно отличаются от китайских данных. В частности, экспорт России в Китай сократился на 21,2 % — до 16,67 млрд долл., а ее импорт из Китая — на 34,3 %, до 22,84 млрд долл. Главное качественное отличие данных двух национальных таможенных служб состоит в том, что в китайском варианте положительное сальдо торговли с Россией, сложившееся по итогам торговли 2007—2008 гг., в 2009 г. сменилось на отрицательное (около 3,8 млрд долл.), тогда как по российской версии, напротив, в 2009 г. Китай сохранил положительное сальдо в размере свыше 6 млрд долл. Различие в данных о китайском экспорте—российском импорте отчасти может быть объяснено разницей в цене изделий легкой промышленности и бытовой электроники в заявляемой предпринимателями соответственно китайской и российской таможене (т. е. проблемой так называемой серой растаможки). В случае с российским экспортом — китайским импортом с большой долей вероятности присутствуют неучтенные российской таможенной поставки рыбы и морепродуктов (улов без завоза в российские порты поставляется сразу в КНР) и, возможно, какие-то манипуляции с ценами на основные товары российского экспорта.

Из российских данных о внешней торговле страны в 2009 г. следует, что Китай, несмотря на снижение объема торговли с Россией, стал ее 2-м по значимости торговым партнером с долей в 8,4 % (в 2008 г. — 7,6 %); при этом в российском импорте Китай даже вышел на 1-е место³. Выросло и значение КНР как рынка сбыта ряда важных товаров российского экспорта. Например, доля Китая в вывозе из РФ стального проката с 1 % в 2008 г. возросла до 10,2 % в 2009 г., а в экспорте алюминия — с менее 1 % до 5 %⁴.

Одновременно в России в условиях кризиса усилилось стремление защитить отечественного производителя, в том числе в переживающей крайне тяжелые времена легкой промышленности. Именно это стремление сыграло решающую роль в принятии руководством Москвы под прямым нажимом прави-

тельства России решения о закрытии мелкооптового Черкизовского рынка в столице. Поскольку в обслуживание товаропотоков для Черкизовского рынка было вовлечено, по разным данным, 50—60 тыс. китайских торговцев, то, скорее всего, общая численность трудовых мигрантов из Китая, находящихся в России, в 2009 г. сократилась (в 2008 г. — 281 тыс. человек). Ряд экспертов полагает, что «конец Черкизона», наряду с закрытием в 2007 г. аналогичной по функциям иркутской «Шанхайки», знаменует общий закат эры «народной торговли» между Россией и Китаем, длившейся два десятилетия. Вместе с тем этот закат явно не будет одномоментным, а растянется на довольно длительный период. В Екатеринбурге, например, продолжает успешно работать рыночный комплекс «Таганский ряд» с доминирующим присутствием китайских товаров. Кроме того, китайский бизнес, накопивший солидные знания, опыт и связи, вполне способен освоить новые торговые форматы и в этом смысле может остаться в России навсегда⁵.

2010 год стартовал с весьма динамичного роста объема внешней торговли КНР в целом и с Россией в частности. Так, за январь—март объем двустороннего товарооборота составил, по данным таможенной статистики КНР, 11,99 млрд долл. (рост на 57,7 % по сравнению с январем—мартом 2009 г.). При этом экспорт КНР в Россию увеличился на 37,8 % и достиг 5,2 млрд долл., а импорт из России — на 77,9 %, до 6,79 млрд долл. Хотя столь высокая динамика внушает оптимизм, она все же носит преимущественно восстановительный характер и не гарантирует выхода объема двусторонней торговли на докризисный уровень уже в 2010 г.

Общее же развитие двусторонней торговли в ближайшей и среднесрочной перспективе будет складываться под влиянием ряда достаточно разнонаправленно действующих факторов.

Вряд ли останется без последствий ставшее прямым результатом мирового экономического кризиса дальнейшее изменение в пользу Китая соотношения экономических потенциалов двух стран. В 2009 г. прирост ВВП Китая достиг 8,7 %, тогда как ВВП России сократился на 7,9 %. Как следствие, соотношение годовых объемов ВВП двух стран (в долларах 2008 г.) с

2,63 : 1 в 2008 г. повысилось до 3,13 : 1 в 2009 г. с перспективой еще более значительного роста к 2012 г., когда Россия рассчитывает только восстановить докризисный уровень в экономике.

Также изменилось не в пользу России соотношение общих масштабов внешней торговли двух стран. Если у России общий экспорт товаров в 2009 г. упал по сравнению с 2008 г. на 36 %, а ее товарный импорт сократился на 34 %, то у Китая такое падение было существенно меньшим — на 16 и 11 % соответственно. Китай опередил Германию в качестве крупнейшего мирового экспортера товаров и вышел на 2-е место в мире вслед за США по объему товарного импорта (табл. 2).

Таблица 2. Мировая торговля товарами в 2009 г.

Наименование	Экспорт		Импорт	
	млрд долл.	падение, %	млрд долл.	падение, %
Мир в целом	12 147	-23	12 385	-24
США	1057	-18	1604	-26
Китай	1202	-16	1006	-11
Европейский союз	4567	-23	4714	-25
В том числе Германия	1121	-22	931	-21
Россия	304	-36	192	-34
Япония	581	-26	551	-28
Индия	155	-20	244	-24
Бразилия	153	-23	134	-27

Источник: WTO: 2010 Press Release //http://wto.org/english/news_e/press1-_e/pr598_e.htm.

Россия, с объемом внешней торговли в 4,45 раза меньшим, чем у КНР, заняла в 2009 г. 13-е место в мире по экспорту и 17-е — по импорту товаров. Как следствие, России в ближайшие годы трудно рассчитывать на возвращение на прежние позиции в перечне крупнейших торговых партнеров КНР, т. е. на 7—8-е место. Похоже, что в торговле, как и во внешней поли-

тике, связи с Западом становятся для Китая относительно все более важными. Российское же направление рискует остаться более или менее приоритетным лишь для северных регионов КНР — провинций Северо-Востока, автономных районов Синьцзян-Уйгурского и Внутренней Монголии.

Разумеется, потенциал достаточно динамичного развития российско-китайских торгово-экономических связей далеко не исчерпан. Свое веское слово могут сказать нарабатанные в предыдущие годы солидные заделы.

В первую очередь следует назвать новые серьезные договоренности о сотрудничестве в такой ключевой сфере, как *нефтегазовая*. Они, в частности, включают соглашения о строительстве нефтепровода Сковородино—Дацин и о предоставлении китайской стороной российским компаниям «Транснефть» и «Роснефть» кредита в 25 млрд долл. под будущие поставки российской нефти в Китай по трубопроводу (300 млн т в течение 20 лет, начиная с 2011 г.). По итогам 14-й встречи глав правительств в октябре 2009 г. в Пекине достигнута договоренность о поставках в Китай российского природного газа примерно с 2014—2015 гг.⁶

Хотя и официальные круги двух стран, и большинство российских и китайских экспертов расценили существенное продвижение двустороннего сотрудничества в нефтегазовой сфере как серьезный успех, в России и за рубежом раздались и скептические голоса. В частности, некоторые российские специалисты отметили чрезвычайно высокую стоимость сооружения нефтепровода Сковородино—Мохэ (предварительная цена 65-километрового участка — 12 млрд руб., по цене за километр — одна из самых высоких в России), а также высказали сомнения в оправданности «стратегии поставок газа в Китай любой ценой»⁷. А японский эксперт Шоичи Ито, апеллируя к тому факту, что не далее как в августе 2009 г. проект сооружения газопровода Алтай—Синьцзян был, казалось бы, окончательно «положен на полку» по причине его экономической несостоятельности, полагает, что и новые российско-китайские договоренности о поставках природного газа в КНР нельзя считать окончательным решением вопроса — для этого надо как минимум дождаться

завершения строительства газопровода, на которое уйдет несколько лет⁸.

На наш взгляд, оснований для сомнений в серьезности намерений России активизировать сотрудничество с Китаем в нефтегазовой сфере нет. Оно продиктовано как заинтересованностью Москвы в более интенсивном освоении ресурсов Восточной Сибири и Дальнего Востока, так и, не в последнюю очередь, желанием подстраховаться на случай падения спроса на российские углеводороды в Европе. Как известно, в конце 2008 г. в условиях углубления мирового финансового кризиса прогнозы потребления Европейским союзом нефти и газа были существенно снижены. Так, если до кризиса прогнозировался выход ЕС в 2020 г. на потребление 651—707 млн т нефти (соответственно, при цене нефти в 100 и 61 долл. за баррель), то ориентиры обновленного прогноза были снижены до 569—610 млн т (в 2005 г. было потреблено 590 млн т). Прогноз потребления газа при тех же ценовых параметрах нефти снизился с 386—456 млрд куб. м до 287—340 млрд куб. м (в 2005 г. фактическое потребление природного газа в ЕС составило 301 млрд куб. м).

В данном контексте необходимо упомянуть и такие новые факторы, как растущая популярность концепции низкоуглеродной экономики и быстрое развитие соответствующих технологий, стремительное наращивание в мире добычи сланцевого газа и объемов морских перевозок сжиженного природного газа. С их учетом «окно возможностей» для России в завоевании весомой ниши на китайском рынке углеводородов обретает достаточно жесткие временные рамки, с чем, разумеется, приходится считаться при определении темпов и масштабов взаимодействия.

Что касается Китая, то для него поставки нефти из России по сухопутному маршруту на обозримую перспективу сохранят существенное значение как весомый фактор обеспечения энергетической безопасности. Стабильный рост спроса на газ обусловлен более высокими требованиями к экологичности экономики КНР.

Несомненным положительным моментом является одобрение главами государств в сентябре 2009 г. Программы сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Си-

бири Российской Федерации и Северо-Востока КНР на 2009—2018 гг., конкретизировавшей направления и перечень потенциальных объектов совместного освоения. Даже частичная реализация данной Программы позволит существенно нарастить объем межрегиональных торговых связей и инвестиционного сотрудничества и задать долгосрочный импульс их дальнейшему развитию.

Очевидным, однако пока практически не используемым резервом развития двусторонней торговли представляется *крупномасштабный экспорт продовольствия*, прежде всего пшеницы, из России в Китай. Ограниченность пахотных площадей при сохраняющемся росте населения в КНР заставляет китайских экспертов прогнозировать нарастание к 2020 г. разрыва между производством (540 млн т) и потреблением (572,5 млн т) зерна. Напротив, Россия, все более активно позиционирующая себя в качестве крупного экспортера зерна, располагает большими резервами пахотных площадей, ныне недоиспользуемых из-за отсутствия гарантий сбыта выращиваемой продукции и отчасти — из-за нехватки рабочих рук. Самые разнообразные формы взаимовыгодного сотрудничества с Китаем на этом направлении напрашиваются сами собой. Естественно, реализация имеющегося здесь потенциала требует серьезных организационных усилий, проработки нормативно-правовой базы кооперации, решения проблем фитосанитарного контроля, логистики и т. п. Однако какие-либо непреодолимые препятствия для взаимовыгодной кооперации России и Китая в зерновом производстве отсутствуют. Первым шагом к ней должна стать отмена запрета на импорт Китая пшеницы из России, введенного еще в 1997 г.

Вместе с тем российско-китайская торговля не может не испытывать на себе возрастающего влияния тех *крупных подвижек в экономической стратегии*, которые ожидаются и в Китае, и в России. На основе анализа уроков мирового экономического кризиса Пекин заявил о безотлагательности задачи смены модели экономического роста, а Москва — о необходимости радикальной модернизации экономики страны. Одновременно и Россия, и Китай предполагают решать и выдвинутые не-

сколько ранее, еще в докризисный период, задачи перехода на «инновационную модель развития» (Россия) и «создания государства инновационного типа» (Китай).

Модернизация экономики России предполагает в первую очередь серьезное обновление производственной базы и развитие транспортной инфраструктуры страны, в значительной мере за счет крупномасштабного привлечения иностранных инвестиций и импорта современных машин и оборудования. Отчасти эта задача может быть решена с помощью Китая: свободные средства в КНР есть, и с ратификацией Россией двустороннего соглашения с КНР о поощрении и взаимной защите инвестиций⁹ формальные препятствия для притока китайских капиталов в РФ устранены. Кроме того, Китай, заслуженно обретший статус «всемирной фабрики», по технико-экономическим характеристикам производимых машин и оборудования на многих направлениях приблизился к уровню развитых стран, что позволило ему выйти на крупномасштабный экспорт продукции машиностроения. С Россией уже имеются договоренности о поставках оборудования китайского производства для электростанций.

С другой стороны, Россия прилагает серьезные усилия по сохранению за собой лидирующих позиций в мире по 7—8 макротехнологиям из примерно 50, определяющих ключевые направления научно-технического прогресса. Это, в частности, космос, нанотехнологии, авиастроение (на базе военного), использование атомной энергии и атомное машиностроение¹⁰. По всем этим позициям Россия намерена занять весомые ниши на мировом рынке или существенно расширить имеющиеся. Например, долю РФ в глобальном строительстве и эксплуатации АЭС предполагается увеличить с нынешних 16 до 25 %¹¹. Естественно, Москва заинтересована в наращивании своего инновационного и высокотехнологичного присутствия и на китайском рынке — одном из крупнейших в мире и динамично растущем.

По каким-то другим направлениям (например, телекоммуникации, биотехнологии, аквакультура), напротив, Россия может выступать в качестве интересного рынка для китайских

инновационных технологий. Не следует забывать, что на сегодняшний день Китай, по большинству международных экспертных оценок, заметно опережает Россию по рейтингам инновационности и развития информационных технологий¹².

В целом, на наш взгляд, очевидно, что устойчивое наращивание инновационно-модернизационного вектора экономического развития России и Китая может способствовать расширению общего поля и определенному облагораживанию структуры торгово-экономического взаимодействия двух стран.

В качестве прообраза «инновационно-модернизационной модели» российско-китайского торгово-экономического взаимодействия можно рассматривать План двустороннего инвестиционного сотрудничества, одобренный в июне 2009 г. главами государств¹³. В нем достаточно конкретно прописано видение обеими сторонами своих ожиданий друг от друга и приоритетов в работе на рынке страны-партнера, в том числе в машиностроении, сфере информационных технологий, инноваций и научно-прикладных разработок.

Вместе с тем вряд ли стоит рассчитывать, что уже в ближайшие годы «инновационно-модернизационная модель» сотрудничества станет определяющей в формировании объема и структуры российско-китайской торговли. Прежде всего, какой-либо «инновационный прорыв» в торговле на отдельно взятом китайском направлении невозможен в принципе. Такой прорыв может стать результатом лишь общего повышения технологического уровня экономики России, а оно будет явно небыстрым вследствие и самой масштабности задачи, и скудости финансирования (расходы бюджета могут сохраниться на посткризисном уровне на протяжении всего следующего десятилетия), и весьма вероятного замедления темпов экономического роста страны¹⁴. Сказывается и то обстоятельство, что в сфере НИОКР и высоких технологий, а отчасти и в гражданском машиностроении, Россия и Китай являются друг для друга мало знакомыми партнерами, и им еще многое предстоит отладить и в механизме взаимодействия, и в адаптации к требованиям конкретных российских и китайских потребителей. При этом самостоятельной и чрезвычайно важной проблемой является

реальная защита прав интеллектуальной собственности, без налаживания которой российско-китайское сотрудничество в сфере НИОКР рискует остаться на уровне единичных примеров. Так что облагораживание структуры двусторонней торговли требует от России и Китая и неустанных разнообразных усилий, и накопления опыта взаимодействия в новых областях, и дальнейшего повышения взаимного доверия. Ключевое значение при этом имела бы готовность Москвы и Пекина открыть свой рынок для высокотехнологичной продукции партнера.

Поэтому, на наш взгляд, в ближайшие несколько лет доминирующее положение сохранит действующая модель двусторонней торговли с преобладаем в российском экспорте углеводородов и продукции первичного передела (металлы), а в китайском экспорте — потребительских товаров. Оптимизация этой модели может идти, во-первых, за счет наращивания количественных объемов взаимных поставок с повышением доли России во внешнеторговом товарообороте КНР минимум до 2,5—3 % и, во-вторых, за счет постепенного расширения взаимных поставок машин и оборудования и углубления сотрудничества в сфере НИОКР.

Примечания

¹ Элосы Дун Оу Чжун Я яньцзю : [Изучение России, Восточной Европы и Центральной Азии]. 2009. № 5. С. 85.

² Данные Хайгуань тунци : [Таможенная статистика]. Пекин, 2008. № 12. С. 3—6 и расчет по ним.

³ Данные сайта www.rusimpex.ru.

⁴ Тест на сопротивляемость. Рейтинг эффективности отраслей российской промышленности в 2009 г. // *Время новостей*. Москва. 24.03.2010.

⁵ «Китайские рынки» российских городов — «уходящая натура»? // *Трансграничные миграции и принимающее общество: механизмы и практики взаимной адаптации* / под ред. В.И. Дятлова. Екатеринбург. 2009. С. 287—288.

⁶ *Ding Ying*. Sino-Russian Ties Strengthened by Economic Bonds // *Beijing Review*. 22.10.2009. P. 14—15.

⁷ *Симонов К.* Китайский калькулятор // *Ведомости*. 29.10.2009.

⁸ *Shoichi Itoh*. Sino-Russian Energy Relations: True Friendship or Phony Partnership? // *Russian analytical digest*, Center for Security Studies. Zurich. № 73. 23.02.2010. P. 9—12.

⁹ Федеральный закон «О ратификации Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о поощрении и взаимной защите капиталовложений и Протокола к данному Соглашению» был принят Государственной Думой 27 марта 2009 г. и одобрен Советом Федерации 1 апреля 2009 г., после чего его подписал Президент РФ.

¹⁰ *Богатуров А.* Равновесие недоверия. Приоритеты России на фоне смены власти в США // *Международные процессы*. Москва. Т. 7. № 3, сентябрь—декабрь 2009. С. 33—34.

¹¹ *Миронова Ю.* Ядерный бизнес // *Время новостей*. 19.03.2010.

¹² Подробнее см.: *Хейфец Б., Селихов Д.* Китай: инновационное развитие в условиях экономического кризиса // *Проблемы Дальнего Востока*. 2010. № 1. С. 47.

¹³ Текст Плана размещен на сайте Торгпредства РФ в КНР (www.russchinatrade.org.cn).

¹⁴ По прогнозу ученых Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, прирост ВВП России после «восстановительных» 7,5 % в 2010 г. начнет затем снижаться: 5,1 % — в 2011 г., 2,2 % — в 2012 г. и 2,4 % — в 2013 г. *Узяков М., Широков А., Гусев М.* Перспективы экономического роста в России // *Общество и экономика*. 2010. № 2. С. 145.

М. В. Александрова*

ПРОГРАММА СОТРУДНИЧЕСТВА СМЕЖНЫХ ТЕРРИТОРИЙ РОССИИ И КИТАЯ: ИСТОРИЯ, ФАКТЫ, ПУТИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ

Программа развития и возрождения смежных территорий России и Китая, подписанная в сентябре 2009 г. президентом РФ и председателем КНР, на наш взгляд, является не вполне обоснованным и даже опасным для России проектом. Ее уже называют «программой ускоренной “китаизации” Дальнего Востока и Сибири». Вспомним предысторию появления этого документа.

Во время визита в КНР в октябре 2004 г. Президент России В. Путин посетил г. Сиань, где обсудил с руководителями северо-западных провинций Китая и ряда российских регионов вопросы укрепления и расширения приграничного и межрегионального сотрудничества двух стран. Затем в июле 2005 г., во время официального визита в Россию Председателя КНР Ху Цзиньтао, на встрече с руководителями субъектов Сибирского Федерального округа (в г. Новосибирске) были рассмотрены пути расширения межрегиональных связей.

В ходе этих встреч были подняты вопросы о возможных путях развития и углубления экономического, научного и гумани-

* Александрова Мария Викторовна, к. э. н., в. н. с. Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений ИДВ РАН.

тарного сотрудничества между регионами, рассмотрены проблемы российского участия в программах освоения западно-китайских провинций и возрождения старой промышленной базы Северо-Восточного Китая, а также вовлечения китайских партнеров в соответствующие федеральные программы развития районов Дальнего Востока (ДВ) и Сибири РФ.

В Совместной декларации Российской Федерации и Китайской Народной Республики от 26 марта 2007 г., подписанной в ходе очередного визита председателя Ху Цзиньтао в Россию, в п. 8 раздела I было закреплено намерение сторон «...активизировать совместные усилия по углублению координации в процессе осуществления стратегий возрождения старых промышленных баз Северо-Востока Китая и развития районов российского Дальнего Востока и Восточной Сибири, приступить к подготовке плана сотрудничества в данной области»¹. А уже в августе 2007 г. в Китае была опубликована китайская Программа возрождения промышленной базы Северо-Востока. Чуть позже увидела свет и российская Федеральная целевая программа «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на период до 2013 года».

Начиная с этого момента Китай стал настойчиво пропагандировать идею о необходимости и даже неотвратимости координации китайской и российской программ развития смежных территорий. Целые научные институты и подразделения академических учреждений Китая начали активную кампанию по публикации особых материалов, имевших главной целью оправдать далекоидущие планы освоения российских природных ресурсов, доказать правомерность идеи о «взаимодополняемости» развития российских и китайских приграничных территорий и российско-китайского торгово-экономического сотрудничества.

Летом 2008 г., в ходе встречи Ху Цзиньтао с Президентом РФ Д. Медведевым в г. Тояко, китайский руководитель вновь поднял эту тему, после чего ведущим российским министерствам и ведомствам было поручено разработать комплекс предложений и практических механизмов по реализации идеи о стыковке российской и китайской программ экономического развития смежных регионов. Пока государственные органы собирали материа-

лы из восточных субъектов Федерации, Россия оказалась в «орбите» действия мирового финансового кризиса, который уже на первом этапе внес значительные коррективы в российско-китайское межрегиональное сотрудничество. Следствием кризиса стали сокращение рабочих мест и стремительный рост безработицы в регионах, снижение покупательной способности населения. Это, прежде всего, выразилось в уменьшении объемов экспорта из КНР товаров народного потребления, продукции электронной, автомобильной и других отраслей промышленности. Снижение объемов строительства жилья и социально-промышленных объектов в связи с кризисом также привело к сокращению поставок из КНР строительной техники и материалов. Очевидно, что на российском Дальнем Востоке и в Забайкалье, как и во многих регионах РФ, некоторое время будет наблюдаться тенденция к росту безработицы и усилению социальной напряженности, поэтому «укреплять» сотрудничество с Китаем в «сфере трудовой деятельности» за счет притока китайских рабочих видится преждевременным и непатриотичным.

Но вернемся к конкретному документу — «Программе сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики (2009—2018 годы)», подписанному премьер-министрами наших государств осенью 2009 г.

Судя по отрывочным сообщениям, просачивающимся в российские СМИ, можно представить, как составлялся «пакет» предложений с российской стороны. Первоначально было две программы: от российской и китайской сторон, из которых явно следовало, в каком сырье заинтересована китайская сторона для развития не только старых, но и новых производств и какой из близлежащих субъектов РФ собирается его поставлять. Даже при беглом изучении документа можно отметить, что российская сторона из-за невероятной, необоснованной спешки не смогла сделать должные финансовые расчеты и технико-экономическое обоснование предлагаемых проектов. При анализе программ напрашивается вывод о том, что в документах явным образом лоббируются китайские интересы. Наибольшее удивление вызывает целый пакет проектов, предложенных За-

байкальским краем, — это фактически разрешение на использование почти всей палитры металло-рудных месторождений, имеющихся в крае. Результатом осуществления этих проектов может стать то, что не в России, а в Китае будет налажено производство олова, свинца, меди, железа, молибдена, золота, сурьмы, титана, ванадия, серебра, германия из сырья российских месторождений.

Кроме этого, российские дальневосточники предложили более 20 проектов по переработке древесного сырья, но почти все они предусматривают развитие на российской территории производств по изготовлению малоприбыльной низкокачественной продукции, использующей отходы лесодобычи (кора, сучья и др.), а ценный массив планируют экспортировать в Китай, где будут создаваться предприятия по производству «среднекачественной и высококачественной мебели».

Среди предложений встречаются единичные привлекательные и, возможно, выгодные для нашей стороны. Так, Амурская область намерена модернизировать за счет китайского капитала консервный завод, учредить завод по производству сахара, а также предприятие по совместной сборке лифтов.

Мы не можем категорично утверждать, что все эти проекты не выгодны России. Однако их объединяет одно: китайские предприятия-изготовители конечного продукта будут использовать российские сырьевые ресурсы. Следовательно, это — не взаимовыгодное сотрудничество, так как Китай получит большую экономическую выгоду, чем Россия. Очевидно, что все планируется по инициативе китайского заказчика. К сожалению, очень многие российские чиновники недостаточно дальновидны и не утруждают себя точными экономическими расчетами, приглашая китайский капитал к разработке российских природных ресурсов. Им стоит поучиться у китайских *ганьбу* умению отстаивать интересы своей страны. Российские бизнесмены, увы, никак не отвыкнули от «материально-сырьевой» направленности нашего экспорта. Им надо помнить, что резервы экстенсивного роста быстро исчерпываются. В итоге российское производство постепенно станет китайским и на территории России мы получим китайские промышленные «районы» и «парки».

Прагматизм центрального и местного руководства КНР в отношении Российской Федерации выражается в том, что определенные внутриэкономические проблемы Китая планируется решать за счет привлечения дешевых природных ресурсов России и практически бесплатного использования разработок российских научных и производственных баз. Достигнув хороших экономических показателей, КНР, тем не менее, испытывает потребность в обмене опытом по ряду наукоемких отраслей, в которых у России еще с советских времен имеются серьезные наработки.

Подобная ситуация сложилась не в одночасье, а обусловливалась многими внутренними и внешними факторами развития Китая. Так, столкнувшись после вступления в ВТО с серьезной конкуренцией со стороны импортных товаров, Китай стал прилагать активные усилия по поиску новых рынков сбыта собственной продукции в приграничных странах. Ведущие китайские экономисты рекомендуют частным предпринимателям и государственным предприятиям уделять приоритетное внимание захвату перспективных сегментов российского рынка потребительских товаров, активному продвижению в Россию широкой номенклатуры продукции. При этом они исходят из того, что по целому ряду товарных групп (прежде всего — продовольственных) зависимость России от импорта является весьма значительной. Необходимо понимать, что снятие торговых барьеров между нашими странами создаст благоприятные условия для резкого увеличения поставки китайских товаров и откроет для РФ отнюдь не радужную перспективу стать придатком китайской экономики.

Южный сосед активно использует в собственных интересах слабые стороны российской экономической модели и уверенно закрепляется в целом ряде экспортных секторов в качестве импортера-монополиста. Китайская сторона находит множество способов проникновения на рынки приграничных регионов и привлечения их интереса к рынку КНР. При этом китайцы зачастую диктуют невыгодные российской стороне условия контрактов, игнорируя естественные интересы партнера.

При сотрудничестве с китайцами следует учитывать, что для них характерен высокий уровень семейной, клановой и группо-

вой интеграции, способность умело находить «узкие места» в российском законодательстве, что делает их серьезными соперниками российских производителей и предпринимателей. Даже относительно небольшой контингент граждан КНР, временно пребывающий и проживающий на территории Сибири и Дальнего Востока, способен в перспективе взять под контроль некоторые жизненно важные отрасли экономики регионов. Подписанная программа сотрудничества яркий тому пример: губернаторы с готовностью идут на поводу у китайцев, забыв о своей программе «Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока, Республики Бурятия, Забайкальского края и Иркутской области на период до 2025 года», в проекте которой главной угрозой и вызовом считается «опасность превращения этой территории только в источник энергоносителей и сырья для стран АТР»². Выходит, что государственные лица, принимающие решения, не чувствуют себя ответственными перед гражданами своей страны.

Вместе с тем активное продвижение китайского капитала в Россию создает предпосылки для ухудшения положения ряда отечественных предприятий и даже целых отраслей народного хозяйства в силу недостатка у них оборотных средств и, следовательно, возможности в ближайшее время модернизировать промышленные мощности.

Желание региональных властей привлекать китайцев к разработке месторождений цветных и полиметаллических руд опасно для России, поскольку в большинстве своем эти руды являются сырьем для ВПК. Не обоснована и радость по поводу создания совместных технопарков и зон освоения высоких технологий — это также является очередным «благовидным» прикрытием для китайского экономического, научного и военного шпионажа, что, несомненно, составляет национальную угрозу для России. Так, руководитель Алтайской школы политических исследований Юрий Чернышов считает, что «перенаселенный Китай переживает экономический бум. Он остро нуждается в новых землях, сырье и энергоресурсах. Все это в изобилии находится в Сибири, которую России все труднее удержать»³.

Все предложенные в программе проекты по сотрудничеству с Россией не содержат ничего нового и выгодного для нашей страны, а напротив, находятся в тесной увязке с «программой возрождения Северо-Востока КНР». Хотелось бы подробнее остановиться на том, что представляет собой экономический комплекс Северо-Восточного Китая (в сокращении СВК или, в китайской транскрипции, Дунбэй). В состав региона входят три провинции (Хэйлунцзян, Ляонин, Цзилинь), а также восточная часть Автономного района Внутренняя Монголия (г. Хулунбуир, аймаки Синань, Тунляо, Силянхот и г. Чифэн). Дунбэй занимает территорию в 1,45 млн кв. км с населением 120 млн человек. Регион, по китайским меркам, богат природными ресурсами и выделяется производством некоторых важных видов продукции: лесоматериалов — 1/2 объема производства страны, автомобилей — 1/4 (в том числе среднегабаритных и грузовых — 1/2), судов — 1/3. Именно этот регион был первой индустриальной базой КНР, большинство предприятий которой построены или модернизированы в годы первой пятилетки (1953—1957 гг.) преимущественно при помощи СССР. В канун реформ (1978 г.) среднедушевой показатель валового регионального продукта (ВРП) в трех провинциях СВК был выше как среднего показателя по стране, так и показателей промышленно развитых восточных провинций (Гуандун, Цзянсу, Чжэцзян). С началом экономических реформ ситуация стала меняться, и ныне Северо-Восточный Китай развивается медленнее приморских регионов. Примечателен следующий факт: если в 1978 г., в начале рыночных реформ, по показателю ВРП на душу населения приморская пров. Гуандун занимала 9-е место, Цзянсу — 6-е, Чжэцзян — 15-е, то к 2004 г. они поднялись на 6, 5 и 4-е места соответственно. В то же время провинции СВК Ляонин, Цзилинь и Хэйлунцзян, находившиеся в 1978 г. на 4, 8 и 5-м местах, к 2004 г. спустились на 9, 14 и 10-е в общекитайском рейтинге⁴. До начала глубоких экономических преобразований СВК отличался высоким удельным весом государственного сектора в экономике. Социально-экономическая ситуация в регионе осложнялась тем, что за время реформ промышленные предприятия трех провинций, обладавшие во многом устаревшими производ-

ственными мощностями, столкнулись с проблемами убыточности, реализации продукции, трудоустройства увольняемых рабочих.

Учитывая критическое положение региона, в ноябре 2002 г. после XVI съезда КПК, руководством КНР была сформулирована программа развития старопромышленных баз Северо-Востока Китая. В октябре 2003 г. на 3-м пленуме ЦК КПК 15-го созыва принимается решение о стимулировании развития провинций СВК, а в начале 2004 г. — об учреждении при Госсовете КНР Канцелярии руководящей группы по регулированию и возрождению старых промышленных баз на Северо-Востоке Китая. В этот же период группой ведущих китайских ученых страны был разработан и представлен в Госсовет КНР документ под названием «Предложения по возрождению и последовательному развитию Северо-Восточного района», в котором взаимодействие с дальневосточными территориями РФ рассматривалось как одно из важных условий успешного развития региона.

Следует отметить, что программа возрождения северо-восточных регионов, приняла законченный вид только после принятия в августе 2007 г. «Плана возрождения Северо-Востока КНР», определившего концептуальные основы и приоритетные направления развития СВК. Пять лет реализации этой программы, официальный старт которой был дан в 2003 г., ознаменовались высокими темпами социально-экономического развития региона, постепенной трансформацией структуры производства, повышением качества и эффективности экономической деятельности, существенным ростом роли частных предприятий. Так, в 2008 г. темпы роста ВВП региона превысили общекитайские на 4,4 %, ВВП трех северо-восточных провинций составил 2819 млрд юаней (1 долл. = 6,83 ю.), хотя доля региона в общегосударственном ВВП по-прежнему остается невысокой — 9,38 %. Структура ВВП за последние 5 лет не претерпела существенных изменений: соотношение сельского хозяйства, промышленности и непромышленной сферы в 2008 г. выглядело как 12,5 : 52,3 : 35,2.

До сих пор СВК является одной из основных сельскохозяйственных баз страны. Так, в 2008 г. сбор зерновых достиг там

своего исторического максимума в 89 млн т, что составило 16,9 % всего сбора зерновых в КНР (в 2003 г. — 14,5 %).

Наиболее развитой в промышленном плане остается пров. Ляонин. Добавленная стоимость продукции промышленности этой провинции в 2008 г. составила 660 млрд ю, в том числе машиностроения, металлургии, нефтехимии и переработки сельхозпродукции — 578,3 млрд (87,6 % общего показателя провинции). В пров. Цзилинь на долю автомобилестроения, нефтехимии и переработки продуктов питания пришлось 60 % всей добавленной стоимости промышленности, или 249 млрд юаней. В пров. Хэйлунцзян лидируют энергетическая сфера, нефтехимия, машиностроение и переработка сельхозпродукции, на долю которых приходится 89,2 % добавленной стоимости промышленной продукции, или 344 млрд юаней⁵.

Возвращаясь от конкретных цифр к программному документу «План возрождения Северо-Востока КНР», следует отметить четкие ориентиры, прописанные руководством страны для каждой из провинции. Так, *провинция Ляонин* призвана развивать производство телекоммуникационного оборудования, тепловозов и летательных воздушных аппаратов, автомобилестроение, судостроение, станкостроение, производство крупногабаритного оборудования для нефтехимического комплекса, а также электронно-информационные технологии, биоинженерию, фармацевтическую промышленность и промышленность новых материалов.

Особенно поражают своей масштабностью проекты по развитию высокотехнологичных отраслей, которые *провинция Цзилинь* активно осваивает уже около 10 лет: автомобилестроение, нефтехимическая промышленность (в том числе высокотонкое химическое производство, производство высокопрочных синтетических материалов и специальных материалов), биоинженерия.

Только одна *провинция Хэйлунцзян* практически не пыталась связать свои ключевые «программные отрасли» с проектами сотрудничества и совершенно не скрывала за витиеватыми названиями проектов своих корыстных целей. Из 32 проектов, предложенных провинцией, 5 — в области торговли, 4 — туризма,

связанного с китайско-российским шоп-туризмом, и 2 — логистических, т. е. около 30 % проектов рассчитаны на посредничество и услуги. Очевидна тесная связь с российским сырьем прочих проектов. Так, в программе возрождения провинции планируется создание базы производства современного оборудования для гидро- и теплоэлектростанций, оборудования для тяжелого машиностроения, станков с ЧПУ, малогабаритных автомашин, железнодорожных составов для грузоперевозок, самолетов и других средств обороны и продукции ВПК. Только одна отрасль в этой программе имела связь с «программой возрождения» — это два проекта по созданию опорных рынков древесины: развитие производства группы отраслей по переработке древесины и создание базы для лесной и деревообрабатывающей промышленности.

Необходимо отметить, что именно пров. Хэйлунцзян, во главе с ее партийным и провинциальным руководством, является одним из главных проводников «серых таможенных схем» и очевидным противником изменения и обновления методов и форм российско-китайского торгово-экономического сотрудничества. Именно эта провинция, одна из трех в Дунбэе, имея более высокие показатели скрытой безработицы и низкие темпы производства, предпочитает зарабатывать «дивиденды» от посреднических услуг.

В программном документе предусматривается, что сотрудничать государство, помимо общих для них устремлений, должны преследовать и индивидуальные интересы. Здесь китайская сторона в очередной раз дала нам понять, чьи интересы важнее и кто является ведущим, а кто ведомым в российско-китайском экономическом сотрудничестве. И пока федеральная власть не возьмет под свой контроль экономическую и геополитическую ситуацию на Дальнем Востоке, эта ситуация будет развиваться исключительно по китайскому сценарию. По мнению российского исследователя А.Ю. Баранова, «американские эксперты уповают на то, что Пекин, идя на контакт с Россией, в первую очередь стремится разыграть в своих целях “российскую карту”, но не заинтересован в расширении российского влияния в АТР»⁶. Следует также учитывать, что, несмотря на активизи-

зацию различных форм двустороннего сотрудничества, наблюдается резкое расширение демографической и экономической экспансии Китая на территории России. Это очень серьезные вопросы, о которых следует задуматься, поскольку именно ДФО — главный российский форпост на тихоокеанском побережье — в настоящее время находится в крайне сложной ситуации. При огромной площади (41 % территории РФ) и изобилии природных ресурсов⁷ в ДФО отмечается чрезвычайно низкая плотность населения (1,1 чел/кв. км). При этом налицо тенденция к уменьшению численности населения в связи с отрицательным естественным его приростом и стремительным оттоком высококвалифицированных кадров трудоспособного возраста в европейскую часть РФ и другие регионы мира. Проблема трудоустройства связана с разрушением машиностроительной базы региона, в том числе судостроения и судоремонта, а также с низкими зарплатами и практическим отсутствием карьерных перспектив. Население региона не выдерживает размеров экономических тарифов: например, в ДФО самая высокая стоимость 1 кВт · ч электроэнергии (в 2,2 раза выше, чем по стране). Дальний Восток по многим экономическим показателям отстает от других субъектов Федерации. Так, к примеру, показатель ВРП занимает 7-е, или последнее, место по стране.

Сегодня трудно поверить в тот исторический факт, что до начала 1990-х годов наблюдался устойчивый опережающий рост численности населения восточных районов страны по сравнению с европейскими. С 1926 по 1959 г. население Восточной Сибири выросло в 2 раза, Дальнего Востока — в 3 раза. За 1959—1989 гг. население Восточной Сибири увеличилось на 42 % по сравнению с 25 % по России в целом. За 1960—1980-е годы население Дальнего Востока возросло на 64 %. Отметим, что уровень жизни населения в Сибири и на Дальнем Востоке до 1980-х годов был существенно выше, чем в европейской части России⁸. Но уже в начале 1990-х годов регион потерял свою привлекательность, и миграционные потоки из фактора количественного увеличения численности населения превратились в фактор его уменьшения. Миграционный отток в условиях естественной убыли населения способствовал сокраще-

нию численности населения. В начале 2008 г. на Дальнем Востоке проживало 6486,4 тыс. человек. Это меньше, чем было в регионе в 1976—1977 гг. За период 1991—2007 гг. регион потерял 1570,2 тыс. человек, или 19,5 % собственного населения, в том числе 213,7 (13,6 %) — естественная убыль и 1356,5 тыс. человек (86,4 %) — миграционный отток⁹.

Ряд факторов, тесно связанных с демографическими проблемами, также затрудняет освоение Сибири и Дальнего Востока. Это:

- отсутствие полноценной энергетической и транспортной инфраструктуры;
- низкая экологическая устойчивость местных экосистем, требующих дополнительных природоохранных затрат в ходе освоения природных ресурсов;
- неразвитость или полное отсутствие производств, обеспечивающих комплексную и безотходную переработку сырья;
- заметное отставание производительности труда в большинстве природно-ресурсных отраслей Дальнего Востока и Забайкалья от производительности труда в развитых странах АТР;
- непродуманность тарифной политики, что вместо стимулирования социально-экономического развития российских территорий стимулирует «меридиональный» перехват товарных потоков, когда грузы из центра России доставлять на Дальний Восток нерентабельно, а из Китая, Японии, Южной Кореи — выгодно;
- практический разрыв хозяйственных связей Дальнего Востока и центральной России: все больше регион ориентируется на зарубежье;
- отсутствие продуманной государственной политики развития экономики региона.

На последней проблеме мы остановимся подробнее, для начала сделав небольшой экскурс в историю и политику освоения российского Дальнего Востока.

За весь период активного экономического освоения ДВ, т. е. более чем за 100 лет, государство приняло 7 программ развития региона, включая указанную выше программу 2008 г.

Перечислим эти программы.

Характеристика программы или название документа	Выполнение намерений, %
План развития Приамурского края Витте — Столыпина	100
Постановление ВЦИК и ЦК ВКП(б) 1930 г.	130
Постановление ЦК КПСС и Совмина СССР 1967 г.	80
Государственная целевая программа на 1986—2000 гг. (1987 г.)	30
Федеральная целевая программа экономического и социального развития Дальнего Востока и Забайкалья на 1996—2005 гг. (1996 г.)	≈5—10
Федеральная целевая программа экономического и социального развития Дальнего Востока и Забайкалья на 1996—2005 гг. и до 2010 г. (2002 г.)	≈4,5—10
Федеральная целевая программа «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на период до 2013 года» (2008 г.)	

Анализ результатов выполнения всех многолетних планов развития Дальнего Востока позволяет сделать следующие выводы:

- региональные программы могут обеспечивать наиболее эффективное достижение заданной цели развития в тех случаях, когда цель сформулирована однозначным образом, стратегия развития региона является «чистой», а не сложносоставной стратегией и программа реализуется под контролем Центра (таковы программы 1880—1918 и 1930—1942 гг.);
- если цели программы (соответственно, оценка исходов) формулируются неоднозначно, а стратегия развития региона является смешанной стратегией, эффективность государственной программы существенно снижается (таковы программы 1967 и 1987 гг.);
- если цели программы формулируются неоднозначно, стратегия развития региона является смешанной стратегией, а реализация программы осуществляется силами сугу-

бо от региональных властей, положительного результата выполнения программы достичь не представляется возможным.

Современную ситуацию в регионе можно сравнивать с ситуацией, сложившейся в 1920-е годы, когда реализовывалась Концепция экономической автономизации. После окончания гражданской войны ресурсы из центральной России на Дальний Восток практически не поступали, а на западных границах региона при отсутствии государственных дотаций возник экономический «барьер». В то же время восточные границы оставались свободными. Китайские и корейские эмигранты по-прежнему составляли заметную часть трудовых ресурсов. Стратегия развития заключалась в сосредоточении усилий в тех сферах, которые требовали наименьших вложений и могли быть быстро восстановлены без существенной помощи Центра. Поэтому основные перспективы хозяйственного развития Дальнего Востока связывались с ростом промышленности, эксплуатирующей богатые природные ресурсы региона. Только создание военно-индустриальной базы на Тихом океане смогло вовлечь дальневосточную экономику в комплекс народного хозяйства СССР. С 1930 г. развитие региона было встроено в плановую нормативную модель. Были восстановлены субсидии из государственного бюджета, которые компенсировали транспортный тариф, повышенную заработную плату, повышенные затраты на тепловую и электрическую энергию. Капитальные и материальные ресурсы практически полностью поступали из Центра. Экономика региона трансформировалась в экономику индустриального типа с преобладанием добывающих отраслей и сильной оборонной промышленностью. Регион выполнял функции поставщика сырьевых ресурсов на внутрисоюзный рынок и экономической базы Тихоокеанского флота и Дальневосточного военного округа.

Современная ситуация крайне схожа с ситуацией 1920-х годов: реформа, отсутствие госрегулирования, неконтролируемая инициатива местных властей и в итоге — тупик.

С точки зрения участия Дальнего Востока в национальном разделении труда и сравнительной концентрации отраслевых

комплексов в регионе существенных изменений не произошло. По-прежнему существуют три традиционные отрасли специализации (цветная металлургия, лесная и рыбная промышленность), которые остаются высококонцентрированными с точки зрения размещения в пределах национальной экономики. Но с 2004 г. появились статистические признаки формирования новой отрасли специализации в регионе — резкое увеличение индекса локализации в топливной промышленности Сахалинской области. Начиная с 2005 г. непрерывно увеличиваются добыча и экспорт нефти на шельфе Сахалина, что означает в ближайшем будущем превращение топливной промышленности в новую отрасль национальной специализации этого региона. Кроме того, считаем, что важной для региона должна оставаться оборонная функция. Необходимо возродить роль ДВ как военно-экономического форпоста страны на Тихом океане.

Что касается вновь принятой федеральной программы развития региона, то очевидно, что она ориентирована исключительно на экспорт необработанного сырья или только на начальные стадии его обработки. Растущая зависимость России от покупателей природных ресурсов препятствует развитию собственной инновационной экономики и в будущем приведет к обнищанию страны. Стратегической задачей должно быть стимулирование перехода к производству и экспорту продукции на основе глубокой переработки сырья и производства готовой продукции из этого сырья. Нынешняя схема освоения природных ресурсов не позволит в перспективе использовать этот сектор экономики как базу экономического развития региона. В добывающей отрасли целесообразно восстановить практику реализации концессионных проектов под строжайшим контролем создаваемых российской стороной государственных дирекций, которые будут отвечать за экономические и экологические вопросы.

В России, а особенно на Дальнем Востоке, должны быть созданы такие условия, когда Китаю и другим странам СВА и даже АТР будет жизненно необходимо сотрудничество с нами. Этого можно достичь, если российское правительство за счет государственного бюджета и привлечения частных российских

инвестиций построит современную транспортную инфраструктуру от портов Дальнего Востока до портов Черного и Балтийского морей, а также до пограничных переходов на западе страны. В подобной трансазиатско-европейской железнодорожной магистрали будет более всего заинтересован Китай как «мировая фабрика» товара.

К сожалению, крайний дефицит государственной поддержки прослеживается во всех трех федеральных программах «Дальний Восток и Забайкалье» (1996, 2002 и 2008 гг.). Из них явствует, что регион должен опираться исключительно на внутренние резервы. Деграция экономики последних 20 лет и полная трансформация ее роли в «сырьевой придаток» богатых соседних государств способны нанести России огромный экономический ущерб и в конечном итоге — привести к подрыву независимости и целостности государства.

Основным направлением целевой программы должно быть сбалансированное развитие Дальнего Востока и Сибири за счет взаимовыгодного сотрудничества не только с Китаем, но и с другими дальневосточными соседями. Основные усилия надо сконцентрировать на выгодном для России освоении природных ресурсов и на развитии таких отраслей экономического комплекса, в которые, в той или иной мере, можно привлечь долевой китайский капитал и технику. Вот некоторые из них.

- Создание *магистральных коридоров* для транспортировки в страны АТР и СВА российских энергоресурсов и энергопродукции, а также *транссибирского железнодорожного маршрута*, которые превратят юг Дальнего Востока в мощнейший транспортно-энергетический транзитный узел.

- *Осуществление глубокой переработки древесины.* Поскольку в последнее десятилетие огромные объемы необработанного кругляка бесконтрольно вывозились в КНР в убыток российской экономике, считаем необходимым в ближайшее время завершить следующие мероприятия:

- 1) на основании Постановления Правительства РФ от 5 февраля 2007 г. за № 75 завершить третий этап повышения вывозных пошлин на круглый лес — хвойные породы, березу и осину (кроме балансовой древесины), а также ценные и твердо-

лиственные породы до 50 евро за куб. м или ввести запретительные меры;

2) ввести сертифицирование древесины.

Эти меры позволят сохранить естественные лесные угодья Востока России и послужат стимулом к развитию глубокой переработки древесины на территории РФ. Именно сфера глубокой переработки древесины должна стать основополагающей отраслью сотрудничества между российскими и китайскими регионами. Целесообразно в приграничных районах, близких к железнодорожным и автомобильным дорогам, создать пояс перерабатывающих предприятий. Для того чтобы они работали на полную мощность, предварительно следует собрать максимально подробные сведения о лесоперерабатывающих предприятиях, действующих на территории Северо-Восточного Китая. Затем подготовить, совместно с Министерством промышленности и заинтересованными коммерческими структурами, технико-экономическое обоснование создания новых предприятий. При этом важно сформировать конкурентную среду, а именно путем проведения конкурсов на промышленное оборудование. Следует отметить, что в Китае на данном этапе отсутствует оборудование для глубокой переработки древесины, соответствующее мировым стандартам, поэтому следует привлекать к участию в тендерах крупнейших производителей подобного оборудования из Швеции, Канады, Германии и других стран. Наиболее привлекательной в таком проекте, мы полагаем, в условиях кризиса может стать схема с участием трех сторон, а именно: России (сырье-лес) — страны-производителя оборудования (возможен вариант лизингового сотрудничества) — покупателя продукции (Китай, Япония, Корея). Только при подобной схеме и при введении вышеназванных сертификационных и таможенных мероприятий мы сможем спасти наше лесное богатство — уникальные таежные леса Дальнего Востока.

• Развитие сотрудничества в *фармацевтической сфере*. В настоящее время российская фармацевтическая промышленность использует около 8 тыс. усл. т субстанций в год, из которых около 1,7—1,9 тыс. усл. т производят российские предприятия. Доля высокотехнологичных субстанций (более 6 стадий синте-

за) составляет 35 % в количественном выражении (в том числе 15 %, произведенных в РФ) и 34 % в денежном (в том числе 5 %, произведенных в РФ), а доля биотехнологических соответственно 39 % в денежном выражении, из которых в РФ производится всего 2 %. Образующийся дефицит компенсируется импортом субстанций на российский рынок преимущественно из Китая и Индии (суммарно около 70 % от всего импорта субстанций в 2007 г.)

Необходимо на базе имеющихся мощностей фармацевтической промышленности Дальнего Востока (во Владивостоке, Хабаровске, Благовещенске) консолидировать производственные, научно-образовательные, финансовые, управленческие, инфраструктурные центры, что позволит использовать хорошо зарекомендовавшую себя за рубежом кластерную политику развития фармацевтической отрасли.

Дальний Восток России располагает богатейшими уникальными сырьевыми ресурсами для создания в регионе промышленного производства биологически активных веществ.

Морские организмы и редчайшие образцы флоры все больше привлекают внимание как источник необычных по химическому строению и биологической активности природных соединений. Десятки исследовательских центров во всем мире изучают эти вещества. Быстро расширяются работы в биотехнологической сфере, направленные на создание новых способов получения лекарственных и профилактических препаратов, а также пищевых добавок из природного сырья.

Привлечь китайские инвестиции можно в области создания новых ресурсосберегающих технологий, получения биологически активных веществ и продуктов из отходов переработки макулатуры, океанического и растительного сырья, исследованием которых занимаются научные подразделения Дальневосточного отделения РАН. Среди них — уникальные и уже апробированные на практике препараты для медицины, сельского хозяйства, ветеринарии, кожевенной промышленности, а также новые лечебно-профилактические безалкогольные напитки. Предлагаемые технологии и препараты являются конкурентоспособными, а некоторые из них не имеют аналогов в

мировой практике. Помимо биологически активных веществ, получаемых из океанического сырья, в последнее время в мире широко применяют многие виды растительного и древесного сырья, обладающие ценными лекарственными, декоративными, техническими свойствами. Все это произрастает на Дальнем Востоке и в Сибири в дикой природе, а не выращивается искусственно, как в КНР. Поэтому биологическая активность получаемых из российского сырья препаратов значительно выше и работают они эффективнее.

• Следующей отраслью, которая может создать на Дальнем Востоке большое количество рабочих мест и привлечь китайские инвестиции, является *развитие марикультуры*. Местное дальневосточное законодательство в настоящее время благоприятствует развитию этой отрасли. Как известно, с начала 1990-х годов началось стремительное истощение ресурсов открытых водоемов и сокращение добычи насыщенной белком и другими исключительно полезными и необходимыми человеческому организму элементами рыбо- и морепродукции. В связи с отсутствием дотации прекращаются добыча морепродуктов в открытых водах мирового океана и их потребление. Происходит перемещение добывающего флота РФ в северо-западную Пацифику, что незамедлительно приводит к переэксплуатации биоресурсов из-за избыточности добывающих мощностей. Ослабление госконтроля вызывает массовое браконьерство, деградацию ценных запасов прибрежных биоресурсов в 200-мильной зоне при общем снижении уловов. Наблюдается быстрое разрушение бывших градообразующих функций. Кроме того, происходит интенсификация торговых отношений со странами АТР, расширяются браконьерство и практика сдачи уловов в иностранных портах без захода на Родину. При таких условиях у частных предприятий возникает интерес к марикультуре. Особенно перспективно развитие марикультуры и искусственного воспроизводства в Сахалинской области, Хабаровском и Приморском краях и на Камчатке. В системе РАН разрабатываются долгосрочные проекты развития прибрежной зоны по созданию морских биотехнопарков и заводов для культивирования про-

мысловых беспозвоночных, в первую очередь трепанга. К работе активно подключились ученые Института биологии моря ДВО РАН. К сожалению, основные разработки института до сих пор не воплощены в жизнь. Главная проблема — отсутствие государственных программ и средств развития.

В последние годы китайская сторона стала проявлять большой интерес к научному и технологическому сотрудничеству с Россией в области выращивания марикультур. Следует отметить, что в этой сфере КНР уже более десятилетия сохраняет мировое лидерство. В Китае производится более 60 % всей мировой аквакультуры. Но при видимом успехе у КНР практически исчерпаны возможности по дальнейшему развитию отрасли, к тому же степень загрязнения китайских прибрежных вод во многом выше, чем российских. Высокопродуктивные и чистые воды дальневосточных морей повышают потребительские качества выращиваемых гидробионтов, что дает России возможность потеснить имеющихся на мировом рынке конкурентов. При этом китайская сторона, с ее огромным потребительским рынком и опытом работы, может оказаться важным партнером. Целесообразны различные формы сотрудничества: привлечение китайского капитала, обучение российских специалистов в КНР и др.

В целом, оценивая перспективы марикультуры на побережье ДФО РФ, можно выделить следующие направления развития региона:

- освоение прибрежных акваторий вдоль побережья;
- устойчивое воспроизводство наиболее ценных биоресурсов акватории;
- создание рабочих мест и закрепление коренного населения побережья;
- обеспечение сырьевой базы для рыбопереработки;
- снижение себестоимости продукции и возможность активного введения в рацион питания полезной высокобелковой продукции;
- развитие фармацевтической отрасли на основе сырья морского происхождения;
- производство экологически чистых, гипоаллергенных ингредиентов для косметической промышленности;

— производство кормов и ветеринарных препаратов для животноводства.

• *Возрождение зверохозяйств (клеточных) пушных зверей.* В 1991 г. доля нашей страны на мировом рынке меха и пушнины составляла 30—35 %. А сейчас — не более 3—4 %. Так, в 1991 г. на Дальний Восток приходилось 24 % зверохозяйств страны. Меховой бизнес сегодня настолько выгоден, что вернуть утраченные на рынке позиции или хотя бы войти в десятку мировых лидеров для России будет делом непростым. Нелегко будет вернуть и позиции на внутреннем рынке, откуда российская продукция также вытеснена зарубежными конкурентами. Российские меховые изделия составляют лишь 15—20 % внутреннего рынка РФ. Сейчас мы лидируем на мировом рынке пушнины уже как импортеры меховых изделий. А ведь меховой рынок России по объему реализуемой продукции составляет около 3,5 млрд долл. Потенциал российского потребительского рынка мехов обусловлен простым обстоятельством: ввиду холодного климата трое из четверых россиян зимой носят меховые изделия. Весь мир настроен на то, чтобы везти свой мех в нашу страну.

Закупая 30 % всей мировой пушнины, мы производим только 5 %, и почти весь российский мех расходуется на внутреннем рынке, и это притом, что рентабельность по разным видам пушнины остается высокой (20—70 %). Так в чем причина такой деградации отрасли?

Во всем мире звероводство в последнее время подвергается атакам противников ношения мехов. В России клеточное звероводство стало жертвой не столько пропаганды, сколько зависимости от высоких цен на корма, переориентации рыбного промысла с дешевых и массовых сортов рыбы на ценный экспортный ассортимент. Скачок цен на корма усугубился ростом транспортных тарифов, который способствовал уничтожению почти всего клеточного звероводства в континентальной части страны (кроме тех хозяйств, что производили соболя).

И в то же время у России есть весомое преимущество для развития этой отрасли — замечательный для звероводства климат. Ни один выращенный в южных странах пушной зверек не имеет меха такого высокого качества, как российский.

Единственный русский мех, у которого в мире пока нет конкурентов, — соболь. Пока России монополию на соболя сохранить удастся, однако угроза потери все реальнее, так как зарубежные хозяйства пытаются наладить разведение «клеточного» соболя. Примечателен тот факт, что отечественные звероводы всячески этому препятствуют, в частности, отказываются продавать особей-производителей. Но даже если будет законодательный запрет, монополию, скорее всего, удержать не удастся: слишком высока рентабельность разведения. Китайцы, например, по наблюдениям экспертов, присматриваются к соболю очень серьезно. И если им удастся освоить его «клеточное» производство, то мировой рынок наверняка заполнят «китайские соболя».

На Дальнем Востоке есть все предпосылки для развития этой отрасли хозяйства: климат, корм. Именно вопрос корма является одним из самых важных, поскольку для питания зверьков используют рыбу и рыбную муку, отходы боен и молочных заводов, зерно, картофель.

Кроме дорогого меха, тушка зверька также является ценным продуктом. Из нее получают мясо (например, мясо нутрии — ценный диетический продукт), технические жиры и кремы, песцовый пух, органические удобрения для полей. У норки и хорьков есть специальный секрет — вещество, вырабатываемое специальными железистыми клетками животного, которое используется в парфюмерной промышленности и заменяет амбру (воскоподобное вещество, образующееся в пищеварительном тракте кашалота), добыча которой постоянно сокращается.

• *Освоение рекреационных ресурсов и взаимный туризм.* Сотрудничество именно в указанных сферах может иметь положительные результаты, в частности, в совместном строительстве отелей, создании «сафари-парков» и др.

Относительный интерес для китайских туристов представляют культура малых народов ДВ, археологические находки (Сикачи-Алян под Хабаровском, памятники культур Бохай и чжурчженей), военные укрепления (особенно Владивостокская крепость — единственный объект мирового уровня), места, связанные с деятельностью на ДВ японцев, корейцев, китайцев,

немцев, французов. Главным, хотя и не бросающимся в глаза, туристическим ресурсом ДВ является наличие объектов европейской (русской) культуры. Для стран Восточной Азии российский ДВ — это самая близкая территория-носитель экзотичной для них европейской культуры. Практически не используется в туристическом бизнесе одно из самых крупных в мире технических сооружений, которое является символом России и Владивостока — Транссибирская магистраль. Организация тура в комфортабельном туристском поезде через многие исторические центры по маршруту Владивосток—КВЖД—Байкал—Москва — перспективное дело.

Особый интерес для китайских туристов могут представлять Южно-Курильские острова, интересные тем, что там на малой площади сконцентрировано большое количество природных достопримечательностей (вулканы, термальные минеральные источники, обрывающиеся в море водопады, береговые скалы). Но при этом на Курилах до сих пор не нашла развития даже наиболее простая транспортная и гостиничная инфраструктура, хотя на столь небольшой площади огромные инвестиции не требуются.

Определенный интерес может вызвать круизный туризм, но для его расширения необходимо решение ряда погранично-таможенных и технических вопросов. Перспективны круизы и вдоль малоосвоенных побережий (Камчатка, Курилы, Шантарские острова и др.) по примеру маршрутов у берегов Норвегии, Аляски, Канады.

* * *

Подводя итог вышесказанному, можно сделать следующие выводы.

1. Принятые программные документы развития и возрождения приграничных территорий России и Китая требуют значительной доработки. Сотрудничество между граничащими районами Китая и Дальнего Востока России невозможно без государственной долгосрочной программы социально-эконо-

мического и политического развития Дальнего Востока по возрождению региона, разработанной учеными разных направлений, экономистами, бизнесменами.

2. Сотрудничество с КНР должно основываться на принципе взаимной выгоды. Все проекты по взаимодействию стран должны быть хорошо просчитаны. Региону необходимо постепенно отходить от материально-сырьевой направленности экспорта и все ресурсы бросить на подъем традиционного промышленного производства и улучшение социально-демографической ситуации. Россия и Китай смогут укрепить сотрудничество, если будут вместе стремиться найти такую схему развития отношений, при которой различные факторы будут усиливать друг друга, а не оказывать разрушительного влияния на одну из сторон.

3. Россия должна использовать свои природные ресурсы в первую очередь в интересах собственных граждан и таким образом, чтобы стимулировать собственную, а не чужую экономику. Экономическая стратегия России должна учитывать риски установления экономической гегемонии КНР и быть нацеленной на то, чтобы сдерживать не выгодные нам предложения в рамках совместных проектов. Необходимо отстаивать национальные интересы России, чтобы экономическое сотрудничество с Поднебесной не обернулось для нашей страны очередной волной утечки «мозгов» и технологий и подчинения ее рынка интересам сопредельного государства.

4. Необходимо принятие действенных мер в деле организации и техники торговых операций с Китаем с целью приближения последних к общепринятым в мировой торговле стандартам. Эти меры необходимы для устранения таких проблем, как ограниченность российского экспорта сырьевыми ресурсами, неразвитость инфраструктуры взаиморасчетов, преобладание наличных платежей, нарушающих российское и китайское законодательство, низкое качество товаров, ненадежность партнерских взаимоотношений, недостаточность информационного обеспечения, несовершенство страхового и арбитражного обслуживания. В числе противоправных действий, в которых замечены китайские граждане, — производство и реализация контрафактных товаров, незаконные валютно-финансовые опе-

рации, контрабанда, уклонение от уплаты налогов, браконьерство, незаконная вырубка лесов, скрытые формы торговли и др.

5. Сотрудничество должно быть предсказуемо и осуществляться только в экономически выгодных для нас направлениях (указаны выше).

6. Необходимо расширять гуманитарное сотрудничество: осуществлять совместные мероприятия, приуроченные к знаменательным историческим датам стран, производить обмен студентами и профессорско-преподавательским составом, создавать совместные учебные центры.

Примечания

¹ <http://ru.china-embassy.org>

² www.adm.khv.ru

³ Росбалт. 17.08.2006.

⁴ Муромцева З. Развитие городов и оптимизация экономической структуры Китая в XXI веке // Проблемы Дальнего Востока. 2002. № 3. С.112; Zhongguo tongzi nianjian 2005 : [Китайский статистический ежегодник 2005]. Beijing. Zhongguo tongzi chubanshe. 2005.

⁵ <http://www.chinaneast.gov.cn>.

⁶ Азия и Африка сегодня. 2009. № 9. С. 57—59.

⁷ Общая площадь ДФО составляет 619,2 млн га. На площадь лесного фонда ДФО приходится 496,2 млн га, (55 % от площади лесного фонда РФ). Площадь лесных земель 356,9 млн га (71 % от общей площади земель лесного фонда). Запас древесины 20,12 млрд куб. м. Расчетная лесосека составляет 97,3 млн куб. м. На территории региона сосредоточено 92 % общероссийских запасов олова, 81 % алмазов, 40 % золота, 23 % вольфрама, 11 % угля.

⁸ <http://www.nasledie.ru>.

⁹ <http://www.dvforum.ru>.

В. И. Балакин*

КИТАЙСКИЙ ВЗГЛЯД НА ВОПРОСЫ ВОСТОЧНОАЗИАТСКОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ РОССИИ

В разделе III фундаментальной монографии «Россия. Безопасность через сотрудничество. Восточно-азиатский вектор», а также в других трудах академик М.Л. Титаренко уделил особое внимание анализу такого примечательного обстоятельства, как ограниченность интеграции Китайской Народной Республики в расширяющиеся процессы экономической глобализации, оказывающие возрастающее воздействие на всю жизнедеятельность международного сообщества. По мнению М.Л. Титаренко, усилившаяся в XX столетии интернационализация исследовательской и производственной деятельности, последовательное развитие межгосударственного экономического взаимодействия и сотрудничества в сфере финансов приобретают поистине глобальный характер. Степень зависимости между странами стала столь очевидной, а их интеграция в мировую и региональную хозяйственную жизнь столь глубокой, что любое, даже самое незначительное, изменение политической ситуации в одних государствах вызывает цепную реакцию во многих других. Серьезный финансовый кризис в Юго-Восточной Азии 1997—1998 гг., охвативший сначала экономики Таиланда и Индонезии, затем

* Балакин Вячеслав Иванович, к. ю. н., в. н. с. Центра стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС ИДВ РАН.

привел к серьезным осложнениям во всей мировой банковской системе. Китай также ощутил на себе последствия данного кризиса, но сумел выстоять под его ударами и, более того, ощутимо помочь странам Восточной Азии преодолеть намечавшийся стремительный спад в их экономиках¹. Так впервые в своей истории Китай сыграл роль стабилизатора и даже системного интегратора всей восточноазиатской региональной хозяйственной системы. Отказавшись девальвировать юань и потеряв на этом, по некоторым оценкам, около 50 млрд долл., КНР сделала тогда, пожалуй, одну из своих самых знаковых заявок на лидерство в регионе Восточной Азии. Самое примечательное состояло в том, что для поддержания курса региональных валют Китай использовал собственные резервы, огромная величина которых традиционно превышала внешний долг государства. Обеспечение высокой нормы внутренних накоплений представляет собой один из основополагающих принципов экономической политики КНР. Китайское правительство при разработке национальных программ хозяйственного развития никогда не забывает о том, что в любой момент могут сложиться форс-мажорные обстоятельства, к чему надо быть полностью готовым².

Несмотря на перипетии азиатского финансового кризиса 1997—1998 гг., Китай полностью сохранил свою инвестиционную привлекательность, прежде всего, за счет взвешенной правительственной политики, направленной на поддержку и стимулирование капиталовложений из-за рубежа. Во многом названная политика была обеспечена путем принятия, а главное — реализации профессионально подготовленных законов, обеспечивших стране благоприятный инвестиционный климат, в основе которого лежат льготное налогообложение, целевое использование вложенных финансовых средств, гарантированная государством экономическая стабильность. Такой подход, безусловно, способствовал укреплению доверия между экономическими субъектами как на внутреннем китайском рынке, так и в сфере международной торговли. Это позволило КНР взять на себя особую роль на региональном уровне, а именно: стать системным контролером одной из мощнейших трансконтинентальных банковских корпораций, включающих построенное по эт-

ническому признаку неформальное сообщество финансовых учреждений Сянган, Тайвань и Сингапура, опирающееся на поддержку китайской диаспоры, разбросанной по всему миру и обладающей сильными финансово-экономическими позициями, особенно в Восточно-Азиатском регионе. Сегодня общепризнано, что китайская цивилизация обладает огромным потенциалом самообновления и саморазвития, поистине уникальной способностью адаптировать чужой опыт и встраиваться в новые реалии хозяйственного развития. В сочетании со стремлением к лидерству это предоставляет КНР реальный шанс глубже интегрироваться в региональное международное сообщество и, возможно, стать своеобразным системным интегратором на просторах восточноазиатского общего рынка.

По оценкам ведущих западных экспертов, Восточная Азия медленно, но уверенно продвигается по пути все более глубокой экономической интеграции входящих в нее стран³. Восточноазиатские интеграционные процессы, прежде всего, включают в себя становление устойчивых «производственных цепочек», которые выстраиваются транснациональными корпорациями (ТНК) на огромной территории, охватывающей все ведущие азиатские центры роста, такие, как Китай, Япония, Республика Корея, АСЕАН. Правительства стран региона, осознав конструктивный характер этого процесса, предприняли совместные усилия по заключению максимально формализованных соглашений по углублению экономического взаимодействия, направленного на формирование Восточно-Азиатского экономического сообщества. В отличие от европейской интеграционной модели, в Азии все начиналось с попыток наладить межправительственное сотрудничество в финансовой сфере на более или менее отдаленную перспективу. Эти попытки носили вынужденный характер из-за накрывшей азиатские государства сильнейшей кризисной волны 1997—1998 гг., побудившей страны региона постараться минимизировать влияние на их экономики таких проамериканских институтов, как Международный валютный фонд, Мировой банк и даже Федеральная резервная система США.

Последовательная интеграция российского Дальнего Востока в реально формирующееся восточноазиатское экономическое

пространство вызывает в КНР определенную обеспокоенность. Наибольшие опасения китайского руководства вызваны тремя обстоятельствами: (1) растущей зависимостью Китая от импорта российского сырья; (2) увеличением российского высокотехнологического экспорта в страны АСЕАН; (3) развитием крупномасштабного российско-японского инвестиционного взаимодействия в Дальневосточном федеральном округе РФ (ДФО).

Китайское правительство очень волнует выдвижение Россией в качестве ее внутреннего приоритета развитие страны на основе технологической модернизации и инновационного прорыва. Здесь можно выделить два направления: в рамках первого РФ в основном будет прилагать усилия по созданию технических регламентов, а также правил и процедур защиты прав интеллектуальной собственности; в рамках второго — начнет активно инвестировать в высокотехнологичные секторы национальной экономики.

Организационная реструктуризация авиационной, космической, электронной промышленности, атомной энергетики, информационно-коммуникационных технологий, судостроения, скорее всего, по оценкам китайских экспертов, позволит создать на Дальнем Востоке мощный конкурентоспособный производственный кластер, готовый потеснить на восточноазиатском рынке позиции Японии, Республики Корея и шире продвинуть продукцию вышеупомянутых отраслей на внутренний рынок КНР.

Китайское правительство видит модель регионального взаимодействия с Россией несколько иначе, чем это представляют себе в Москве. До настоящего времени Пекин определял это взаимодействие в виде формулы: *«Поставки энергоносителей и сырья из российского Дальневосточного федерального округа и их глубокая переработка на мощностях в Дунбэе»* (т. е. в северо-восточной части КНР, охватывающей восточную часть Автономного района Внутренняя Монголия, а также провинции Хэйлунцзян, Ляонин и Цилинь. — В.Б.). Но примерно в 2008 г. китайское правительство осознало, что Россия дошла до определенного рубежа в своем экономическом развитии, сделав радикальный вывод о том, что дальнейшее наращивание экспорта ресурсов будет сопровождаться зеркальной деградацией ее пе-

рерабатывающего сектора. У РФ сложилось ясное понимание фундаментальной приоритетности человеческого фактора, или иными словами — осмысление необходимости смещения производства в сторону интеллектуального продукта.

Реализуя собственную модернизационную программу, китайское руководство все более склоняется к тому, что менеджерские команды начинают играть особую, определяющую роль. В силу этого необходимо выделять рабочее пространство прежде всего для инновационных менеджеров не только отечественного происхождения, но — на начальном этапе — в основном привлеченных из-за рубежа. Предоставление государственной поддержки в последнем случае обуславливается в КНР разработкой бизнес-планов, ориентированных на технологические инновации исходного уровня, т. е. «источниковые ноу-хау». Показателен пример работы китайских властей с российским «Росатомом», которая признана в КНР весьма эффективной. Российская менеджерская команда фактически взяла на себя несколько направлений прикладных исследований, по которым в КНР планировали получить реальные результаты лишь к 2020 г.

Примером малоуспешного сотрудничества с РФ Пекин называет неудачу с присоединением китайских наработок к авиационным проектам КБ «Сухого», а именно: создание самолета Super Jet, а также истребителя «пятого поколения». Чтобы выстроить линейку инноваций массового спроса, Китаю необходимо заложить основы управления высокотехнологичными процессами по ключевым направлениям научно-технического прогресса. Россия до настоящего времени остается одной из тех немногих стран, которые в принципе достаточно либерально относятся к китайским технологическим «поискам» на своей территории. Слабость китайских усилий по втягиванию РФ в выгодное для КНР высокотехнологичное сотрудничество проявилось в неправильной оценке инновационных приоритетов российского государства, а именно — отсутствия желания у России интегрироваться в восточно-азиатское региональное сообщество на условиях «младшего партнера» Китая. Кроме того, Пекин насторожило то, что основной механизм адаптации крупных российских компаний к новейшему финансовому

кризису выразился не в качественном улучшении внутреннего управления, а в весьма незамысловатой мере — привлечении правительственной помощи и государственной поддержки через системообразующие банки, что фактически лишило потенциальных китайских инвесторов возможности приобретения интересующих их российских производственных активов.

Ввиду специфики складывающихся посткризисных условий китайская интеграционная модель для России в Восточной Азии начинает претерпевать определенные изменения. Комиссия правительства КНР по развитию провела контент-анализ состояния и перспектив модернизации крупнейших российских системообразующих предприятий на Дальнем Востоке. По оценкам китайских экспертов, в последнее время в России была потрачена масса усилий, чтобы поднять качество корпоративного управления, однако государственным органам так и не удалось заставить частный сектор официально, с привлечением соответствующих документов, разъяснить, что он собирается делать с растущими долгами и собственным бизнесом в случае поддержки государства. Тем не менее, правительственная помощь была получена, а ее результат обрел политическое звучание. Однако китайские эксперты рассматривают подобный итог не совсем как политическую проблему, ибо вопрос формирования стандартных правил предоставления государственной поддержки скорее напоминает проблему достижения макроэкономической эффективности, когда необходимо предоставлять поддержку только при наличии конкретных бизнес-проектов. Причем эти проекты должны ясно иллюстрировать, как будут формироваться денежные потоки и каким образом обслуживаться долги частного сектора.

Вместе с тем китайская региональная интеграционная модель для России, скорее всего, в обозримой перспективе будет выглядеть заметно более жесткой. Многие коренные дальневосточники уже сегодня испытывают серьезную тревогу по поводу своего будущего, поскольку китайские власти активизируют зондаж местного общественного мнения путем периодических целевых вбросов направленной информации о возможной долгосрочной аренде под их управлением местных сельскохозяйст-

венных земель и даже морских портов. Ситуация с российской интеграцией в Восточно-Азиатский регион складывается драматичнее, чем предполагалось в самом начале XXI в. Экспортные потоки сибирских углеводородов, руд, крупного леса и электроэнергии все более надежно закрепляются именно на внутреннем китайском рынке. Постепенно сырьевая зависимость России от европейского рынка начинает дополняться не менее, а может и более жесткой зависимостью от рынка КНР.

Рассматривая различные варианты восточноазиатского интеграционного процесса, некоторые западные эксперты задаются вопросом: каким образом Россия сможет развивать полноценное региональное сотрудничество в условиях сохранения режима военной охраны границы с Китаем? В реальности вариантов российской интеграции в экономику Восточной Азии не так уж и много, прежде всего ввиду ограничений, искусственно создаваемых со стороны КНР. Некоторые китайские экономисты называют в качестве предпочтительного пути (разумеется, с китайской точки зрения) создание вдоль китайско-российской границы так называемых индустриально-сервисных дуг, ориентированных на формирование крупных перерабатывающих производств. Однако существенное разногласие между Москвой и Пекином в данном случае сводится к одному простому вопросу — с чьей стороны границы они будут сформированы. Совершенно очевидно, что и России, и Китаю предпочтительнее осуществлять подобные инфраструктурно-экспортные проекты на собственной территории.

Несомненно, что для России критически важен процесс углубленного освоения Дальневосточного региона и укрепления там на постоянной основе русскоговорящего населения. Нынешние же хозяйственные реалии дают массу примеров нарастающей бизнес-миграции из России в Китай. Большинство крупных российских предприятий, базирующихся в ДФО, остро нуждаются в прямых инвестициях для проведения глубокой модернизации, и в это же самое время отечественные предприниматели скупают дешевые устаревшие производственные мощности по ту сторону российско-китайской границы, налаживают массовое производство востребованной продукции и

направляют ее на российский рынок по демпинговым ценам. При этом все финансовые расчеты осуществляются в иностранной валюте через оффшорные банки. Правительство КНР создает максимально благоприятные условия для российских инвесторов во всех крупных приграничных городах — Суйфэньхэ, Дунин, Хэйхэ, Маньчжоули, где им предоставляется земля на 49 лет без арендной платы, а также кредиты на 10 лет под 3—5 % годовых на цели долговременного обустройства.

Складывается впечатление, что правительство КНР настойчиво внедряет собственную модель интеграции РФ в восточноазиатское экономическое пространство. Ее подоплека состоит в том, что в Китае сегодня производить и перерабатывать гораздо выгоднее, чем где-либо еще в мире, поскольку там более развита инфраструктура, ниже трудовые издержки, высок мультиплицирующий эффект емкого внутреннего рынка. Кроме того, в КНР выгодны не только переработка, но и условия для развития переживающего период становления гигантского рынка инжиниринговых услуг. России надо как можно скорее создавать инжиниринговые компании, чтобы они работали на китайском рынке, а налоги платили на российском Дальнем Востоке. В противовес китайской модели интеграции РФ в восточноазиатское пространство российскому государству следует разработать собственную дальневосточную доктрину, имея целью не столько достижение экономической выгоды, сколько обеспечение своих геостратегических принципов и интересов, как это было в XIX и XX вв.

Примечания

¹ См., в частности: *Титаренко М.Л.* О роли и значении отношений между РФ и КНР в контексте основных особенностей современной международной обстановки // Проблемы Дальнего Востока. 2010. № 1. С. 4—16.

² *Титаренко М.Л.* Россия. Безопасность через сотрудничество. Восточно-азиатский вектор. М., 2003. С. 168.

³ *Gordon, Bernard K.* U.S. Perspectives on East Asia Economic Integration // Journal of Economic Development. Washington, 2006. December. P. 149.

И. Е. Бесстремянная*

ИНФРАСТРУКТУРНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В ЗАПАДНЫХ РАЙОНАХ КИТАЯ — ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ПУТЬ В ЦЕНТРАЛЬНУЮ АЗИЮ

Кризис 2008 г. заметно повлиял на показатели экономического роста большинства развитых и развивающихся стран, включая государства Центральной Азии. Затронул кризис и КНР, отразившись практически на всех параметрах внешнеторговой деятельности страны и став самым серьезным вызовом для китайской экономики в новом столетии.

Ввиду огромной численности населения (1,3 млрд человек), значительных размеров территории и высоких темпов развития народного хозяйства транспортная инфраструктура имеет огромное значение для Китая. Примерно половина грузо- и пассажирооборота в КНР приходится на железные дороги, однако постепенно доля железнодорожного транспорта уменьшается, но при этом заметно растет удельный вес морского, автомобильного, трубопроводного и авиационного видов транспорта.

В КНР разработана и реализуется единая транспортная стратегия так называемого большого скачка на период до 2020 г., которая к 2010 г. предусматривает полное устранение препятствий для экономического развития Китая за счет строи-

* *Бесстремянная Ирина Евгеньевна*, аспирантка Центра стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС ИДВ РАН.

тельства скоростных железных и автомобильных дорог, структурной модернизации транспортного комплекса, повышения скорости перевозок, комплексного развития аэропортов, морских и речных портов, значительного улучшения уровня сервиса и управления на всех видах транспорта, а к 2020 г. — формирование эффективной транспортной системы страны, соответствующей потребностям устойчивого экономического роста¹.

Китай стремится развивать оптимально скомпонованную транспортную сеть, которая усилит связи западных районов страны с восточными и центральными, а также протянется в глубь Центральной Азии и далее — в Россию и Европу с целью выхода на новые рынки.

В августе 2009 г. на заседании Руководящей группы по освоению западных районов Китая под руководством ее главы, премьера Госсовета Вэнь Цзябао, были приняты «Положения о сохранении устойчивого динамичного развития экономики западных районов Китая в ответ на международный финансовый кризис»². В этом документе были выдвинуты следующие задачи:

- всемерно пропагандировать важную геополитическую роль западных районов страны для активизации внутреннего спроса и налаживания стратегических связей с Центральной Азией;
- усилить инфраструктурное строительство и экологическую охрану прилегающих территорий;
- всемерно регулировать индустриальную структуру производства и последовательно изменять модель экономического развития;
- ускорять развитие социальных сфер с целью повышения уровня жизни населения страны;
- углублять политику реформ и открытости, формируя новую структуру выгодных внешних и внутренних экономических связей;
- форсировать восстановление объектов, разрушенных землетрясением в провинции Сычуань, в полной мере выполнить поставленную задачу по окончательной ликвидации его последствий.

В условиях международного финансового кризиса и сокращения внешнего спроса, снижающих темпы экономического развития Китая, правительство КНР старается вести активную финансовую политику, в рамках которой инвестиции в размере 4 трлн юаней выделяются на реализацию инфраструктурных проектов на западе страны с выходом в Центральную Азию и поддержку экспортоориентированных отраслей промышленности западных районов³.

К настоящему времени такая политика дала положительные результаты и сыграла важную роль в наращивании современного экономического потенциала страны. Для того чтобы избежать избыточности производственных мощностей, вызванной большим объемом инвестиций, китайская финансовая политика в период кризиса нацелена главным образом на инфраструктурное строительство именно в северо-западном направлении. Массированное создание высокоскоростных железных дорог является прямым следствием данной установки. По мнению многих компетентных китайских экономистов, финансовая политика, ориентированная на инфраструктурное инвестирование, способствует экономическому восстановлению и предотвращает появление новых избыточных производственных мощностей, а незадействованный потенциал уже существующих мощностей эффективно переориентируется на обеспечение экспортных поставок в Центрально-Азиатский регион⁴.

Увеличение капиталовложений в инфраструктурные проекты уже привело к ряду ощутимых результатов. Так, в условиях повышения объема инвестиций государственного уровня и реализации политики по активизации внутреннего спроса было разработано несколько акцентных проектов, которые стали главным механизмом сохранения экономического роста, особенно в депрессивных районах.

За первые три квартала 2009 г. общий объем капиталовложений в Китае достиг более 15,5 трлн юаней, увеличившись на 33,4 % по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Особенно возросло инвестирование инфраструктурных объектов в западной части страны — примерно на 50,2 %⁵.

Можно привести в пример те же железнодорожные проекты. В 2009 г. в Китае были реализованы капиталовложения в железнодорожную инфраструктуру в размере 600 млрд юаней. На эти средства были инициированы 70 новых масштабных строек с общим объемом инвестиций до 1,5 трлн юаней. В результате на реализацию данных проектов ушло 20 млн т стальных материалов, 120 млн т цемента, что позволило эффективно поддержать производственную сферу и сохранить рабочие места, в частности, на предприятиях, выполнявших заказы для центральноазиатских стран⁶.

Таким образом, можно говорить, что текущий финансовый кризис не только не замедлил или приостановил реализацию инфраструктурных проектов в западных районах Китая, но, напротив, благоприятно сказался на их осуществлении, что продемонстрировало заказчикам из государств Центральной Азии высокую устойчивость китайской экономики, сохранившуюся несмотря на все трудности сегодняшнего глобального и регионального развития. Примером может служить претворение в жизнь проекта по прокладке новых железной и автомобильной дорог между Казахстаном и Китаем, что поможет сделать весьма эффективными и конкурентоспособными контейнерные перевозки от крупного китайского порта Тяньцзинь через Центральную Азию в сторону Евросоюза. Предполагается, что реализация данного уникального проекта завершится в 2012 г., а общий объем капиталовложений за это время составит порядка 980 млн долл. К строительству будут привлечены более 5,5 тыс. рабочих. В настоящее время строительство на указанном объекте ведется без каких-либо отклонений от плана, оставшегося неизменным, несмотря на текущий финансовый кризис⁷.

Достаточно успешно продвигается и строительство автомобильных дорог в рамках международного проекта «Западная Европа — Западный Китай». Этот транспортный коридор, берущий начало в Китае и проходящий через Казахстан и Россию, откроет путь в Европу практически всем азиатским странам. Его протяженность составит в общей сложности 8998 км, в строительстве примут участие более 50 тыс. человек. Этот су-

хопутный маршрут сократит путь из Китая в Европу до 11 дней (морской переход составляет 45 дней).

В пров. Сычуань ведется активное строительство железнодорожной линии Чэнду — Дуцзяньян, в сооружение которой вложено 2,25 млрд юаней. По плану в феврале 2010 г. на данной линии было открыто движение⁸. В результате целевых инвестиций в инфраструктуру в рамках антикризисной программы железные дороги Китая в 2010 г. увеличат объем перевозок на 30 %.

В рамках пакетной государственной программы масштабные капиталовложения направлены на восстановление инфраструктуры после стихийных бедствий. В первой половине 2009 г. центральная власть вложила около 37,5 млрд юаней — в сферу жилья; 104,3 млрд — в сельское хозяйство; 87,1 млрд — в важные инфраструктурные проекты; 57,3 млрд юаней — в здравоохранение, просвещение и другие социальные секторы. Эти инвестиции уже дали позитивный эффект и позволили удержать минимально необходимый уровень производства на западе КНР⁹.

В связи с вышеизложенным, видится необходимым выделить особенности китайской внешней политики на центральноазиатском направлении. Прежде всего, она жестко увязана с фактором обеспечения стратегической и геополитической стабильности в западных провинциях КНР¹⁰. Среди приоритетных задач Китая в отношении Центральной Азии можно выделить следующие: предотвращение попыток сдерживания роста мощи Китая в этом регионе; диверсификация доступов КНР к тамошним энергетическим ресурсам; обеспечение влияния Китая на Центральную Азию через систему договоренностей в рамках Шанхайской организации сотрудничества. Последнее особенно актуально с точки зрения поддержания безопасности и экономического развития Синьцзяна и Тибета. Кроме того, позиционное превалирование КНР в Центральной Азии объективно необходимо Пекину для эффективного противодействия политике Вашингтона, направленной на достижение США доминирования в экономической, политической и военной сферах Центрально-Азиатского региона.

Примечания

¹ Tech innovation of China's Railroad System //People's Daily Online. 30.03.2010.

² *Huo S.* Changing Central-Local Relations in China. Boulder Westview Edition. 2010. P. 182.

³ China's Export to Central Asia Region. Uchida Report 15. Keidanren Research Center. 2009. P. 5.

⁴ World Bank: An Overview of China's Approach. Final Report. 2009. P.24.

⁵ China Internal Investments in 2009. Foundation for Advanced Studies of International Development. Tokyo. Winter 2010. № 77. P. 5.

⁶ Tedaо yunshu yui jingji. 2009. № 1. P. 4.

⁷ *Балакин В.И.* Тяньцзинь-Биньхай: новый международный инвестиционный район КНР // Проблемы Дальнего Востока. 2009. № 3. С. 67—73.

⁸ Jiaotong yunshu jingji , yudian jingji. Beijing. 2009. № 4. P. 23.

⁹ *Daniel Twining.* The Strategic Implications of China's Internal Investments in 2009. The German Marshall Fund of the United States. 31.01.2010. P.4.

¹⁰ Особенности китайской дипломатии в Центральной Азии: взгляд из Казахстана // easttime. ru. 11.09.2008.

ИСТОРИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ КИТАЯ

Р. А. Мировицкая*

**КИТАЙСКАЯ ПРОВИНЦИЯ СИНЬЦЗЯН
В СОВЕТСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ
(1930—1940-е годы)**

Китайская провинция Синьцзян, обладающая огромными размерами в 1,5 млн кв. км, в начале 30-х годов XX в. имела протяженную пограничную линию с СССР. В многонациональном Синьцзяне (60 % населения — уйгуры, 40 % — китайцы, казахи, монголы и др.) постоянно тлели межэтнические конфликты, создавались сепаратные мусульманские национальные государства, наиболее крупные из которых существовали в 1871—1881 гг., 1931—1933 гг. и с октября 1944 г. по октябрь 1945 г. Восставшие, как правило, обращались за поддержкой к России и впоследствии — к СССР. Эти восстания и конфликты находили определенную поддержку у Москвы¹.

Итак, в 1930-е годы после вторжения Японии в Маньчжурию в 1931 г. и создания на китайской территории государства Маньчжоу-го, стало очевидным стремление Японии распро-

* *Мировицкая Раиса Анатольевна*, к. и. н., в. н. с. Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений ИДВ РАН.

странить свое влияние на Запад Китая — в провинции Жэхэ, Чахар, Суйюань, Синьцзы. Руководство СССР еще задолго до широкомасштабного нападения Японии на Китай приняло ряд принципиальных политических решений по китайской проблеме (на случай японо-китайской или японо-советской войны, ибо в Москве не исключался и такой вариант развития событий). Эти решения следует рассматривать как реальную поддержку китайскому государству в отражении японской агрессии на континенте. Советские внешнеполитические инициативы диктовались целесообразностью поддержки китайского государства в стабилизации внутривосточной обстановки, поскольку только через стабильность Китая мог обеспечить свое будущее. Во-первых, речь шла об оказании содействия двум крупнейшим китайским политическим партиям — правящей партии Гоминьдан и оппозиционной Китайской Коммунистической партии — в прекращении междоусобной борьбы и объединении усилий в борьбе с японской агрессией. Данная проблема могла быть решена только при участии СССР. Начало реализации данного проекта — выступление представителя Коминтерна Ван Мина на VII Конгрессе Коминтерна в Москве (1935 г.). При обсуждении вопроса о переброске войск КПК из глубинных районов Китая к границам, близким позициям японской армии на территории страны, рассматривалось несколько вариантов передислокации. По инициативе Коминтерна и Москвы маршрут перемещения войск к границам Синьцзяна был признан нецелесообразным, поскольку концентрация войск могла бы обострить обстановку в этой провинции, что в свою очередь затруднило бы поставки советской помощи антияпонским силам.

Во-вторых, что касается самого Синьцзяна, то в июле—августе 1933 г. вопрос о роли этой китайской провинции в советско-китайских отношениях обсуждался в Политбюро ЦК ВКП(б) с привлечением приглашенных советских консульских сотрудников, работавших в Синьцзяне.

Напомним, что в 1929 г. после известного конфликта на КВЖД правительство Китайской Республики (КР) (Нанкинское правительство) направило в Синьцзян телеграмму с указа-

нием отозвать все пять китайских консульств на территории Средней Азии и Казахстана. Советское правительство и власти Синьцзяна проигнорировали данное распоряжение, и консульства продолжали функционировать на территории СССР и в китайской пров. Синьцзян².

С 1933 г. Синьцзяном управлял генерал-губернатор Шэн Шицай, проводивший курс на сближение с СССР. СССР в 1930-е годы предоставил провинции значительную финансово-экономическую и военную помощь, на территории Синьцзяна действовали 8 советских консульств, сотни советских советников и специалистов. Несколько раз в провинцию направлялись части Красной Армии, помогавшие местным властям подавлять мятежи.

Руководители советского правительства неоднократно подчеркивали, что рассматривают провинцию как неотъемлемую часть Китая.

Главной геополитической задачей советской политики в Синьцзяне было не допустить возможность создания на территории провинции второго Маньчжоу-го.

В августе 1933 г. на специальном заседании ПБ ЦК ВКП(б) обсуждался вопрос о Синьцзяне. Единогласно (после обстоятельного обсуждения) было принято Постановление о работе в Синьцзяне, первый пункт которого гласил: «Считать неприемлемым поддерживать лозунги и политику отделения Синьцзяна от Китая». Одновременно было принято Постановление ПБ ЦК ВКП(б) о развитии экономических, торговых и других связей СССР с Синьцзяном³. В развитие директив Москвы заместитель наркома по иностранным делам Г.Я. Сокольников сообщил полпреду СССР в Китае Д.В. Богомолу о приоритетах внешней политики СССР: «Мы будем проводить твердую линию на сохранение суверенитета Китая в Синьцзяне и ни в коем случае не будем поддерживать какие-либо сепаратистские движения в Китае». Далее подчеркивалось: «Наши экономические интересы в Синьцзяне очень значительны (Синьцзян занимал 3-е место в торговле СССР на Востоке, после Монголии и Персии. — *Р.М.*), что соответствует экономическим интересам самого Синьцзяна, для которого СССР в силу географического положения Синь-

цзяна при данном развитии путей сообщения почти единственный рынок сбыта продукции провинции»⁴.

Немаловажное значение для развития советско-китайских отношений в Синьцзяне имели контакты руководителей СССР — И.В. Сталина, К.Е. Ворошилова, В.М. Молотова с генерал-губернатором Синьцзяна Шэн Шицаем в 1934—1938 гг.⁵ Советские инициативы отвечали государственным интересам и СССР, и Китая.

Важнейшей задачей политики СССР в Синьцзяне, как отмечалось, было сохранение провинции в составе КР. Оказывая огромное влияние в 1930-е годы на внутривосточную ситуацию в Синьцзяне, СССР, тем не менее, не предпринимал попытки «советизации» этой китайской провинции⁶. Советское руководство продолжало подчеркивать, что рассматривает Синьцзян как неотъемлемую часть китайского государства. Чан Кайши в целом одобрял стратегию СССР на взаимодействие с Китаем. Но правительство КР, в том числе и сам Чан Кайши, было обеспокоено весьма активной деятельностью СССР в Синьцзяне, однако это не мешало значительному улучшению советско-китайских отношений в силу нарастания угрозы СССР и Китаю со стороны Японии и благодаря проведению Москвой общего курса на помощь китайскому государству в сохранении обстановки внутривосточной стабильности. Одним из важнейших результатов советско-китайских контактов на синьцзянском направлении стала совместная постройка шоссейной дороги от советской границы до Ланьчжоу, по которой с осени 1937 г. в Китай стала доставляться советская военнотехническая помощь. Синьцзян стал важным реципиентом советской помощи в годы, предшествовавшие широкомасштабной японо-китайской войне.

После начала советско-германской войны и больших количественных потерь Советской армии на советско-германском фронте последовало обострение советско-синьцзянских отношений. Чан Кайши в беседе с послом СССР в Китае А.С. Панюшкиным 9 июня 1942 г. счел нужным заявить, что «по делам Синьцзяна Советскому правительству следует обращаться непосредственно к Центральному правительству Китая, а не к про-

винциальному правительству Синьцзяна»⁷. Чан Кайши вернулся к данной теме 16 июля 1942 г. в беседе с советским послом, состоявшейся по инициативе А.С. Панюшкина. Чан Кайши сообщил послу, что он очень надеется на то, что Советское правительство будет в дальнейшем обращаться по всем вопросам Синьцзяна непосредственно к Центральному правительству Китая, а не к провинциальным властям, во избежание повторений всевозможных недоразумений⁸.

Первые решения Москвы о военных поставках Китаю были приняты и реализованы еще до подписания советско-китайского договора 1937 г. Далее СССР предоставил Китаю льготные кредиты, и в счет этих кредитов осуществлялись поставки оружия и различной военной техники для 20 китайских дивизий. Военные грузы до советско-китайской границы следовали по советским железным дорогам и далее автотранспортом по специально сооруженной в короткие сроки шоссейной дороге. Только за период с октября 1937 г. до середины февраля 1939 г. под перевозку грузов для Китая было занято более 5640 товарных вагонов, а на автомобильном тракте через Синьцзян — более 5200 советских грузовых автомашин. Свыше 4000 советских специалистов — автотехников, шоферов, автодорожников, специалистов других специальностей обеспечивали военные поставки Китаю.

Синьцзян на определенном этапе стал также центром сборки советской боевой техники, следовавшей по маршруту Алма-Ата — Урумчи — Хами. С сентября 1937 г. по июнь 1941 г. в Китай было направлено более 1235 самолетов, 1600 орудий и др. С конца 1937 г. в районе станции Домна (Забайкалье) начал формироваться скоростной бомбардировочный авиационный полк, вооруженный средними бомбардировщиками «СБ». Перед направлением в Китай летчики, радисты, стрелки и др. проходили большую предполетную тренировку. Танковые части направлялись через Монголию в Ланьчжоу (Алма-Ата, Урумчи, Ланьчжоу). В Ланьчжоу была организована служба ПВО для прикрытия столицы пров. Ганьсу от налетов японцев.

1 декабря 1937 г. первые советские военные самолеты произвели посадку в Нанкине и вступили в бой с японцами. Со-

ветские летчики приняли на себя главный удар японских воздушных армий, в боях было уничтожено более сотни японских самолетов. С мая по декабрь 1938 г. было сбито более 80 самолетов, уничтожено 70 военных транспортных и военных судов. Были потери и с советской стороны, свыше 200 советских летчиков погибли смертью храбрых в Китае.

В 1938 г. состоялись визиты в Москву Сунь Фо, председателя Законодательного юаня КР и посла КР в СССР Ян Цзэ, в ходе которых были подписаны два первых соглашения о предоставлении Китаю двух кредитов по 50 млн долл. каждый на цели закупки техники и оборудования. Подписание соглашения о втором кредите в июле 1938 г. состоялось через три недели после начала Японией вооруженных провокаций у озера Хасан. Не исключено, что таким путем Япония выразила свое отношение к советской помощи Китаю. Всего же советские кредиты Китаю достигли суммы 450 млрд долл.

До начала войны Японии против Китая в 1937 г. Чан Кайши заявлял, что Китай в силу своей слабости будет вынужден перейти к сценарию затяжной войны в случае невступления в войну крупнейших держав мира.

В 1938 г. в письме И.В. Сталину Чан Кайши выступил с предложением направить советские войска в Китай, а в августе 1938 г. — подписать *секретный* политический договор между странами, который по содержанию фактически был бы пактом о взаимопомощи, но без обязательства СССР вступить в войну с Японией (в развитие Устной декларации, согласованной СССР и КР в августе 1937 г.). Советское руководство посчитало, что дополнительные договоренности не нужны ни Китаю, ни СССР. Одна из главных задач советской дипломатии (на первом этапе войны) и освободительного движения в Китае была решена: Китай не капитулировал. 1 ноября 1938 г. Чан Кайши обратился к нации с призывом продолжать войну сопротивления. 25 августа и 4 сентября 1939 г. Чан Кайши вновь поднимал вопрос о подписании между СССР и КР пакта о взаимопомощи.

Главным фактором, под воздействием которого складывались и развивались советско-китайские отношения с 1937 г., была война, развязанная Японией против Китая. Советский

Союз оказывал помощь китайскому государству не только из чувства дружбы к китайскому народу и солидарности с ним, но и потому, как отмечалось выше, что милитаристская Япония угрожала безопасности СССР, советскому Дальнему Востоку. Одним из факторов, затруднявших реализацию плана нападения Японии на СССР, была японо-китайская война (так считали в Москве). Советский Союз был заинтересован в укреплении обороноспособности КР.

Другим фактором, влиявшим на развитие советско-китайских отношений, явилась деятельность Компартии Китая. Оба эти фактора оказывали на советско-китайские отношения и положительное, и отрицательное воздействие. Деятельность КПК, располагавшей собственными вооруженными силами, была полезна для развития советско-китайских отношений, так как являлась определенным противовесом тем силам в ГМД, которые были склонны к сговору с Японией, и служила противовесом усилению США в Китае в годы войны. Советское руководство ориентировало КПК на сотрудничество с ГМД в борьбе за национальную независимость китайского государства. Однако руководство КПК рассчитывало, что оно может активизировать борьбу за захват власти в стране, даже не ожидая завершения японо-китайской войны, что осложняло советско-китайские отношения.

Находившийся в Москве в 1938 г. Сунь Фо передал И.В. Сталину просьбу Чан Кайши расширить масштабы советской помощи. И.В. Сталин заявил, как и в ноябре 1937 г. в беседе с Ян Цзэ, что «мы поможем Вам всем, чем сможем». При этом он сформулировал два условия, которые смогут обеспечить Китаю победу в войне: создание его собственной военной промышленности и политическое единство страны. Одним из важнейших направлений советской политики в Китае было формирование условий для прекращения гражданской войны и создание единого фронта в войне с Японией, что и было зафиксировано в Решении ЦК КПК от 23 августа 1937 г.

В СССР держали на контроле и «синьцзянскую» проблему.

Советский Союз готов был внести свой вклад и в сооружение на китайской земле (в Синьцзяне) самолетосборочного и

нефтеперерабатывающего заводов как этапа реализации программы создания национальной промышленной базы в Китае. Решение о строительстве завода мощностью 300 истребителей в год было принято в Москве 14 октября 1939 г.

К началу 1939 г. в Китай было направлено до 5000 советских военных специалистов, инструкторов, летчиков-добровольцев. Для планирования военных операций в Китай была откомандирована специальная группа военных советников, к концу 1939 г. она насчитывала 75 человек. Среди них были такие известные советские военачальники, как В.И. Чуйков, П.С. Рыбалко, А.И. Черепанов и другие. Многие советские воины погибли в боях с японскими захватчиками.

Активная помощь СССР Китайской Республике, как известно, вызвала обострение советско-японских отношений. События на Хасане (1938 г.), а затем на Халхин-Голе (1939 г.) стали знаковыми событиями в этом процессе. В то же время успехи советской армии на Хасане и Халхин-Голе явились поддержкой китайскому народу в его борьбе против Японии.

В конце 1938 г. Чан Кайши обратился к советскому правительству с просьбой направить в Китай в качестве главного военного советника маршала В.К. Блюхера, который был советником Чан Кайши в годы Северного похода НРА (1926—1927 гг.). Чан Кайши заявил советскому полпреду, что направление в Китай В.К. Блюхера было бы равносильно направлению в Китай 100 000 войск Красной Армии (СССР). 9 января 1940 г. Чан Кайши обратился к СССР с просьбой о выделении ему постоянного советника по политическим вопросам.

11 августа 1939 г. уполномоченные правительств СССР и КР подписали протокол о строительстве в Урумчи (Синьцзян) самолетосборочного завода, что ознаменовало собой начало реализации проекта развития национальной экономики в Китае. 1 октября 1940 г. предприятие частично вступило в строй. В основном сооружение завода было завершено к февралю 1941 г. К моменту подписания акта об окончательном (полном) завершении строительства (5 июня 1942 г.), производительность предприятия достигла цифры в 450 самолетов в год.

В сентябре 1939 г. по предложению правительства КР была создана советско-китайская авиакомпания «Хами-Ата». 9 сентября 1939 г. между Главным управлением воздушного флота СССР и Министерством коммуникаций КР было подписано соответствующее соглашение сроком на 10 лет. Совместные советско-китайские предприятия, в их числе и «Хами-Ата», действовали на паритетных началах. В авиакомпании «Хами-Ата» все техническое обслуживание авиалиний (самолетный парк, летный состав, навигационная служба, снабжение горючим и т. д.) обеспечивалось советской стороной. Функционирование авиалиний имело большое значение и для китайской, и для советской сторон. Самолетами доставлялось оружие и осуществлялись другие важные стратегические поставки в Китай, а в СССР следовали товары гражданского назначения и важные для оборонной промышленности вольфрам, олово и др.

17 января 1940 г. правительство Китайской Республики обратилось к советскому правительству с просьбой направить в Китай для работы в 1940 г. дополнительно военных советников разных родов войск. В 1941—1943 гг. советско-китайские отношения несколько охладились, что было связано с сокращением советской военной помощи Китаю и взаимной торговли. Москва из-за тяжелого положения на советско-германском фронте уже не была в состоянии поддерживать прежний уровень военных поставок. Чан Кайши опасался быстрой победы Германии на восточном фронте и неизбежного усиления Японии на Дальнем Востоке.

К 1943 г. политическое влияние и физическое присутствие СССР в Синьцзяне резко сократилось. Советская сторона вынуждена была проявить инициативу и отозвать из Синьцзяна своих советников, преподавателей, инструкторов, инженеров, а также вывести кавалерийский полк⁹.

В начале 1943 г. руководство КР возобновило шаги по углублению советско-китайских отношений, выступило с инициативой обмена делегациями на уровне министров иностранных дел¹⁰. В Чунцине в начале января 1943 г. между советским послом А.С. Панюшкиным и китайским экс-послом в Москве Шао Лицзы состоялась беседа, в ходе которой Шао Лицзы со-

общил советскому послу, что было бы совсем неплохо, если бы кто-либо из важных представителей китайского правительства посетил СССР.

В июне 1944 г., учитывая кардинальные изменения на фронтах Второй мировой войны и рост силы и влияния Советского Союза, правительство Чан Кайши приняло решение начать переговоры с Москвой по всем аспектам китайско-советских отношений. Одновременно и советское руководство поставило задачу нормализации отношений с Китаем, официально пригласив китайскую правительственную делегацию во главе с премьер-министром Китая Сун Цзывэнем в Москву. Советская дипломатия предполагала заключить договор о взаимном ненападении сроком на 10—20 лет, установить военное сотрудничество с КР, разрешить проблему Синьцзяна и др. Переговоры начались в Москве в июне 1945 г. уже после окончания Великой Отечественной войны.

Завершая небольшой экскурс в историю советско-китайских отношений времен Второй мировой войны, необходимо подчеркнуть, что современное российско-китайское стратегическое взаимодействие развивается не только с учетом текущих реалий и потребностей, но и благодаря огромному историческому опыту этих отношений. Позитивные «наработки» плодотворного межгосударственного сотрудничества прошлых лет, особенно в кризисные и для Китая, и для СССР годы войны, помогут избежать многих «подводных камней» и препятствий в развитии партнерства наших двух стран в настоящее время.

Примечания

¹ См.: *Воскресенский А.Д.* Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений. Гл. 5. М. 1999. С. 211—213; *Бармин В.А.* Синьцзян в советско-китайских отношениях. 1941—1949 гг. Барнаул, 1999. С.Г. Лузянин пишет: «Анализируя причины эволюции советской политики в Синьцзяне в 1944—1945 гг., необходимо отметить, что советское руководство, поддерживая мусульманских повстанцев, изначально не ставило цель создания на территории Синьцзяна отдельного от Китая государства. В Москве прекрасно понимали, что существование подобного государства

будет иметь не только антикитайскую, но и антироссийскую направленность, а также будет дестабилизировать ситуацию в регионе. По большому счету у СССР имелось по крайней мере три стопроцентных исторических шанса оторвать Синьцзян от Китая — в 1925—1927 гг. во время китайской революции; в 1931—1933 гг. в ходе мусульманского восстания в Синьцзяне против Китая; и в 1944—1945 гг. в годы Восточно-Туркестанской республики. Однако ни в первом, ни во втором, ни в третьем случае СССР этого не сделал. Это обстоятельство подтверждает доминирование во внешней стратегии Москвы в то время общегосударственных геополитических интересов, направленных на сохранение единства и целостности Китая, а также стабильности в советской Центральной Азии и сопредельных СССР территориях» (*Новая и новейшая история*. 1999. № 4).

В России по вопросам советско-китайских отношений в Синьцзяне (в конце XX и начале XXI вв.) опубликованы книги и статьи А.Д. Воскресенского (1999), Ю.М. Галеновича (1992), А.М. Ледовского (1999 и 2006), С.Г. Лузянина (1999), Л.С. Переломова (2005), Ю.А. Сидорова (2006), Р.А. Мировицкой (2006) и др.

² См.: *Воскресенский А.Д.* Указ. соч. С. 212; *Галенович Ю.М.* «Белые пятна» и «болевы точки» в истории советско-китайских отношений. СССР и КНР (1949—1991 гг.). Т. 2. Кн. 1. С. 106—107.

³ См.: РКО в XX в. Т. III. См. также текст Директив в: *Проблемы Дальнего Востока*. 2007. № 4. С. 106—107. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 502. Л. 1—7).

⁴ Там же. В п. 9 Директив подчеркивалось: «предложить заинтересованным ведомствам (РВСР, ОГПУ, НКВД) уделить особое внимание наблюдению и изучению планов англичан и японцев в части Синьцзяна».

⁵ См.: РКО в XX в. Т. III. ПДВ. 2007. № 4. С. 106—113.

⁶ См.: РКО в XX в. Т. IV. Кн. 1. Д. 516, 517, 518.

⁷ См.: РКО в XX в. Т. IV. Кн. 1. Д. 517. См. также: Д. 518.

⁸ См.: там же. Л. 704.

⁹ *Воскресенский А.Д.* Указ. соч. С. 218.

¹⁰ 1943 г. — год международного признания Китая. Именно в 1943 г. США и Великобритания отказались от экстерриториальности своих прав в КР. СССР 31 мая 1924 г. подписал соглашение с КР на принципах равенства. В 1943 г. произошли и другие важные для Китая события в его международной политике. КР приняла участие во всех международных конференциях как великая держава.

Научное издание

**Китай в мировой и региональной политике.
История и современность**

Выпуск XV

Ежегодное издание

Редактор-составитель *Е. И. Сафронова*

Редактор *Е. В. Белилина*

Корректоры: *О. У. Муфаззалова, Н. Б. Потапова*

Компьютерная верстка *С. Ю. Тарасова*

Обложка *Т. В. Иваншиной*

Подписано в печать 10.09.2010.

Формат 60×84/16. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс».

Печ. л. 15,5. Бумага офсетная. Тираж 200 экз.

Заказ № 17